

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Курский государственный университет»

На правах рукописи

Андрюшина Любовь Владимировна

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ КОНРАДА ЛОРЕНЦА:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ**

Специальность 09.00.13 – Философская антропология;
философия культуры

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук,
доцент Власова О.А.

Курск 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3	
Глава I. Антропология К. Лоренца в контексте междисциплинарных антропологических исследований		
1.1. Сопоставление человека и животных в немецкой философской антропологии и философии культуры	15	
1.2. Антропологические исследования Лоренца в контексте этологической программы.....	32	
1.3. Междисциплинарные горизонты антропологии Лоренца и ее исследовательские установки.....	46	
ГЛАВА II. Исследовательские стратегии и проблематика сравнительной антропологии.....		59
2.1 Сравнительная антропология как система	59	
2.2 Центральная проблема – агрессивность в животном и социальном мире.....	76	
2.3. Культура в антропологическом ракурсе.....	95	
2.4. Современные вызовы человечества и стратегии их преодоления	107	
Заключение	131	
Библиография	137	

Введение

Актуальность темы исследования. Конрад Лоренц – известный австрийский биолог, один из родоначальников этологии, лауреат Нобелевской премии. Это фигура совсем не типичная для биологии и этологии, поскольку своими идеями выбивается из естественнонаучной традиции и выходит в пространство общегуманитарной рефлексии, и знаковая для науки XX века.

В центре мысли Лоренца стоит проблема человека, поэтому её с полным правом можно охарактеризовать как философскую антропологию. Она стала попыткой связать воедино биологические, антропологические и социокультурные аспекты взаимоотношения человека и общества. Лоренц даёт свою теоретическую интерпретацию отношениям человека, общества и природы, развивая ряд стратегий исследования, необходимых для утверждения и развития философско-антропологической теории.

Антропологическая теория Лоренца носит сравнительный междисциплинарный характер: на основании изучения инстинктивного поведения животных он строит философскую теорию человека, для него путь «от животных инстинктов к формам человеческого поведения в обществе» является основным. В силу такой специфики идеи Лоренца имеют *общенаучную актуальность*: изучение его методологических стратегий может стать ценным для исследований феномена междисциплинарности и междисциплинарных полей, причём, не только на границе биологии и философии. Такая постановка проблемы имеет и *общегуманитарное значение*: прояснение установок и концептуального аппарата сравнительной антропологии Лоренца может оказаться значимым для развития психологических, социологических, культурологических исследований.

Системный характер антропологии Лоренца обуславливает *общепhilософскую актуальность* темы. Интерес Лоренца охватывает многообразные уровни жизни человека, изучение которых важно для различных дисциплинарных пространств философии: устойчивые паттерны поведения человека и животных (различия которых значимы для философской

антропологии), сеть культурной и социальной организации общества (что важно для философии культуры, социальной антропологии и социальной философии), наиболее важные проблемы современности (их исследования имеют центральное значение в построении стратегии дальнейшего развития человечества).

Особенную *актуальность в свете философской антропологии* имеет изучение практических идей Лоренца. Акцентирование методологических стратегий позволяет наметить возможные пути использования теоретических философско-антропологических идей для переоценки статуса человека в обществе и выработки не только новых путей его осмысления, но и новых стратегий работы с той современной ситуацией, которую Лоренц описывает как губительную, с которой, по его убеждению, человеку необходимо бороться. Таким образом, выбранный ракурс исследования (анализ методологических стратегий сравнительной антропологии Лоренца) придаёт работе общенаучный, общеполитический и практический актуальность.

Степень научной разработанности проблемы. Всю имеющуюся исследовательскую литературу, касающуюся мысли Лоренца, можно разделить на две большие группы. К первой относятся работы этологического характера, – это исследования биологической концепции инстинктивного поведения, предложенной Лоренцем¹. Основным достоинством этих работ следует назвать последовательное изложение мысли Лоренца и её четкую контекстуализацию в рамках биологии и этологии XX века. Эти работы нередко содержат попытку исследования антропологических идей Лоренца (Н. Тинберген², В.Р. Дольник³, Д. Палмер⁴, Е.А. Гороховская⁵, И.А. Шмерлина⁶, Е.Н. Панов⁷, М.Л. Бутовская⁸, М.А.

¹ См.: Лоренц, К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества / К. Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – 493 с.; Лоренц, К. Обратная сторона зеркала / К.Лоренц; пер. с нем. А.И. Федорова, Г.Ф. Швейника. – М.: Республика, 1998. – 496 с.

² Тинберген, Н. Социальное поведение животных / Н. Тинберген; пер. с англ. Ю.Л. Амченкова. – М.: Мир, 1993. – 82 с.

³ Дольник, В.Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей / В. Р. Дольник — СПб.: Петроглиф, 2009. —352 с,

⁴ Палмер, Д. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens /Д. Палмер – СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. – 103 с.

⁵ Гороховская, Е.А. Этология: рождение научной дисциплины / Е.А. Гороховская. – СПб.: Алетей, 2001. – 223 с.

Дерягина⁹ и др.), и некоторые из них специально акцентируют междисциплинарный сравнительный статус его антропологических идей, однако последовательного изучения антропологической мысли Лоренца по причине своей дисциплинарной принадлежности, эти работы не содержат. Вторая группа работ, по сравнению с первой, немногочисленна. Это философские работы, исследования последних 25 лет. Среди них работы Е.С. Черепановой¹⁰, С.А. Горохова¹¹ и С.Е. Саловой¹².

Как правило, они содержат общетеоретический обзор этологических идей Лоренца. Следует отметить, что все они являются диссертационными исследованиями и опубликованными при их подготовке или на их основании статьями. В отечественной философии до сих пор нет ни одной монографии, которая была бы специально посвящена последовательному анализу философских идей Лоренца.

Работы и идеи Лоренца широко привлекаются в современной исследовательской философской литературе для 1) объяснения социальных проблем современного российского и мирового общества (Н.В. Голик¹³; А.А. Свидерский¹⁴; А.Я. Чижов¹⁵ и др.); 2) анализа культуры и ее ценностного

⁶ Шмерлина, И.А. Социология и этология человека / И.А. Шмерлина // Социологический журнал. – 2001. – № 1. – С. 33–44.

⁷ Панов, Е.Н. Этология человека: история и перспективы // Поведение животных и человека: сходства и различия. Сборник научных трудов. – Пуцзино, 1989. С. 28–62.

⁸ Бутовская, М.Л. Этология человека: история возникновения и современные проблемы исследования / М.Л. Бутовская // Этологии человека на пороге XXI века. – М., Старый Сад, 1999. – С. 5–71.

⁹ Дерягина, М.А. Эволюционная антропология: биологические и культурные аспекты / М.А. Дерягина. – М.: УРАО, – 1999. – 208 с.

¹⁰ Черепанова, Е.С. Австрийская экологическая философия: К. Лоренц и Альтернбергский кружок: автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Е.С. Черепанова. – Екатеринбург, 1993 – 17 с.

¹¹ Горохов, С.А. Философский анализ этологии Конрада Лоренца: автореф. дис. ...канд. филос. наук: 09.00.08 / С.А. Горохов. – М.: 2003. – 16 с.

¹² Салова, С.Е. Эволюционная эпистемология Конрада Лоренца: автореф. дисс. ... к. филос. наук: 09.00.01 / С.Е. Салова. – М., 2007. – 12 с.

¹³ Голик, Н.В. Экологическая эстетика: предварительные итоги / Н.В. Голик // *Studia culturae*. – 2013. – № 15. – С. 12–16.

¹⁴ Свидерский, А.А. Человек – природа: основания ценностного отчуждения / А.А. Свидерский // Проблемы современного антропосоциального познания. – 2009. – № 7. – С. 81–91.

содержания (О.В. Афонасьева, Ю.А. Завьялова¹⁶; А.Ю. Шеманов¹⁷; А.Я. Флиер¹⁸; А.У. Игамбердиев¹⁹; Е.И. Салов, С.Е. Салова²⁰ и др.); 3) исследования эмоциональных и поведенческих аспектов жизни человека (Я.И. Гишинский²¹; С.Г. Пилецкий²²; С.Д. Кавтарадзе²³; Г.И. Козырев²⁴; А.П. Назаретян²⁵; Н.Н. Марфенин²⁶; Е.С. Алексеенкова²⁷; Н.А. Белоус²⁸; А.С. Ларионова²⁹; Л.А. Пашина³⁰ и др.).

¹⁵ Чижев, А.Я. Современные проблемы экологической патологии человека / А.Я. Чижев. – М.: РУДН, 2008. – 611 с.

¹⁶ Афонасьева, О.В., Завьялова, Ю.А. Экологическое сознание и эволюция мировоззренческих аспектов взаимодействия общества и природы / О.В. Афонасьева // Экологизация жизни и проблемы формирования экологического сознания современного человека. ТюмГУ. – Ишим. Ч 1. – 2011. – 278 с.

¹⁷ Шеманов, А.Ю. Самоидентификация человека как антропологическое самоотличение: подход к пониманию процессов глобализации в современном мире / А.Ю. Шеманов // Личность. Культура. Общество. – 2006. – № 2 (30). – С. 107–131.

¹⁸ Флиер, А.Я. Принадлежит ли культура только человеку? / А.Я. Флиер // Общественные науки и современность – 2006. – № 3 – С. 155–161.

¹⁹ Игамбердиев, А.У. Логика организации живых систем / У.А. Игамбердиев // Воронеж. гос. ун-т, 1995. – 152 с

²⁰ Салов, Е.И., Салова, С.Е. Этологический императив Конрада Лоренца в фокусе глобальной экологической проблемы / Е.И. Салов // Проблемы окружающей среды и природных ресурсов. – 2005. – № 8. – С. 87–98.

²¹ Гишинский, Я.И. Социальное насилие / Я.И. Гишинский. – СПб.: Алеф-Пресс, 2013. – 185 с.

²² Пилецкий, С.Г. Философский анализ предпосылок агрессивности человека в свете современной науки: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / С.Г. Пилецкий. – Ярославль., 2014. – 140 с.

²³ Кавтарадзе, С.Д. Архетипы войны: насилие, бессознательное и борьба за базовые потребности / С.Д. Кавтарадзе // Историческая психология и социология истории. – 2012. – № 1. – Т. 5 – С. 8–24.

²⁴ Козырев, Г.И. «Враг», (образ врага) в общественных и политических отношениях / Г.И. Козырев // Социологические исследования. – 2008. – № 1. – С. 112–121.

²⁵ Назаретян, А.П. Нелинейное будущее / А.П. Назаретян. – М.: МБА, 2013. – 440 с.

Назаретян, А.П. От будущего – к прошлому (Размышление о методе) / А.П. Назаретян // Общественные науки и современность. – 2000. – № 3. – С. 142–150.

²⁶ Марфенин, Н.Н. Экология и этика / Н.Н. Марфенин // Россия в окружающем мире (аналитический ежегодник). М.: МНЭПУ, АВАНТ, 2008. – С. 166–185.

²⁷ Алексеенкова, Е.С. О когнитивной природе власти (или о том, как соотносятся власть и демократия) / Е.С. Алексеенкова // Полития. – 2007. – № 4 (43). – С. 6–21.

²⁸ Белоус, Н.А. К вопросу о структурной организации конфликтного дискурса / Н.А. Белоус // Вестник Московского государственного областного университета. – 2008. – №2. Т 2. – С. 19–26.

²⁹ Ларионова, А.С. Основные компоненты реальной и нереальной коммуникации / А.С. Ларионова // Вестник Московского государственного областного университета. – 2008. – № 3. – С. 8–13.

³⁰ Пашина, Л.А. Феномен человеческой агрессивности как предмет рассмотрения биологических наук / Л.А. Пашина // Новый университет. – 2013. – № 5 (26). – С. 10.

В настоящей диссертации, опираясь на предшествующие исследования отечественных авторов, мы предлагаем рассматривать идеи К. Лоренца как сравнительную антропологию – междисциплинарную мысль, пытающаяся ответить на кантовский вопрос «Что такое человек?». Лоренц развивает ряд методологических стратегий – системный анализ, междисциплинарный подход, метод сравнительного анализа по аналогии и гомологии, – которые раскрываются в основных проблемных пространствах его работ: в исследовании природы человека, его жизни, культуры, общества и основных проблем человечества. Под методологическими стратегиями в работе подразумеваются схемы действий, проявляющие свою эффективность для достижения целей исследований. Данные стратегии не ограничиваются рамками отдельно взятой научной дисциплины, они ориентированы на разработку методов и подходов интегративного характера.

Обозначенные методологические стратегии Лоренца проявляются во всех его работах, что позволяет ему соединить в философском рассмотрении этологические, социально-философские, философско-антропологические и нравственно-этические аспекты учения о человеке.

По нашему убеждению, такие стратегии исследования могут стать перспективными в ракурсе их дальнейшего применения в общетеоретических философских работах по философии культуры, философской антропологии, социальной философии.

Объектом диссертационного исследования выступает сравнительная антропология Конрада Лоренца как междисциплинарное пространство рефлексии человека и его природы.

Предметом исследования являются методологические стратегии сравнительной антропологии Конрада Лоренца и их выражение в основных пространствах мысли Лоренца: исследовании когнитивной и эмоциональной жизни человека, основных механизмов культурной жизни и современных проблем цивилизации.

Цели и задачи исследования. Актуальность темы диссертации и состояние ее научной разработанности обуславливает выбор ее объекта и предмета и постановку исследовательских задач.

Основная цель работы – комплексная философская интерпретация методологических стратегий сравнительной антропологии Конрада Лоренца в основных проблемных пространствах его мысли.

В соответствии с этой целью были намечены следующие **задачи диссертационного исследования:**

- реконструировать истоки философской традиции сравнительного анализа человека и животных как в контексте развития философской мысли начала XX века;

- определить методологическую специфику антропологии Лоренца в контексте этологии и ее методологических ориентиров;

- представить биоантропологию Конрада Лоренца как сравнительную философско-биологическую теорию, обозначить и охарактеризовать ее основные методологические стратегии (системный анализ, междисциплинарный подход, сравнительное исследование по гомологии и аналогии);

- раскрыть особенности реализации выделенных методологических стратегий во всех приоритетных для Лоренца проблемных пространствах: пространстве исследования сознания и познания; агрессии; культуры; современной ситуации человека и культуры;

- воссоздать ключевые идеи биоантропологии Лоренца в ракурсе их междисциплинарного характера и методологических стратегий.

Работа связывает две перспективы исследования: с одной стороны, контекстуализацию идей Лоренца в рамках философско-антропологической традиции осмысления человека и животного, а с другой стороны, анализ её специфики в сравнении с традиционными теориями этологии. Сведение этих двух перспектив способствовало пояснению отличительных особенностей сравнительной антропологии Лоренца и её методологических стратегий. Исследование опиралось как на основные работы Лоренца, так и на критическую

литературу. Существенное значение при этом имели те работы, которые обращали большее внимание на философские аспекты его творчества.

Методологическую основу диссертационного исследования составили общенаучные регулятивные принципы: историзма, объективности, системности. В работе реализован системный подход, в рамках которого антропология Лоренца представлялась не просто как развитие этологической программы и как продолжение философского осмысления проблемы животных, но как синтетическая сравнительная биоантропология, объединяющая в себе как результаты этологических исследований, так и философскую рефлексию феномена человека.

Особое значение для исследования имел сравнительный (компаративный) метод, позволивший сопоставить методологические стратегии, установки, концептуальные пространства, понятийный аппарат антропологии Лоренца, с таковым в этологии и философии. В работе так же использовались методы понятийного анализа (при прояснении особенностей гомологического и аналогического методов Лоренца, характеристике основных понятий теории), в ходе работы привлекались методы анализа и синтеза, аналогии, обобщения, которые способствовали необходимой детализации исследования с одновременным сохранением его магистральной линией.

Источниковой базой работы выступили труды Лоренца³¹, критическая литература, рассматривающая мысль Лоренца в этологическом или философском контексте, а также исследования современных отечественных авторов, которые привлекают мысль Лоренца для анализа разного рода проблем философии культуры, философской антропологии, социальной философии и этики.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что в нём последовательно и систематически проанализированы основные методологические стратегии сравнительной антропологии Конрада Лоренца в

³¹ См.: Lorenz, K. Die Rückseite des Spiegels / K. Lorenz – Print (Hardcover), 1973. – 261 p.; Lorenz, K. Motivation of Human and Animal Behavior: An Ethological View / K. Lorenz, Paul Leyhausen. New York, 1973. – 423 p.; Lorenz, K. Studien im Tier und Menschlichen Verhalten: in 2 Volumina. München, 1973. – 338 p. и др.

контексте приоритетных для него проблемных пространств. Таким образом, в работе дополнена имеющаяся традиция исследования идей Лоренца в ракурсе философской мысли.

Научная новизна работы выражается в её основных **результатах**:

– идеи Лоренца представлены как сравнительная антропология, при этом под сравнительным её ракурсом мы понимаем перспективу сопоставления человека с животным; выявлено, что теория Лоренца носит сопоставительный характер: он развивает сравнение по аналогии и гомологии;

– раскрыта преемственность идей Лоренца в контексте немецкой антропологической и культур-философской рефлексии; продемонстрировано, что проблема сравнения человека и животного является одной из центральных проблем немецкой антропологии начала XX века;

– предложена аргументация того, что антропология Лоренца является одновременно этологической программой и философской теорией; выделены те черты, которые объединяют идеи Лоренца с этологией; обоснован тезис о том, что в основных проблемных пространствах Лоренц выходит за её границы и поднимает философский по своей направленности вопрос о человеке; – выделены основные методологические установки антропологии Лоренца, охарактеризована специфика используемых им методологических стратегий;

– воссозданы ключевые идеи Лоренца, касающиеся природы человеческого познания и сознания, отличительных особенностей человека, природы человека как агрессивного существа и механизмов его агрессивного поведения, о формообразующих принципах культуры, об особенностях функционирования общества и его современных проблем;

Полученные в работе результаты позволяют сформулировать следующие **основные положения, выносимые на защиту**:

1. Идеи Лоренца не являются исключительно биологическими или философскими идеями, но представляют собой результат междисциплинарной формулировки проблемы человека. Лоренц продолжает философскую традицию

сопоставления человека и животных (развитую в рамках немецкой философской антропологии и философии культуры) и разрабатывает этологическую программу.

2. Лоренц опирается на методологические принципы классической этологии: эволюционизм (рассмотрение человека как вида, преемственного по отношению к животным); детерминизм (постулирование зависимости психики, поведения человека, а также развития культуры от необходимости приспособления к условиям среды обитания); объективизм (внимание к объективным проявлениям человеческого поведения). Эти установки определяют характер используемых исследовательских стратегий – системного анализа, междисциплинарного подхода, сравнительного исследования по гомологии и аналогии, что позволяет мыслителю одновременно сосредоточиться на исследовании фактов поведения в животном мире и человеческом обществе и осуществить философское обобщение с целью прояснения проблемы человека в контексте его современного развития.

3. Апелляция к системному анализу позволяет Лоренцу выстроить соответствие проблемных пространств исследования различным уровням антропологического ракурса: 1) пространство исследования познания и его особенностей – уровню установлению предпосылок, 2) изучения агрессии – уровню рефлексии внутриличностной организации человека, 3) анализ культуры – интра-личностному уровню исследования оснований существования человека в группе, 4) изучение современных проблем человечества – уровню определения его актуальной ситуации и будущих возможностей.

4. Антропологические идеи Лоренца развивают принцип единства природы и культуры, и построены на перенесении законов эволюции на мир человека и культуры. При этом Лоренц не просто трактует человека и культуру с биологизаторских позиций, но пытается совместить этологический подход с философско-антропологическим.

5. Сравнительный анализ просматривается как в самом методе сравнения сознания и поведения человека с таковыми у животных, так и в используемых Лоренцем понятиях. Данная стратегия используется Лоренцем во всех

пространствах антропологической мысли, при этом сравнение по аналогии приводит к установлению параллелей в жизни животных и человека и обеспечивает подтверждение эволюционных идей Лоренца, сравнение по гомологии позволяет раскрыть общее основание поведения. Ее применение задает основания для формирования сравнительной перспективы антропологических идей Лоренца.

Научно-теоретическое значение результатов исследования заключается в том, что в нем представлена первая в отечественной исследовательской традиции попытка целостного анализа идей К. Лоренца как сравнительной междисциплинарной антропологической теории, схематизирован ее этологически-философский контекст, в свете анализа ее методологических стратегий представлены основные проблемные пространства (исследование человеческого познания и сознания; природы человека как агрессивного существа и механизмов его агрессивного поведения; формообразующих принципов культуры; особенностей функционирования общества и его современных проблем). Выводы диссертации имеют существенное значение как для исследования непосредственно идей Лоренца, так и для прояснения оснований феномена междисциплинарности, изучения междисциплинарных биолого-философских направлений и теорий, для целостного осмысления проблемы человека и построения синтетической философско-антропологической теории в контексте современности. Они могут стать опорой для исследований по сходной проблематике, а также для работ философско-антропологической, гносеологической, социально-философской и культурологической направленности.

Практическая значимость работы. Материалы диссертационного исследования могут быть использованы в научно-педагогической практике при подготовке лекционных курсов и учебных пособий по различным разделам философского знания и ряду гуманитарных дисциплин.

Личный вклад автора заключается в анализе идей Лоренца как междисциплинарной теории, нацеленной на прояснение вопроса о сущности

человека и современном состоянии общества. Акцентирование междисциплинарного характера антропологической теории Лоренца, выделение ее методологических установок, анализ методологических стратегий и их использования в основных для Лоренца проблемных пространствах – новый ракурс исследования идей Лоренца в отечественной философской мысли, открывающий ряд исследовательских перспектив. Все выводы получены автором диссертационного исследования самостоятельно и отражены в авторских публикациях.

Достоверность научных положений, выводов и рекомендаций подтверждается:

- использованием в исследовании ряда научно-методологических подходов при рассмотрении проблемы;
- опорой на текстовый анализ работ Лоренца;
- согласованностью выводов с предшествующей критической традицией исследования мысли Лоренца.

Апробация результатов исследования. Основные результаты, полученные автором диссертации, отражены в публикациях (в том числе в центральных периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации результатов диссертационных исследований). Рабочие выводы исследования докладывались на международных, всероссийских и региональных научно-практических конференциях: VI Российском философском конгрессе «Философия в современном мире: диалог мировоззрений» (Нижний Новгород, 27-30 июня 2012г.), II Международной научно-практической конференции «Культурология в контексте гуманитарного знания» (Курск, 10-11 октября 2013 г.), 30-й Международной конференция «Компаративная история философии как научное и художественное творчество» (Санкт-Петербург, 21-23 ноября 2013), Международной научной конференции «Классическая и постклассическая философия в духовном пространстве современного университета» (Краснодар, 19-22 июня 2014), Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы российской философии» (Воронеж, 25

сентября 2014 г.), 8-й ежегодной научно-практической конференции «Философские проблемы биологии и медицины: Технологии и трансформации» (Москва, 22-23 октября 2014), 9-ой ежегодной научно-практической конференции «Философские проблемы биологии и медицины : персонализации и стандартизации» (Москва, 27-28 октября 2015).

Материалы диссертации использовались автором при проведении занятий по дисциплинам «Философия», «Философская антропология», «Актуальные проблемы современности и журналистика» на ряде факультетов Курского государственного университета.

Основное содержание диссертации отражено в 10 публикациях, в том числе в 4 статьях в журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации результатов диссертационных исследований.

Структура диссертации. Диссертационное исследование включает введение, две главы, содержащие семь параграфов, заключение и библиографический список.

ГЛАВА I.

АНТРОПОЛОГИЯ К. ЛОРЕНЦА В КОНТЕКСТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАНЫХ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

1.1. Сопоставление человека и животных в немецкой философской антропологии и философии культуры

В начале XX века в Германии зарождается и начинает развиваться философская антропология³². В центре ее внимания – человек как центр мира, как источник его осмысления, как высшая точка эволюционного развития. В многообразии проблематики философской антропологии при этом отчетливо заметен один вектор: сравнение человека с животным.

Для традиции немецкой философской антропологии было характерно акцентированное внимание к животному миру. Основные представители антропологической мысли – Макс Шелер, Хельмут Плеснер, Арнольд Гелен – строили свои системы с опорой на сравнительные исследования поведения животных и человека. Как отмечает в своей работе К. Вульф, «несмотря на значительные различия между этими авторами, их труды первой половины XX века называют *Философской антропологией*, в которой должны разрабатываться следующие вопросы: чем человек отличается от животного, в чем специфика человеческих условий и в чем суть “condition humana”»³³.

Родоначальник философской антропологии Макс Шелер в своем труде «Положение человека в космосе» рассматривает проблему человека в сравнительной перспективе. «Изучайте животных, и вы поймете, как это трудно быть человеком», – повторяет он своим студентам. Уже в начале своей работы Шелер противопоставляет человека всему животному миру. «Слово “человек”, – пишет он, – должно означать совокупность вещей, предельно противоположную

³² См.: Марков, Б.В. Философская антропология. Очерки истории и теории / Б.В. Марков. – СПб.: Лань, 1997.

³³ Вульф, К. Антропология: История, культура, философия / К. Вульф; Пер. Г. Хайдаровой. – СПб.: СПбГУ, 2007. С. 34.

понятию “животного вообще”, в том числе всем млекопитающим и позвоночным, и противоположную им в том же самом смысле, что, например, и инфузории, хотя едва ли можно оспорить, что живое существо, называемое человеком, морфологически, физиологически и психологически несравненно больше похоже на шимпанзе, чем человек и шимпанзе похожи на инфузорию»³⁴.

По Шелеру, человек одновременно и противостоит животному миру, и неразрывно связан с ним. Можно сказать, что человек, хотя и является самым разумным существом на свете, по природным данным близок животным. Животное, на взгляд Шелера, занимает вторую (после растения) ступень «в объективном порядке ступеней жизни»³⁵, и основной его особенностью является инстинктивное поведение. Оно реагирует лишь на повторяющиеся ситуации, причем, только те из них, что значимы не для конкретной особи, а для жизни и выживания вида. Кроме того, инстинкт не зависит от числа проб и попыток, которое животное делает, чтобы освоиться с ситуацией.

То, что делает человека человеком, выходит за границы инстинкта и, как считает Шелер, лежит за пределами жизни. Он говорит о том, что это принцип противоположный всей жизни как таковой. Шелер называет этот принцип духом, и объединяет под этой характеристикой не только разум, но и доброту, любовь, совесть, раскаяние. Как духовное существо человек оказывается свободен как от влечений, так и от окружающего мира: он свободен от органического и от жизни, но одновременно и от своего собственного интеллекта.

Для акцентирования различий между человеком и животным Шелер использует понятия «дух» и «порыв». Низшие проявления человека, определяет как порыв (или чувственный порыв), низшая ступень психического. Порыв энергетически мощен, самостоятелен, а дух бессилён. Порыв характерен и для животных, точнее, для них не характерно ничего, кроме порыва. Дух же отмечает только развитие человека.

³⁴ Шелер, М. Шелер, М. Положение человека в космосе / М.Шелер // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. И послеслов. П.С. Гуревича; Общ. Ред. Ю.Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 33.

³⁵ Там же. – С. 38.

Основная особенность человека – это то, что он обладает миром, и он открыт ему. Животное, связанное с окружающим миром инстинктом, не может от него дистанцироваться, но человек, благодаря своей свободе от инстинктивных импульсов, отдаляется от мира, противостоит ему и воспринимает его как мир предметов. Как отмечает Шелер, человек – единственное живое существо, у которого есть мир. Он пишет: «Только человек – поскольку он личность – возвышается над собой как живым существом и, исходя из одного центра как бы по ту сторону пространственно временного мира, может сделать предметом своего познания всё, в том числе и себя самого»³⁶. Человек поэтому возвышается не только над самим собой, но и над своим миром.

Линию различения животных и человека продолжает другой немецкий антрополог – Хельмут Плеснер, конкретизируя многие обозначенные Шелером теоретические моменты³⁷.

Плеснер включается в методологические дискуссии о подходах исследования человека и подчеркивает «то, что мы принимаем во внимание сложившиеся инстинктивные поведенческие условия человека как вида живого, не означает возможности исключения биологического обоснования метода философской антропологии»³⁸. На его взгляд, философская антропология нуждается в биологии: биология даёт ей предметное поле, на основании которого она может прояснить свою методологию.

Как и Шелер, в качестве основополагающей характеристики человека Плеснер называет дух, духовность. Человек, – прежде всего, духовное существо, и это его главная отличительная черта. Дух не дает человеку остановиться: он

³⁶ Шелер, М. Положение человека в космосе / М. Шелер // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. И послеслов. П.С. Гуревича; Общ. Ред. Ю.Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988.– С. 60.

³⁷ См.: Гаджикурбанов, А.Г. Философская антропология Хельмута Плеснера / А.Г. Гаджикурбанов // Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 315–346.

³⁸ Черепанова, Е.С. Перспективы философской антропологии: классическая методология Х. Плеснера, постклассическая интерпретация И. Фишера / Е.С. Черепанова // Известия Уральского федерального университета. – 2004. – № 3. – С. 152.

всегда устремлен от данности к возможности, от настоящего к будущему; и он никогда не может обрести успокоения.

Животное, по мнению Плеснера, живет «здесь и теперь» и не наделено самосознанием. Человек же всегда осознает собственный опыт и собственный мир. Он дистанцируется от природной среды, и это отдаление позволяет увидеть то, что вокруг. Так для человека появляется мир. Но выделение себя оформляет для человека и собственный образ: человек начинает осознавать себя как неповторимую личность. Такое специфическое положение человека Плеснер конкретизирует в трех антропологических законах: законе естественной искусственности, законе опосредованной непосредственности и законе утопического местоположения.

Закон естественной искусственности описывает среду проживания человека. «Человек живет тогда только, когда ведет жизнь»³⁹, – подчеркивает он. Вся среда, вся жизнь человека искусственны. Искусственна созданная человеком культура, ставшая для него второй природой. Благодаря своему знанию человек отрывается от природы и одновременно утрачивает свою непосредственность. В этой непосредственности он больше не может быть связан с естественной природной средой, естественным для него становится искусственное. «Человек, – пишет Плеснер, – обретая знание, утратил из-за него прямооту отношений; он созерцает свою наготу, стыдится своей обнаженности и потому вынужден вести свою жизнь окольными путями через искусственно созданные вещи»⁴⁰.

Искусственность человеческого бытия ведет к еще одной особенности – к опосредованности человеческого существования, которую описывает закон опосредованной непосредственности. Человек всегда опосредует свои отношения со средой, он опосредует все свои жизненные проявления. Непосредственной среды для него не существует, поскольку он отдален и обособлен от нее.

Опосредованность и обособленность влечет за собой отстраненность от наличной ситуации, от настоящего. Человек всегда не имманентен, а

³⁹ Плеснер, Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию / Х. Плеснер; пер. с нем. А.Г. Гарджикурбанова. М.: РОССПЭН, 2004. – С. 268.

⁴⁰ Там же. – С. 269.

трансцендентен, как отмечает сам Плеснер, говоря о людях, «незримый человек в них, уже перешагнул через них»⁴¹. Эта характеристика престаёт в третьем законе – законе утопического местоположения. У человека нет непосредственной среды, нет дома, нет родины, есть лишь горизонт возможностей, к которым он устремлен, и именно это стремление делает его человеком.

К. Вульф, обобщая идеи Плеснера, выделяет следующие признаки, характеризующие человека: 1) наличие тела, посредством которого человек познаёт противостоящий ему мир; 2) существование в теле, посредством души и внутренней жизни; 3) чередование внутреннего и внешнего существования⁴². На его взгляд, у Плеснера эти три черты обуславливают три части мира: внешний мир, внутренний мир и мир совместный.

Внешний мир человека составляют вещи, которые его окружают. Однако этот внешний мир не похож на вещи, поскольку человек эксцентричен, и воспринимает внутренний и внешний мир одновременно. Внешнее он поверяет внутренним. Внутренний мир человека составляет мир его душевных переживаний, но человек всегда с оглядкой смотрит на внешний мир, огораживая от него мир своего опыта, как внутренний мир личности. Совместный мир человека так же связан с его эксцентричностью. Это мир других людей, он не идентичен внешнему миру и не растворяется во внутреннем. Он позволяет человеку выделять себя как личность, быть личностью, одновременно сохранять свой внутренний мир и взаимодействовать с внешним миром. Совместный мир построен на общности внутренних миров различных людей, однако эти внутренние миры не распространяются в общем пространстве, а обособленно существуют как отдельные личности. Существование трёх миров очерчивает специфическую ситуацию человека и его отличия от других представителей животного мира.

⁴¹ Плеснер, Х. . Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию / Х. Плеснер; пер. с нем. А.Г. Гарджикурбанова. М.: РОССПЭН, 2004. – С. 293.

⁴² Вульф, К. Антропология: История, культура, философия / К. Вульф; Пер. Г. Хайдаровой. – СПб.: СПбГУ, 2007. – С. 40.

Вопрос об истоках опосредованности человеческого существования, об искусственности его среды и об утопичности его местоположения подробно рассматривает Арнольд Гелен, наиболее четко акцентируя культурное и природное в человеке. Как подчёркивает К. Вульф: «В отличие от Шелера и Плеснера, подчиняющих человека теории живого и вследствие этого определяющих дух, в одном случае, а в другом – эксцентрическую позициональность как особые признаки человека, Гелен считает эти попытки развить учение о ступенях живого с помощью понятий души и духа малообещающими. Вместо этого он намерен развить концепцию человека, в которой бы человек трактовался из себя самого»⁴³.

Говоря о человеке, Гелен не просто анализирует его статус, но поднимает вопрос о возможности специфической науки о человеке – философской антропологии. В своей работе «О систематике антропологии» он подчеркивает: «В этом месте выявляется единственное положение, которое мы должны предпослать философской антропологии: это предположение, что наука о человеке в полном смысле слова все-таки возможна»⁴⁴. Как наука философская антропология, по мысли Гелена, должна заниматься проблемами человека и тем статусом, который он имеет в мире, а также обществом и основными принципами его организации.

Человек включен в животный мир, является его частью, как и другие животные, он испытывает необходимость выжить во враждебной ему животной среде. Однако он отличается от животных радикальным образом. Это радикальное отличие человека от животных Гелен описывает как исходную структурную закономерность, настаивая на том, что никакой иерархии в животном мире нет, т.е. человек есть не просто следующая за животным ступень, он принципиально отличен от него.

⁴³ Вульф, К. Антропология: История, культура, философия / К. Вульф; Пер. Г. Хайдаровой. – СПб.: СПбГУ, 2007. – С. 43.

⁴⁴ Гелен, А. О систематике антропологии / А. Гелен // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. И послеслов. П.С. Гуревича; Общ. Ред. Ю.Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988.– С.156.

Животный мир существует благодаря приспособлению. Специализация видов и их адаптация к условиям обитания является основным фактором выживания и главным фактором естественного отбора. Животное существует в мире благодаря приспособлению, биологической адаптации к природным условиям: среда диктует специализированность органов и их особенности.

Человек лишен этой биологической специализированности: он не может органически приспособиваться к природной среде, и является «неполноценным», «недостаточным существом». Для эволюции он в этом смысле слепая ветвь: в своей биологической организации он в высшей степени неприспособлен и неразвит. И весь его облик свидетельствует об этом: у него нет шерсти, нет плотной и теплой шкуры, нет острых зубов и когтей. С такими природными данными он не может с успехом добывать пищу, он может замерзнуть и не способен противостоять хищникам. У человека есть и еще одна особенность: он открыт миру, воспринимает действительность во всем её многообразии, но Гелен трактует и это свойство как негативное. Раз человек открыт миру, он лишён функции приспособления к среде.

Эти выводы Гелен получает на основании исследовании ряда биологов. Во-первых, он ссылается на Луи Болька и его исследования морфологии новорожденных обезьян и детей, и говорит о длительном сохранении эмбриональной стадии у человека⁴⁵. По мнению Гелена, человек проходит чрезвычайно замедленное развитие. Опираясь на работы Адольфа Портмана, которые касаются беременности, рождения детей, первого года их жизни у человека и приматов, Гелен говорит о том, что развитие человека характеризуется длительной «внутриутробной весной», которые выводковые птицы получают уже с рождения. Он говорит о том, что человек является своеобразным «вторичным птенцовым» существом, у которого беременность должна была протекать гораздо дольше. Человек как бы рождается недоношенным, поэтому является неприспособленным к среде обитания.

⁴⁵ См.: Перцев, А.В. Нужно различать философию и мудрость / Хора. – 2008. – № 4. – С. 139–150.

Недоразвитие человека обусловлено, по Гелену, ещё одной чертой – редукцией инстинктов и избытком влечения. У человека не выражены инстинкты, они не связывают его организм прочно с окружающей средой, однако у него чрезвычайно выражено влечение. Гелен говорит о гипертрофированной сексуальности человека⁴⁶.

Выручает человека активность: как отмечает Х. Хекхаузен, он превращает свои достоинства и недостатки в средства существования⁴⁷. Чтобы выжить, он начинает на основании естественной создавать искусственную среду – ту среду, которая пригодна для его жизни и в которой он не погибнет. Так появляется культура – вторая природа человека, его естественная искусственная среда. Гелен подчеркивает, что человек не способен обходиться без культуры, поэтому даже первобытное общество несет ее зачаточные формы.

Как биологический вид человек, по Гелену, почти с самого момента своего появления должен был создать культуру – культуру не как совокупность культурных памятников, а как искусственную среду. Для первобытного общества культура – это средства защиты от хищников, охотничьи орудия, одежда (шкура, оберегающая от холодов) и укрытия. Все это помогало не только защищаться от природы, но и побеждать ее. «Противопоставление природы и культуры, – пишет Гелен, – имеет смысл лишь постольку, поскольку имеется в виду нечеловеческая, стихийная и предоставленная себе самой природа в противоположность тем островкам методического изменения, которые внедряет в нее человек, чтобы принудить эту стихию поддерживать его»⁴⁸.

Гелен останавливается не только на человеке и животном, но и на окружающем мире, в который они включены. На его взгляд, в животном мире различные экологические ситуации в ответ вызывают реакцию приспособления. К

⁴⁶ Вульф, К. Антропология: История, культура, философия / К. Вульф; Пер. Г. Хайдаровой. – СПб.: СПбГУ, 2007. – С. 43-47.

⁴⁷ Хекхаузен, Х. Из истории психологических исследований агрессии / Х. Хекхаузен // Мотивация и деятельность. – М.: 1986. – Т. 1. – С. 365–403.

⁴⁸ Гелен, А. О систематике антропологии / А. Гелен // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. И послеслов. П.С. Гуревича; Общ. Ред. Ю.Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988.– С.161.

примеру, по форме тела животного можно сделать вывод о том, где это животное обитает, и какая среда его окружает, а также как данный вид приспосабливается к среде. Взрослые особи по отношению к среде ведут себя неоднобразно, с врожденной уверенностью и точностью, методом проб и ошибок. Но спустя время все приобретённые умения становятся необходимым для выживания опытом. Именно поэтому животные основывают свое поведение на инстинктах. Инстинкты – это результат приспособления, поведение, применимое к специфическим условиям окружающей среды.

Человек ведет себя по-другому: он не просто обитает в среде, к которой приспосабливается, он живет в мире, который формируется в культуре, которую сам человек и создает. Человек живёт не органическим приспособлением, природа его такова, что где бы ни пришлось существовать, ему необходимо адаптироваться и подстраиваться под внешнюю окружающую среду, создавая технику выживания. Как пишет Гелен: «Поэтому мы видим, что этот род живёт повсюду: в пустынях, полярных областях, в горах, в степях, в топях и на воде, во всех климатических поясах, – поэтому невозможно назвать специфический, приуроченный ему окружающий мир или его среду в смысле предложенных выше определений»⁴⁹.

Таким образом, по Гелену, понятие окружающего мира соотнесено с видом или любым индивидом, но к понятию человеческого вида это понятие неприменимо. Гелен подчеркивает, что человек может жить в любых условиях, но если взять, например, семью австралийских аборигенов и переместить их в мегаполис, то вряд ли они сумели бы там выжить.

Принципиально другая организация человека по сравнению с животным создает культуру, но в современном мире, как отмечает Гелен, она способствует к уничтожению природы. Он подчеркивает, что человека всегда «влечет за пределы простого биологического минимума потребностей»⁵⁰, и эта любознательность

Гелен, А. О систематике антропологии / А. Гелен // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. И послеслов. П.С. Гуревича; Общ. Ред. Ю.Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 169.

⁵⁰ Там же. – С.196.

дурно сказывается на человечестве, оставляет глубокий след в природе. Человеческая деятельность выходит за пределы поддержания жизни вида и продолжения рода, она все больше поработает природный мир. Продолжая, Гелен взывает к каждому человеку и напоминает, что мы должны найти и четко очертить своё место в мире, а также жить согласно установленным правилам. Мы должны контролировать свои поступки и интересы, ограничивать свои нарастающие потребности, не утрачивать связи с ситуацией, в зависимости от нее активизироваться или тормозить поведение⁵¹. От этого зависит не только жизнь человека, но и выживание всего природного мира.

Для Гелена, как и для Шелера и Плеснера, пространство животного мира формирует сравнительную перспективу философской антропологии. Однако, если Шелер и Плеснер, признавая человека вершиной эволюции, ставят человека в биологическом отношении выше животных, то Гелен говорит о его недоразвитости и недостаточности. Тем не менее, при любой трактовке, сопоставление человека с животным позволяет постулировать его специфическую природу. Человек отделяет себя от окружающего его мира, формирует вокруг себя искусственную среду (культуру), он наделен способностью к саморефлексии. По отношению к человеку можно говорить о существовании и бытийствовании, вообще, о том, что он существует как самостоятельное, обособленное от мира существо.

Сравнительные исследования в немецкой философской антропологии доказывают саму ее возможность, становятся этапом ее самообновления. Они показывают, что природа человека такова, что предполагает разработку самостоятельного метода познания, отличного от того, что в биологии используется для познания животного мира.

Продолжая идеи немецких антропологов, различия человека и животных в рамках экзистенциального подхода к определению сущности человеческой жизни рассматривает Карл Ясперс. Он говорит о том, что человек наравне с духовной,

⁵¹ См.: Руткевич, А.М. Теория институтов А. Гелена / А.М. Руткевич // Социологическое обозрение. – 2001. – Т. 1. – № 2. – С. 4–25.

экзистенциальной, имеет биологическую природу, и поэтому можно говорить о биологических свойствах человека. Он подчёркивает тот факт, что обычно при ответе на вопрос о том, что отличает человека от животных, в качестве таковых качеств называет прямохождение, вес мозга, форма черепа, развитые верхние конечности и выраженные у человека эмоции: способность плакать, смеяться и т.д. Но, несмотря на такие качественные признаки, человек отличается рядом количественных характеристик. Сочетание качественных и количественных отличий даёт специфическую природу человека.

Ясперс так же, как и Шелер, Плеснер и другие представители немецкой антропологической традиции, проводит между человеком и животными чёткое различие. По его мнению, человек принципиальным образом отличается от животных, и обычное сравнение при сопоставлении не уместно. К примеру, тело человека отличается от тела животных по многим характеристикам: можно говорить об отдельных качествах, в частности, отсутствии волосяного покрова и т.д., но тело человека, на его взгляд, – это не только его тело как представителя животного мира, но и выражение души. Эта особенность – то, что тело выражает психическую и духовную природу человека, – не может быть показана конкретно, она не может быть принципиально доказана, а может быть лишь понята на отдельных примерах человеческого бытия.

В какой-то мере Ясперс продолжает идеи Шелера и Гелена, но переосмысляет их по-своему. Он подчёркивает, что наибольшую значимость при сравнении человека и животных имеет тот факт, что человек, в отличие представителей животного мира, не имеет специализированных органов. Все животные имеют специальные приспособления, которые возникают в процессе адаптации их к условиям окружающей среды. Эта специализация, по мнению Ясперса, приводит к тому, что животные превосходят человека по той или иной адаптации, т.е. они чётко адаптированы, приспособлены к своей среде обитания. Человек, в отличие от них, приспособленным видом не является. В силу того, что у него отсутствуют специфически развитые органы, он является неспециализированным индивидом. Здесь Ясперс наследует точку зрения

Арнольда Гелена, но если Гелен обозначал это качество как негативную характеристику человека и выводил на основании её положение о том, что человек является недостаточным и неспециализированным существом, то Ясперс видит в таком положении дел позитивные следствия.

Благодаря неспециализированности, на взгляд Ясперса, человек наделён огромным количеством потенциальных возможностей, он может развиваться в том или ином направлении: и его развитие не задано его биологической организацией. Он пишет: «Недостаточное развитие отдельных свойств заставляет человека – а его превосходство позволяет ему – с помощью присущего ему сознания построить своё бытие совсем иным образом, чем все животные»⁵².

Неспециализированность человека, по убеждению Ясперса, способствует тому, что человек расселяется по всему земному шару. Он может жить в любых климатических условиях и в любых ситуациях. Это одновременно наделяет его экзистенциальными характеристиками. Человек как вид избегает всяческой определённости, он стремится к расширению своих возможностей, он живёт на границе своего горизонта и постоянно расширяет его. Если животные живут в рамках данности и существуют в строго ограниченной ситуации и среде, то человек преобразовывает окружающую среду в соответствии со своими открытыми возможностями. «Благодаря неспециализированности органов, – отмечает Ясперс, – для него оказалась открытой возможность преобразования среды посредством замены развитых органов орудиями»⁵³. Открытые возможности, неспециализированность создали предпосылку не только для преобразования окружающей предметной среды, но и для духовного развития человека.

Человек не повторяет, как это делает животное, биологический процесс, он не является лишь винтиком в этом механизме. Он не просто развивает жизнь, участвует в естественном процессе жизни, он надстраивается над ней и оказывается способен создать культуру и историю. Ясперс ссылается на работы

⁵² Ясперс, К. Истоки истории и ее / К. Ясперс; пер. с нем. М.И. Левиной. 2-е изд. – М.: Республика, 1994. – С. 63–64.

⁵³ Там же. – С. 64.

А. Портмана и говорит о том, то в настоящий момент времени в биологии является общепризнанным фактом, что человек в момент рождения является беспомощным существом, который не может выжить без матери, и, развивая эти идеи, утверждает, что человек способен существовать и жить только сам определяясь в свободе и реализуя свои возможности.

Эти возможности устремляют человека к полноте личностной целостности. Он постоянно стремится достроить свой образ, однако до самой смерти оставляет его не завершённым. Эта специфическая природа человека заставляет Ясперса прийти к выводу, что человека нельзя исследовать биологическими методами, поскольку даже отличительные биологические свойства человека при ближайшем рассмотрении перестают быть биологическими. Однако не учитывать человеческие особенности также нельзя. Ясперс говорит о том, что в основных сферах своей жизни человек демонстрирует биологические свойства, которые открываются нам сообразно его духовной природе. Ясперс заключает: «Если, следовательно, в человеческой природе биологическая реальность неотделима от духовной, то это означает следующее: человек не может быть понят, прежде всего, как постепенно развивающийся зоологический вид, к которому в один прекрасный день в качестве чего-то принципиально нового присоединился дух. Человек и по своей биологической природе с самого начала должен быть чем-то совершенно отличным от всех иных форм жизни»⁵⁴. Таким образом, Ясперс подобно другим философам и философским антропологам немецкой традиции возводит между человеком и животным непреодолимый барьер, понимая человека как существо принципиально отличное от животных.

Историко-культурный взгляд на проблему отличия человека от животных предлагает Освальд Шпенглер. В своей небольшой работе «Человек и техника», написанной в начале 1930-х годов, он проводит чёткие различия между растениями, животным и человеком. По его мнению, эти три ступени радикальным образом отличаются друг от друга.

⁵⁴ Ясперс, К. Истоки истории и ее / К. Ясперс; пер. с нем. М.И. Левиной. 2-е изд. – М.: Республика, 1994. – С. 66.

Первая группа, или растения, являются пассивными организмами и образуют своеобразное пространство для жизни животных и человека. Шпенглер подчёркивает: «Растение живет, но оно лишь в весьма ограниченном смысле является живым существом»⁵⁵. Растение активно не приспосабливается к окружающей среде, оно не может перемещаться. Отсутствие движения, по мнению Шпенглера, – это основная черта, которая отличает человека от животных, поэтому растение не может искать место для произрастания, оно не может искать для себя пары для рождения потомства. Растения не являются свободной группой, они всегда связаны с той территорией, на которой произрастают.

В отличие от растений, животные являются свободнодвижущимися организмами. Всех животных Шпенглер разделяет на две группы: во-первых, животные травоядные, которые живут за счёт растений и отличаются от них только тем, что могут перемещаться; во-вторых, животные, жизнь которых основана на убийстве и которые питаются другими животными. По мнению Шпенглера, эта вторая группа животных, совершает радикальный скачок, и максимально близка человеку как виду.

Отличия хищных животных от других обусловлены тем, что они вынуждены активно искать себе пропитание, более того, те животные, которые служат им добычей, могут использовать для обороны различные ухищрения: они сами могут двигаться, активно идти на хитрости и обороняться. По этим причинам мозг хищных животных более развит, их приспособление к среде обитания более многообразны именно поэтому они возвышаются над всеми другими растениями и живыми организмами. Шпенглер пишет: «Хищник — это высшая форма свободно движущейся жизни. Это означает максимум свободы от других и свободы для себя самого, ответственность перед самим собою, одиночество, предельную нужду в самоутверждении — в борьбе, в победе, в уничтожении. Высокий ранг типу человека придает то, что он является

⁵⁵ Шпенглер, О. Человек и техника / О. Шпенглер; пер. с нем. А.М. Руткевича. Культурология. XX век: Антология. – М.: Юрист, 1995. – С. 461.

хищником»⁵⁶. Природа животного как хищника обуславливает и его способность к господству.

У крупных хищников и у человека глаза могут фиксироваться на одной точке, они могут выделять точку и зачаровывать добычу. Рядом посаженные глаза и взгляд, направленный вперёд, – это отличительная черта человека как хищника. Это способствует тому, что человек имеет перспективное восприятие, он может показывать своей жертве, что он сильнее, смотря на неё, не отводя взгляда, и одновременно он может формировать свободный образ мира, очерчивая его горизонт.

По мнению Шпенглера, душа человека, как и душа любого хищника, призвана господствовать, ему свойственны понятия обладания, собственности, завоевания. Так или иначе, человек является агрессивным существом, поэтому его жизнь построена на основании этики хищника, которая определяет её, наделяет её смыслом, формой и задаёт тактику всей его жизни. То, что человек является хищником, определяет так же и его мировоззрение. «Он, – пишет Шпенглер, – не является добрым от природы и тупым простаком, полуобезьяной с техническими задатками... Напротив, тактика его жизни относит человека к великолепным, отважным хитрым и жестоким хищникам, он живёт атакой, убийством уничтожением. С тех пор как он существует, он хочет быть господином»⁵⁷.

Сущность человека как хищника задаёт определённую телесную организацию: человек обладает деятельным телом, выходит за рамки принуждения со средой и не просто приспосабливается к реальности, а активно преобразовывает её. Он расширяет инстинкты, выводит их за рамки актуальной ситуации. Шпенглер заключает, что человек преодолевает принуждение вида и становится свободным, он сам определяет свою тактику жизни и свою технику. Пытаясь ограничить человека от родственных ему видов животных как хищников, Шпенглер задаётся вопросом о том, является ли человек всего лишь изобретательным хищником, или есть какое-то другое качество, которое отличает

⁵⁶ Шпенглер, О. Человек и техника / О. Шпенглер; пер. с нем. А.М. Руткевича. Культурология. XX век: Антология. – М.: Юрист, 1995. – С. 462.

⁵⁷ Там же. – С. 464.

его от животных. Этим качеством Шпенглер называет появление у человека орудий.

Мозг человека развивается настолько интенсивно, что в своей охоте он начинает использовать оружие, причём, главным для человека оружием становится рука. Рука и орудие – это отличительные особенности человека. Рука не просто отличается от лапы животного, она продолжается в орудии, что коренным образом меняет жизнь человека и приводит к появлению человеческой культуры.

Человек может изготавливать орудия и выбирать их по технике применения. Шпенглер указывает: «Ни, один другой хищник не избирает себе оружия. Человек же его не только избирает, он его изготавливает согласно своим собственным соображениям. Тем самым он обрел ужасающее превосходство в борьбе себе подобным, в борьбе против других животных, против всей природы»⁵⁸. Благодаря появлению орудия и оружия, благодаря тому, что человек научился изготавливать его, он колоссальным образом усовершенствовал свою стратегию жизни. Он избавился от приспособления, от инстинктов, от характерной для животных связи с окружающей средой, по сути, принуждения среды. Именно в этой точке, по мнению Шпенглера, человек становится человеком. Он не просто хищник наделённый рукой и способный изготавливать орудие, он – хищник, свободный от «принуждения вида». Таким образом, освобождённый от своей биологической природы, человек перестаёт быть животным и становится человеком⁵⁹.

К этой радикальной черте, отличающей человека от животного, добавляется ещё одно. Шпенглер всячески подчёркивает, что «мысль руки» дополняется у человека мыслью глаза. Взгляд человека, это не просто взгляд хищника, бросающего вызов, это взгляд, который несёт размышление, мудрость, рассудительность. Человек способен выделять части из целого, восстанавливать

⁵⁸ Шпенглер, О. Человек и техника / О. Шпенглер; пер. с нем. А.М. Руткевича. Культурология. XX век: Антология. – М.: Юрист, 1995. – С. 467.

⁵⁹ См. также: Марков, Б.В. Храм и рынок // Человек в пространстве культуры – СПб.: Алетейя, 1999. С. 229–234.

причинные отношения, задаваться вопросом о том, что было, и о том, что будет. Всё это является следствием того, что человеку свойственен прямой и дифференцированный взгляд.

Выходя за пределы принуждения вида, человек становится деятельным, созидательным животным. Единственный из всех живых существ, он обогащает свою жизнь и создаёт новое её пространство, которым является культура. Он расширяет свои владения, свою территорию, распространяя своё господство по всему миру. Он может говорить о собственном пространстве, о собственной жизни, о собственной тактике выживания, в результате чего он начинает говорить о своей истории. Вся остальная живая природа становится для этой истории только фоном, объектом, средством, а человек создаёт основные векторы этого мира.

Как видно, Шпенглер придерживается традиционного для философской антропологии представления о принципиальном отличии человека от животных. В целом, в философско-антропологических и философско-культурных исследованиях магистральной линией анализа становится рассмотрение человека как одновременно противостоящего животному миру и неразрывно связанного с ним, а само пространство животного мира формирует сравнительную перспективу философской антропологии. Человек признается обладающим многими качествами, которых нет у животных, главные среди которых – наличие мира и рефлексия, т.е. способность осмыслять себя и делать это в каком-то пространстве, осознавая свое местоположение. Мир человека, отделенность и отдаленность его от природной среды приводит к развитию культуры. Все эти три качества – наличие рефлексии, собственного мира и культуры – сохраняются как основополагающие для человека и у К. Лоренца, однако трактоваться они будут в несколько ином ключе. Для того чтобы адекватнее прояснить специфику этой трактовки, обратимся к противоположной традиции, которую в совокупности с философской Лоренц будет развивать, – биологической по своей направленности традиции этологии.

1.2. Антропологические исследования Лоренца в контексте этологической программы

Конрад Лоренц – родоначальник того направления науки, которое принято называть этологией. Однако, хотя он и является её основоположником, его исследования принципиальным образом отличаются от классических этологических исследований.

Концепция человека, развитая в рамках этологии, противоположна той, которая развивается в рамках антропологической традиции. Она рассматривает поведение человека как природное поведение, основанное на инстинктах. Путём сопоставления его с поведением животных выделяются устойчивые паттерны этого поведения, рассматриваются разные его формы в различных условиях среды. В результате таких исследований оказывается, что то, что в гуманитарных науках считается достижением человеческой культуры, специфической чертой человека как социального индивида, является всего лишь врождённым инстинктивным поведением. С.А. Горохов говорит о Лоренце: «...как этолога его интересовало значение получения и накопления информации для усложнения поведения живых организмов – поведения, повышающего их приспособленность к изменяющимся условиям среды»⁶⁰.

Этология связывает человека с животным миром, т.е. если немецкая философская антропология отрывает человека от животных, рассматривает его как принципиально отличный вид, наделённый определёнными качествами, которых у животных нет и существовать не может, этология изучает человека как биологический вид, такой же, как все остальные животные, и показывает его тесную связь с животным миром. Я.И. Гилинский, выражая эту точку зрения, пишет в своей монографии, что «...сам факт происхождения человека из животного царства обуславливает то, что человек не

⁶⁰ Горохов, С.А. Философский анализ этологии Конрада Лоренца: автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.08 / С.А. Горохов. – М., 2003. – С.14.

может освободиться полностью от свойств, присущих животному, и речь может идти только о том, имеются ли эти свойства в большей или меньшей степени, тождественны ли они или существуют качественные различия»⁶¹. Автор говорит о схожести человека и животного, ставя во главу угла тот факт, что человек родственник животным, и это и задает схожесть черт.

Идеи Лоренца стоят между двумя традициями – философской и биологической, и для того, чтобы показать их своеобразие, необходимо обратиться к основным положениям или методологическим основаниям этологии.

Этология – сравнительно молодая дисциплина, которая зарождается в 1930-е годы как исследование поведения животных в родной для них природной среде⁶². В тех же рамках развиваются и этологические исследования человека⁶³. Как подчёркивает И.А. Шмерлина, «Этология человека в отличие от общей и сравнительной этологии изучающих поведение животных, ставит своей задачей исследование природных факторов человеческого поведения, культурно-биологической преемственности и генетических программ, эволюции форм культуры из поведенческих универсалий»⁶⁴. Если понимать этологию именно в таком смысле, то творчество Лоренца, конечно же, выходит за её рамки. Сам он предполагал, что этологические исследования будут использоваться в гуманитарных науках, и уже в своих работах отказался от использования термина «этология», применяя вместо него выражение «сравнительное исследование поведения»⁶⁵.

Этология человека, как в своём классическом варианте, так и в своём современном облике, достаточно близко приближается к философской

⁶¹ Гишинский, Я.И. Социальное насилие. – СПб: Алеф-Пресс, 2013. – С. 7-8.

⁶² См.: Дьюсбери, Д. Поведение животных. Сравнительные аспекты. – М.: Мир, 1981; Меннинг, О. Поведение животных. Вводный курс. / Д. Дьюсбери; пер. с англ. З.А. Зориной., И.И. Полетаевой. – М.: Мир, 1982.

⁶³ Линден, Ю. Обезьяны, человек и язык / Ю. Линден; пер. с англ. Е.П. Кирюковой. – М.: Мир, 1981.

⁶⁴ Шмерлина, И.А. Социология и этология человека / И.А. Шмерлина // Социологический журнал. – 2001. – № 1. – С. 34.

⁶⁵ Гороховская, Е.А. Этология: рождение научной дисциплины / Е.А. Гороховская. – СПб: Алетей, 2001. – С. 12.

антропологии и ставит сходные с ней проблемы. Она даёт и обширный описательный материал, поскольку построена на описательной традиции: полевых наблюдениях, экспериментах. Этот материал философская антропология может использовать в качестве непосредственного материала для своих обобщающих выводов.

Как подчеркивает Е.Н. Панов, этология человека приближается к философской антропологии, ставя вопрос, «...в какой мере зоологические знания могут способствовать решению главной мировоззренческой проблемы о сущности, месте и назначении человека в мироздании...»⁶⁶. М.Л. Бутовская отмечает, что этология вместе с другими науками всячески пытается ответить на вопрос о происхождении и сущности человека: «Что такое человек? Этот вопрос задавался на протяжении всей человеческой истории священниками, философами, художниками, учеными. <...> По нашему мнению, этология человека являет собой поведенческую антропологию – науку, изучающую взаимодействие биологического и социального в поведении человека. <...> В перспективе этология человека может способствовать взаимопониманию между естественно-научными и гуманитарными дисциплинами»⁶⁷. Е.А. Гороховская указывает, что этология «...включает в свой состав много различных подразделений и граничит со множеством и биологических, и гуманитарных дисциплин, имея с ними значительные области пересечения так, что бывает трудно провести границу между ней и соседними дисциплинами»⁶⁸. Лоренц всегда подчёркивал, что специфику этологии можно определить не по её содержанию, т.е. не по предмету, а по её методу, т.е. по тому, как она к этому предмету подходит. Для этологии специфика подхода состоит в исследовании поведения животных, специфичного для данного вида.

⁶⁶ Панов, Е.Н. Этология человека: история и перспективы // Поведение животных и человека: сходства и различия. – Пущино, 1989. – С. 28.

⁶⁷ Бутовская, М.Л. Этология человека: история возникновения и современные проблемы исследования / М.Л. Бутовская. Этологии человека на пороге XI века. – Москва: Старый Сад, 1999. – С. 5.

⁶⁸ Гороховская, Е.А. Этология: рождение научной дисциплины / Е.А. Гороховская. – СПб: Алетей, 2001. – С. 18.

Когда в рамках этологии на современном этапе её развития возникает этология человека, пересечение гуманитаристики и биологических наук ещё больше акцентируется, и в рамках этологии человека возникают различные области, которые очень трудно поддаются идентификации с позиций принадлежности к какой-то дисциплине. В частности, этология человека граничит с психологией, социологией, антропологией, лингвистикой, философией, и в рамках этих пересечений исследуется социально-биологический статус человека.

Междисциплинарные взаимодействия как одна из черт этологии и её развития является следствием того, что этология возникает как дисциплина на пересечении различных областей знания, т.е. её возникновение является следствием перестройки наук и их объединения. Ведущие исследователи этологии и её истории сами прекрасно понимают этот междисциплинарный статус своей науки. Е.А. Гороховская подчеркивает: «Этология человека живет на перекрестке. С самого начала она развивалась в тесном сотрудничестве со специалистами в области гуманитарного знания, заинтересовавшимися этим подходом. Постоянно растет число гуманитариев, считающих важным и полезным объединить усилия с биологами в познании человека. Все они постоянно сталкиваются с проблемой: как совместить гуманитарный и естественно-научный подход»⁶⁹.

Существует много определений этологии. Следуя трактовке коллеги Лоренца, Нико Тинбергера, ее можно охарактеризовать как изучение физиологической основы поведения, его онтогенеза, эволюции⁷⁰. В своём развитии этология человека прошла три этапа: ранний (долоренцевский), классический и новый⁷¹, на каждом из которых разрабатывались методологические стратегии, которые могут быть применимы в философской антропологии, и поднимались те вопросы, которые впоследствии

⁶⁹ Гороховская, Е.А. Споры вокруг этологии человека: конфликт и взаимодействие биологического и гуманитарного подходов / Е.А. Гороховская; Общ. Ред. М.Л. Бутовской. – Москва: Старый сад, 1999. – С. 72.

⁷⁰ Гороховская, Е.А. Этология: рождение научной дисциплины / Е.А. Гороховская. – СПб: Алетей, 2001. – С. 20.

⁷¹ Там же. – С. 19.

привлекались уже философскими антропологами для решения проблемы о статусе человека в мире⁷².

Классический период развития этологии связан с работами Лоренца, его коллег, последователей и учеников (Н. Тинберген, Г. Бергхардт, Дж. Гоулд). Исходя из классической этологии, поведение животных и человека основано на врождённых формах, подчиненных генетически запрограммированным стереотипам, которые в рамках этой дисциплины обычно называются «фиксированными схемами действий».

Фиксированная схема действий – это инстинкты, характерные для определенного вида. Они являются видоспецифичными и представляют собой результат адаптации к условиям среды обитания. Они спонтанны, лишены целепологания и демонстрируются животным и человеком автоматически. В классической этологии поведение животного рассматривается как набор таких стереотипных фиксированных действий, точно так же рассматривается и поведение человека. А.Ю. Шеманов пишет, что «если принять концепцию рефлекса, сформулированную К. Лоренцем, то для животных мир предстает в качестве видоспецифической среды, высвеченной, словно фонарем, проекцией на мир констелляции центров внутренней активности живого существа. На место этой проекции у людей с самого начала помещается рефлексивный образ мира»⁷³.

Эта теория выступает основанием теории инстинкта и инстинктивного поведения человека и животных. Исходя из нее поведение животных и поведение человека как одного из видов, отмечаются следующими характеристиками: 1) видовая специфичность – разные виды животных демонстрируют при одинаковых условиях различные формы поведения; 2) разделенность стереотипных форм поведения и приобретённых элементов: врождённые формы поведения изменяются только за счёт «созревания», обучения новому не происходит; 3) отсутствие связи между спонтанностью и

⁷² Гороховская, Е.А. Этология: рождение научной дисциплины / Е.А. Гороховская. – СПб: Алетей, 2001. – С. 21.

⁷³ Шеманов, А.Ю. Самоидентификация человека как антропологическое самоотличение: подход к пониманию процессов глобализации в современном мире / А.Ю. Шеманов // Личность. Культура. Общество. – 2006. – №. 2 (30). – С. 117.

автоматизмом в поведении: стимул не всегда приводит к обязательной детерминированной реакции; 4) иррациональность поведения и его нецеленаправленный характер⁷⁴.

К этой теории фиксированных действий в классической этологии примешивается теория ритуализации, и она впоследствии будет развиваться Лоренцем в несколько ином ракурсе, как часть его исследований культуры. В классической этологии, посредством ритуалов объясняется закрепление стандартных форм поведения и коммуникативных актов. Действия и коммуникация становятся ритуализованными, приобретают характер ритуалов в процессе приспособления к среде обитания под давлением естественного отбора. Они закрепляются, выделяются отдельные действия, и на второй план отходит другие. Во всех этих трактовках на первый план выходит понятие генетического детерминизма. Поведение и акт коммуникации рассматриваются как исходный детерминированный инстинктивными установками вид. Следуя такой этологической трактовке и ссылаясь на Лоренца, С.Т. Кавтарадзе пишет, что «дополнительно наблюдаемый факт – вырабатываемая со временем ритуализация агрессивной формы поведения, выражающаяся как на физиологическом уровне (изменение позы нападающего, его мимики, повышение эмоциональности речи), так и в культурном плане (ритуал подготовки к столкновению). У животных и птиц также существует свой особый ритуал, характерный только для каждого конкретного вида»⁷⁵.

Впоследствии классическая этология развивается в различных направлениях: в исследованиях детского поведения, в исследованиях культуры с эволюционных позиций и в исследованиях человеческого общества как адаптивной системы. Неклассическая, современная этология развивается, начиная с 1950-х гг. Она также во многом связана с исследованиями Лоренца. В это время этология приобретает современный

⁷⁴ Панов, Е.Н. Этология человека: история и перспективы // Поведение животных и человека: сходства и различия. – Пушино, 1989. – С. 32.

⁷⁵ Кавтарадзе, С.Д. Архетипы войны: насилие, бессознательное и борьба за базовые потребности / С.Д. Кавтарадзе // Историческая психология и социология истории. – 2012. – № 1. – Т. 5. – С. 8-24.

облик и развивается в работах его учеников и учеников его коллеги Нико Тинбергена, который показывает этологические детерминанты поведения взрослых людей, детей, и демонстрируют роль этологических концепций и этологических исследований для изучения человеческого общества и культуры⁷⁶. Уже в 1970-е годы этология выделяется как вполне самостоятельная наука и институализируется. В Германии организуется Институт этологии человека, выпускаются многочисленные журналы и издания⁷⁷.

В рамках философской традиции этологические исследования Лоренца часто определяют как натуралистическую эпистемологию, или эволюционную эпистемологию. Такое наименование подчеркивает ее междисциплинарный контекст. А.В. Кезин даёт ей следующее определение: «Эволюционная эпистемология – новое междисциплинарное направление ставящие своей целью исследование биологических предпосылок человеческого познания и объяснение его особенностей на основе современной теории эволюции»⁷⁸. Эволюционная эпистемология возвышается над обычной биологией, она не просто задаётся вопросом о биологических предпосылках познания животных или познания человека, но ставит проблему эпистемологического статуса познания, т.е. того, каким образом познание менялось в ходе биологической эволюции.

Кезин называет в качестве основной черты эволюционной эпистемологии гипотетический реализм, о котором впервые в своих работах пишет сам Лоренц. Эта установка гипотетического реализма описывается А.В. Кезиным как допущение того, что за всяким познанием (будь то познание животных или человека) стоят априорные когнитивные структуры, формирование которых сопряжено с эволюцией вида. Эти когнитивные структуры врожденные и

⁷⁶ Тинберген, Н. Социальное поведение животных / Н. Тинберген; пер. с англ. Ю.Л. Амченкова. – М.: Мир, 1993; Тинберген, Н. Поведение животных / Н. Тинберген; пер. с англ. О. Орлова и Е. Панова. – М.: Мир, 1978.

⁷⁷ О современных исследованиях на пересечении этологи и философии см.: Князева, Е.Н. Eсо-Ево-Devo-Perspective: Новые возможности междисциплинарного синтеза знания / Е.Н. Князева // Сложные системы. – 2014. – № 3 (12). – С. 13–32.

⁷⁸ Кезин, А.В. Натуралистические подходы в эпистемологии XX века / А.В. Кезин. – Москва: ИНИОН, 2006. – С. 6.

определяют особенности познания. Эволюционная эпистемология признаёт, что априорные когнитивные структуры соответствуют среде обитания, в которой живёт животное или человек, и определяется функцией приспособления. Сознание человека, его познание, культура, формирующееся у человека, общество рассматриваются как результат эволюции. Всё это – и сознание, и познание, и культура – является средством приспособления и, с точки зрения эволюционной эпистемологии, имеет не только специфически человеческое, но и эволюционное значение.

Развитие эволюционной эпистемологии задаётся не только попытками биологов осмыслить общие механизмы познания и поведения животных, но и так называемым натуралистическим поворотом в эпистемологии. Будучи направленной на общие законы познания, на выявление исторических предпосылок в эволюции, эпистемология XX века обращается к конкретным механизмам познания, конкретным ситуациям формирования человеческого сознания, а также его мировоззрения. Обращение к конкретному является общей тенденцией развития философских отраслей в XX веке.

При своеобразном слиянии биологических исследований и философской антропологии важным является вопрос о том, на что должны быть направлены такие исследования: на предельное обобщение, на решение вопросов о природе и статусе человека или всё-таки на открытие конкретных механизмов знания или познания. Дилемма между конкретным и абстрактным – эта одна из сквозных дилемм в философско-антропологических исследованиях эволюционной эпистемологии в целом и философско-антропологической теории Лоренца в частности.

Таким образом, одна из основных черт эволюционной эпистемологии, сформировавшей основу сравнительной антропологии Лоренца, – это решение гносеологических, антропологических, социально-философских, философско-культурных вопросов посредством обращения к теории эволюции, а также посредством рассмотрения конкретных эволюционных ситуаций.

В качестве методологических установок этологии, которые наследует Лоренц, можно выделить⁷⁹:

1. *Объективизм.* Этология исследует не мир сознания животного или мир его переживаний, а мир поведения и действий, который исследователь может увидеть со стороны, зафиксировать, описать и сохранить для других, то есть те проявления животной жизни, которые доступны объективному поведению.

2. *Описательная установка.* Этология базируется на описаниях, полученных в естественной и искусственной среде при наблюдении за животными. Они должны содержать описания всех репертуаров поведения в различных ситуациях, в зависимости от условий.

3. *Сравнительный метод,* которые предполагает сопоставление разных видов животных: близкородственных, проживающих на одной территории и т.д. Сравнение в таком случае проводится по аналогии, точно так же, как в морфологии проводятся исследования структуры тела.

4. *Структурно-динамический подход,* предполагающий анализ, во-первых, элементов поведения, во-вторых, его внешних и внутренних факторов, в-третьих, сравнительное исследование развитие изменения поведения в эволюции⁸⁰.

Среди наиболее явных предпосылок эволюционной эпистемологии в общем и сравнительной антропологии Лоренца в частности, следует назвать еще, во-первых, учение Ч. Дарвина, во-вторых, критическую антропологию И. Канта.

Предпосылки классической этологической теории возникли на заре XX века вместе с развитием эволюционной биологии, и классическая этология часто рассматривается как одна из её ветвей⁸¹. Основанием классической этологии стала теория естественного отбора Ч. Дарвина, поэтому в основных её положениях проглядывают установки детерминизма. Учение Дарвина влияет на развитие этого направления, не только составляя фундамент биологической

⁷⁹ Гороховская, Е.А. Этология: рождение научной дисциплины / Е.А. Гороховская. – СПб: Алетейя, 2001. – С. 126.

⁸⁰ Дерягина, М.А., Бутовская, М.Л. Этология приматов / М.А Дерягина. – Москва: МГУ, 1992. – С. 6.

⁸¹ Кезин, А.В. Натуралистические подходы в эпистемологии XX века. / А.В. Кезин. – Москва: ИНИОН, 2006. – С. 12.

теории эволюции, но и закладывая важнейшую для этологии и эволюционной эпистемологии предпосылку: утверждение о преемственности внутри живого мира. Кроме того, поведение животных рассматривается как инстинктивное поведение, меняющееся в результате отбора. Эволюция поведения животных происходит путём адаптивных изменений, в целях приспособления к изменениям среды обитания, естественный отбор регулирует эти изменения⁸².

В сравнительной антропологии Лоренца мы увидим очень много положений, которые он явно или неявно заимствует из теории эволюции Дарвина. В частности, основная особенность антропологического взгляда на человека, который представляет Лоренц, состоит в том, что он, с одной стороны, рассматривает человека как результат эволюции, как вид, преемственный по отношению к животным, как результат непрерывной нити биологических и исторических изменений, а с другой стороны, он говорит о человеке как о принципиально иной живой системе, которая отличается специфическими особенностями. Именно в теорию эволюции Дарвина и эволюционную мысль XIX столетия уходит корнями системная теория Лоренца.

Лоренц неоднократно подчёркивает, что животный мир и мир человека устроены иерархически. Между каждой новой ступенью этой иерархии и предыдущей имеется несомненная преемственность, но каждая новая ступень отличается принципиальной особенностью. Лоренц будет называть это фульгурацией. Представление о фульгурации своей предпосылкой имеет учение Дарвина о наследственности и изменчивости. Точно так же, как у Дарвина, биологическая наследственность движется, с одной стороны, наследованием признаков, то есть их преемственностью, а с другой, изменчивостью, которая у Дарвина происходит путём мутаций, т.е. незапланированных скачков, у Лоренца эволюция познания, культурных форм, происходит, с одной стороны, посредством преемственности их по отношению к таковым у животных, а с другой, их принципиально другим характером, обусловленным фульгурацией.

⁸² См.: Дарвин, Ч. Происхождение человека и половой отбор / Ч. Дарвин. – М., Л.: АН СССР, 1953.

Лоренц унаследует от теории Дарвина и положение о приспособительном характере поведения, творчески развив его на пространство культуры и общества. Он будет говорить о том, что человеческое общество и его проблемы, культура и её особенности являются результатом приспособления человека как вида к собственной среде обитания. В этих положениях теория Лоренца демонстрирует этологический детерминистский характер своих основных гипотез.

Следствием влияния эволюционной теории Дарвина на этологическую концепцию Лоренца становится развитие морфологического подхода. Лоренц развивает его по отношению к пространству человека как вида. В этологии животных Лоренц формулирует его следующим образом: «...исследовать поведение животных по аналогии с изучением телесных морфологических структур, используя методы и понятия, принятые в сравнительной морфологии»⁸³. Лоренц исследует поведение животных так, как можно исследовать морфологические структуры, сравнивая их. Он выделяет базовые паттерны поведения или базовые единицы, которые специфичны для каждого вида животных и составляют основу их поведения, и считает, что эти паттерны закрепляются генетически, т.е. являются врождёнными.⁸⁴

Такие поведенческие структуры Лоренц называет инстинктивными действиями, в этологии они также называются фиксированными способами поведения. Лоренц говорит о том, что в поведении каждого вида животных можно выделить специфичные для вида поведенческие структуры. Такие же структуры он пытается выделить и для человека, говоря о том, что человеку свойственны формы поведения, которые закреплены у него от рождения. Здесь он переходит к объяснению этих форм поведения и привлекает уже не биологическую, а философскую теорию.

⁸³ Гороховская, Е.А. Этология: рождение научной дисциплины / Е.А. Гороховская. – СПб: Алетей, 2001. – С. 113.

⁸⁴ См.: Гороховская, Е.А. Споры вокруг этологии человека: конфликт и взаимодействие биологического и гуманитарного подходов / Е.А. Гороховская; Общ. ред. М.Л. Бутовской. – Москва: Старый сад, 1999. – С. 72-96.

Идеи И.Канта, задают вторую особенность эволюционной эпистемологии и антропологии Лоренца. С 1940 г. он заведует кафедрой психологии в Кенигсбергском университете, в котором работал И. Кант. Преподавателей кафедры философии и психологии обязывали посещать заседания кантовского общества, и Лоренц был их активным участником, и именно в те времена читал работы Канта и познакомился с его учением.⁸⁵ В центре теории Лоренца лежит положение о том, что человеческое мировоззрение, культура, сознание определяются априорными врождёнными когнитивными структурами⁸⁶. Эти структуры формируют всю жизнь человека, и они являются результатом формирования человека как вида⁸⁷.

Лоренц настаивает на том, что всем людям, человечеству как виду свойственны общие понятийные структуры. Именно они способствуют изучению иностранных языков, в рамках них ребёнок осваивает речь и овладевает мышлением. Несущие конструкции мышления развиваются до того, как ребёнок начинает говорить и общаться со взрослыми. По Лоренцу, мышление, во всяком случае, его основание, является генетически закреплённым качеством. Он указывает: «Мы не учимся думать, мы выучиваем, вместе со словарем, символы вещей и отношений между ними, укладывая выученное в ранее сформировавшуюся несущую конструкцию, без которой мы не могли бы думать, попросту не были бы людьми»⁸⁸.

Таким образом, в вопросе возникновения познания у человека Лоренц придерживается биологических позиций. На его взгляд, основание мышления формируется вместе с развитием головного мозга – центральным эволюционным достижением человека. Неотъемлемым генетическим качеством человека, как мышление, является способность к обучению. Обращаясь к случаю своей коллеги,

⁸⁵ Гороховская, Е.А. Гусиный отец / Е.А. Гороховская // Природа. – 2004. – № 3. – С. 62.

⁸⁶ О Лоренце и Канте см.: Редько, В. Моделирование когнитивной эволюции: Взгляд из искусственного интеллекта / В. Редько // Логос. – 2014. – № 1. – С. 109-140.

⁸⁷ Лоренц, К. Эволюция и априори / К. Лоренц // Вестник Московского гос. ун-та. – Серия 7. – Философия. – 1994. – № 5. – С. 11-17; Лоренц, К. Кантовская доктрина априори в свете современной биологии / К.Лоренц // Человек – 1997. – № 5. – С. 19-37.

⁸⁸ Лоренц, К. Обратная сторона зеркала. / К. Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – С. 409.

которая описывает слепоглухонемую девочку, Лоренц указывает на тот факт, что ребёнок учится говорить и вообще обучается так же, как птица учится летать. Способность к научению заложена в человеке от рождения, как способность к научению полёту заложена от рождения в птицах.

Как замечает А.Я. Флиер, среди философов и антропологов (и Лоренц среди них не исключение) «одно время активно обсуждался вопрос: есть ли у животных разум. Традиционное утверждение о том, что животные вообще лишены проблесков абстрактного мышления и их поведением руководят только врожденные и приобретенные инстинкты, в последние годы вызывает все более осторожное отношение. Выводы, сделанные на основании одних только наблюдений за их поведением, конечно, очень содержательны и порой остроумны, но, увы, неполны и малоубедительны»⁸⁹.

Таким образом, Лоренц принимает теорию априорных форм Канта, радикальным образом изменяя её и прочитывая сам концепт априорных форм через эволюционную теорию Дарвина. Эти априорные формы по-прежнему, понимаются им как формы познания, но познание рассматривается не в философском, гносеологическом ключе, а в ключе эволюционной гносеологии, и таким образом он начинает говорить об априорных гносеологических структурах. Е.А. Гороховская формулирует специфику восприятия Лоренцем идей Канта следующим образом: «особенности человеческого познания и, следовательно, самого знания определяются спецификой познавательного аппарата (нервной системы, органов чувств и поведения), который сформировался в ходе приспособительной биологической эволюции <...> С точки зрения Лоренца, априорное у Канта есть проявление свойств этого аппарата как итога эволюции»⁹⁰.

Познание при такой трактовке становится результатом соответствия функции органа, т.е. функции сознания и окружающей среды человека. Это соответствие развивается благодаря тому, что познание является функцией

⁸⁹ Флиер, А.Я. Принадлежит ли культура только человеку? / А.Я. Флиер // *Общественные науки и современность*. – 2006. – № 3 – С. 159.

⁹⁰ Гороховская, Е.А. Гусиный отец / Е.А. Гороховская // *Природа*. – 2004. – № 3. – С. 63.

приспособления. Человек, так или иначе, познаёт мир, потому что в своём познании он приспособляется к нему.

Лоренц, так же как и другие этологи, рассматривает человека как представителя природного царства, говорит о том, что он связан с животным миром. В противоположность немецким антропологам, он чётко вписывает человека в животную иерархию и не раз подчёркивает тот факт, что отделение человека от животного мира не идёт на пользу антропологической теории, критикуя в частности работы Плеснера и др. Одновременно с этим, Лоренц никогда не рассматривает человека просто как биологический вид. Посредством понятия «фульгурация» (которое мы рассмотрим позднее), он описывает специфику человека как познающего существа, накапливающего информацию и создающего духовную культуру.

Духовная культура, по мнению Лоренца, является фульгурацией человека. Она способствует тому, что он принципиальным образом отличается от других животных. Лоренц одновременно и продолжает классические этологические исследования, и отступает от них, выводя этологию за рамки свойственной ее методологии ориентации. Этология Лоренца является антропологической, а не биологической по своей направленности. Она сосредоточена на том, чтобы понять человека как биологическое существо, и на том, чтобы прояснить специфику его как принципиально отличного от других животных вида.

Если другие этологи смотрят на человека со стороны животного мира, то Лоренц, напротив, смотрит на животный мир со стороны человека. Он обращается к поведению животных для того, чтобы уяснить проблемы, возникающие в человеческом обществе, прояснить механизмы образования и функционирования человеческой культуры, чтобы понять человеческие эмоции и познание человека. Не удивительно, что с именем Лоренца связан переход классических этологических исследований к современной этологии. Концепция Лоренца своеобразна и не вписывается ни в классическую этологическую программу, ни в философско-антропологические теории. Она

построена на философских междисциплинарных установках, реализует антропологические принципы исследования, поэтому является такой продуктивной и в современных философско-антропологических работах.

1.3. Междисциплинарные горизонты антропологии Лоренца и ее исследовательские установки

Биосоциальная антропология Конрада Лоренца становится попыткой связать воедино биологические, антропологические и социокультурные пространства жизни человека. Лоренц даёт свою теоретическую интерпретацию отношениям человека, общества и природы, предлагая комплекс категориальных (ряд понятий) и методологических средств исследования (совокупность методологических стратегий), необходимых для утверждения и развития социально-философской и философско-антропологической теории.

На основании проведенного анализа можно заключить, что Лоренц развивает ряд методологических принципов классической этологии, но одновременно и преобразовывает некоторые из них. В качестве основных методологических установок его сравнительной антропологии можно выделить:

– эволюционизм – признание человека как вида, преобладающего по отношению к животным, и одновременное рассмотрение сознания человека, его поведения и культуры как эволюционного достижения;

– детерминизм – постулирование зависимости психики, поведения человека, а также развития культуры от необходимости приспособления к условиям среды обитания; отрицание спонтанности в развитии высокоорганизованного человеческого сознания;

– объективизм – сосредоточение исследования на объективных проявлениях человеческого поведения.

Указанные методологические установки являются базисными принципами, на которые опирается антропология Лоренца. В различных антропологических пространствах (при исследовании сознания и познания человека, его поведения в

среде, формирования культуры и функционирования современного общества) они получают свою конкретную реализацию, влияя на характер используемых исследовательских приемов. Комплекс исследовательских средств в их конкретной реализации в отдельных антропологических пространствах здесь мы описываем как методологическую стратегию. Это не просто методы исследования, которые использует Лоренц, но реализация метода в конкретном антропологическом пространстве. Следуя определению, данному Н.П. Копцевой и Е.А. Сертаковой, методологические стратегии также можно охарактеризовать как схемы действий, эффективные для достижения основной задачи исследования и открывающие возможность по-новому реализовать метод⁹¹.

Во всех приоритетных для себя антропологических пространствах Лоренц использует следующие методологические стратегии:

– системный анализ, призванный дать целостный образ поведения человека, особенностей его познания, а также функционирования общества и культуры на всех уровнях;

– междисциплинарный подход, который позволяет синтезировать все имеющиеся наработки для исследования сущности человека и его современной ситуации;

– метод сравнительного анализа по гомологии и аналогии, показывающий истоки исследуемых феноменов, а также их сходства и отличия в ряду других.

Три выделенные стратегии не используются Лоренцем отдельно друг от друга, они связываются в едином анализе конкретного исследовательского пространства.

В своих работах Лоренц использует *междисциплинарный подход*, основывая этологию на синтезе естественно-научного и философско-антропологического подходов. «Этология как отрасль науки, – пишет он, – возникла тогда, когда при исследовании поведения животных и человека начали

⁹¹ Копцева, Н.П., Сертакова, Е.А. К вопросу о методологической стратегии современной урбанистической антропологии / Н.П. Копцева // Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 1. – С. 103-120.

применять постановки вопросов и методы, самоочевидные и обязательные со времён Чарльза Дарвина во всех других биологических дисциплинах»⁹².

Лоренц постоянно обращается к работам физиологов, врачей, показывая, как важно осмысление биологических и патологических феноменов для понимания человеческого духа. Он обращается к ним в «Восьми смертных грехах цивилизованного человечества», где пишет о болезнях человеческого духа и упадке культуры, он вспоминает о них и в своей методологической работе «Оборотная сторона зеркала», где говорит о патологическом характере, современной культуре и современном человеке.

Лоренц рассматривает культуру и человечество как врач и биолог. В «Оборотной стороне зеркала» он пишет: «Прогрессирующий упадок нашей культуры имеет столь явно *патологическую* природу, в нем столь очевидны признаки *заболевания* человеческого духа, что отсюда вытекает категорическое требование – исследовать культуру и дух, применяя постановки вопросов, принятые в медицине. Любая попытка восстановить функции этой расстроившейся системы предполагает понимание того, *как действует она в целом* [...] Но, с другой стороны, как уже было сказано, нередко именно нарушение функции открывает путь к причинному пониманию ее нормального, здорового действия»⁹³.

Этология рассматривает человека и общество как систему. Человек и общество, по убеждению Лоренца, являются самыми сложными системами в органическом мире, и он прекрасно понимает, что задача, которой он задаётся, – одна из самых сложных в современной ему науке. Все человеческие эмоции, чувства, благородные порывы имеют биологические эквиваленты. Лоренц неоднократно подчёркивает, что ненависть, любовь, способность прийти на помощь, уходят корнями в инстинкты агрессии, принципы рангового порядка животной стаи. При таком подходе снимается этическая окраска

⁹² Лоренц, К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества / К. Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – С. 5.

⁹³ Лоренц, К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества / К. Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – С. 260.

рассматриваемых качеств: ненависть перестаёт быть плохой, а любовь хорошей. Все чувства и действия человека становятся нейтральными функциями биологической системы, закреплёнными в ходе эволюции.

Для исследования человеческого духа Лоренц обращается к животному и патологическому. Он прекрасно понимает, что большинство таких способов поведения является моральными и этическими. Он настаивает на том, что для их лучшего понимания необходимо обращение к животному прошлому человека и его биологической природе. Его позиция, по его собственному убеждению, представляет попытку синтеза естественнонаучного и философского подхода: он обращается к сформированным эволюцией формам поведения, но при этом пытается описать их этический, аксеологический, культурный статус. Это усилие пронизывает все его работы, начиная с самых ранних, несмотря на то, что само осознание продуктивности подобной стратегии приходит к нему сравнительно поздно. «Сам я, – вспоминает он, – лишь в последние годы моей жизни осознал, что человеческая культура и человеческий дух могут — и должны — исследоваться методами естествознания, с присущими ему постановками вопросов»⁹⁴.

Лоренц убеждён, что искусственно сооружённую преграду между естественными науками и философией со временем можно разрушить, и на его взгляд, это единственный путь к целостному познанию человека. «Таким образом, – заключает он, – путь к самопознанию человека все еще прегражден глухой стеной. Мало, слишком мало тех, кто трудится, чтобы устранить это препятствие. Но число их все время растёт, и вместе с убеждением, что судьбы человечества зависят от их успеха, растёт их рвение в труде. Нет сомнения, что истина в конечном счете победит; остается мучительный вопрос, победит ли она, *пока еще не поздно*»⁹⁵.

Центральная установка Лоренца – синтез естественнонаучных и философских подходов – уходит корнями в гносеологический интерес. Как

⁹⁴ Лоренц, К. Обратная сторона зеркала / К. Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – С. 259.

⁹⁵ Там же. – С. 260.

отмечает С.Е. Салова: «Обосновывая образ человека, адекватный эволюционному подходу к познанию, К.Лоренц полагал, что человеческое познание возникает из процесса взаимодействия, в котором человек как реальная и активная живая система и как познающий субъект сталкиваются с фактами не менее реального внешнего мира»⁹⁶. На взгляд Лоренца, одним из основных эволюционных достижений человека стало мышление, рефлексия и, как следствие, открытие собственного «я».

Человек – это единственное существо, которое способно к самосознанию: он единственный из всех животных может отражать мир и являться для него зеркалом. Осознание этого факта, по убеждению Лоренца, должно стать первым шагом для синтеза естественнонаучного реализма и философского идеализма.

Естественники пытаются объективно смотреть на мир, при этом забывая о том, что воспринимают его в рамках собственной рефлексии. Философы, напротив, впадают в заблуждение и начинают говорить о том, что внешний мир является лишь продолжением внутреннего мира человека. «Направление зрения – подчёркивает Лоренц, – мешает *обоим* увидеть, что у зеркала есть не отражающая обратная сторона – сторона, ставящая его в один ряд с реальными вещами, которые оно отражает: физиологический аппарат, функция которого состоит в познании внешнего мира, не менее реален, чем этот мир»⁹⁷.

В трактовке человеческого познания Лоренц развивает эту позицию. Он исследует познание одновременно в рамках биологического знания и философской теории познания. «Сам я, – подчёркивает он, – лишь в последние годы моей жизни осознал, что человеческая культура и человеческий дух могут – и должны – исследоваться методами естествознания, с присущими ему постановками вопросов [...] С философской стороны считается кощунством уже

⁹⁶ Салова, С.Е. Эволюционная эпистемология Конрада Лоренца: автореф. дисс. ... к. филос. наук: 09.00.01 / С.Е. Салова. – М., 2007. – 10 с.

⁹⁷ Лоренц, К. Обратная сторона зеркала. / К.Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – С. 260.

та банальная истина, что человек, как и все живые существа, имеет выработанные эволюцией и закреплённые наследственностью формы поведения»⁹⁸.

Лоренц переосмысливает теорию познания Канта, последователем которого является, и формулирует своеобразную теорию гносеологического априоризма. Особенности познания характерные для человека, по его убеждению, появились в результате эволюции и образовали «априорную» платформу для всякого познания. Таким образом, у познания биологические предпосылки, но не биологическое содержание.

Лоренц подчёркивает, что, как и у всех животных, у человека познание является функцией приспособления. Как отмечают Н.А. Кузнецов, О.Е. Баксаковский и Н.А. Гречишкина: «Человек – это биологическое существо, получившее свои свойства и способности, в том числе высокую способность к познанию, в ходе эволюционного развития, в течение которого все организмы сталкивались с условиями действительности и приспособлялись к ним. Эта эволюция есть процесс познания, потому что любое приспособление к определенным условиям внешнего мира означает, что органическая система получает некоторое количество информации об этих условиях»⁹⁹.

Человек познает, поскольку его органы чувств устроены так, чтобы отображать те или иные явления. Познание не субъективно, оно не является результатом исключительно активности человека, оно всегда оформляется эволюционно заданными рамками человеческого мышления. Лоренц указывает: «"Очки", через которые мы смотрим на мир, – такие формы нашего мышления и созерцания, как причинность, вещественность, пространство и время, – суть *функции* нашей нейросенсорной организации, возникшей для сохранения вида»¹⁰⁰.

Познание рассматривается Лоренцем как эволюционное приобретение человека: это одна из способностей, которые возникли и закрепились в результате

⁹⁸ Там же. – С. 259–260.

⁹⁹ Кузнецов, Н.А., Баксаковский, О.Е., Гречишкина, Н.А. Происхождение знания: истоки и основания. Информационные процессы / Н.А. Кузнецов // Информационные процессы. 2007. – Т. 7. – № 1. – С. 75.

¹⁰⁰ Лоренц, К. Обратная сторона зеркала. / К.Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998– С. 249.

эволюции. Такую позицию Лоренц описывает как гипотетический реализм. С позиции гипотетического реализма, познание должно рассматриваться как функция человека как вида. Эта функция возникает естественным путём и направлена на организацию взаимодействия человека с окружающим его внешним миром. Как теоретико-познавательная позиция гипотетический реализм предполагает: 1) гипотетический характер всего познания, 2) наличие независимого от сознания, закономерно структурированного и взаимосвязанного мира, 3) частичную познаваемость мира через восприятие, мышление и научные представления¹⁰¹.

Следствием гипотетического реализма является физиологическая трактовка субъективного опыта человека. «Наш опыт, наш субъективный мир – следствие физиологических процессов, и субъективное психическое не противопоставляется, а является продолжением объективного физиологического»¹⁰², настаивает Лоренц. Таким образом, как отмечает И.А. Федоров, «Гносеологию Лоренц превращает в *биологическую науку*»¹⁰³.

Системный анализ – центральный для антропологических, социальных и культур-философских исследований Лоренца. Человек как система, на его взгляд, сформирован под влиянием процесса эволюции. Её элементы, структурные связи и системообразующие качества появляются, исчезают и закрепляются в связи с приспособлением. Лоренц считает, что системные качества человека, общества, культуры можно понять, только обратившись к его биологическому прошлому. Он подчёркивает: «На вопрос о причине: *почему* определённая система обладает такими, а не другими свойствами, – правомерным ответом может быть лишь естественное объяснение этого хода развития»¹⁰⁴. На его взгляд, все сложные

¹⁰¹ Кузнецов, Н.А., Баксаковский, О.Е., Гречишкина, Н.А. Происхождение знания: истоки и основания. Информационные процессы / Н.А. Кузнецов // Информационные процессы 2007. – Т. 7. – № 1. – С. 83.

¹⁰² Лоренц, К. Обратная сторона зеркала. / К.Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998 – С. 315.

¹⁰³ Федоров, И.А. Послесловие Лоренц К. Так называемое зло / И.А. Федоров; Под ред. А.В. Гладкого. – М.: Культурная революция, 2008.– С. 607.

¹⁰⁴ Лоренц, К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества / К. Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – С. 5.

формы поведения можно понять, посмотрев на процесс приспособления: так можно объяснить все нормальные и патологические качества и процессы.

По мысли Лоренца, всякая биологическая система, в том числе и человек, обладает свойствами гомеостаза. Синтез естественнонаучного и философского подходов позволяет прояснить не только картину нарушений гомеостаза, но и её истоки, а значит, позволяет выработать способы предотвращения критических изменений, поэтому все идеи Лоренца имеют практическую ценность. В работе «Так называемое зло...» он говорит о возможных путях сублимации агрессии и преодоления нарастания агрессивности общества. В «Восьми смертных грехах цивилизованного человечества» он описывает критические изменения современной цивилизации и, посредством анализа их биологических причин, намечает пути выхода из сложившегося кризиса. В других работах он использует такую же стратегию.

Сравнивая животных и человека, Лоренц говорит о двух возможных *принципах сравнительного анализа: по гомологии и аналогии*.

Во-первых, сопоставление может быть проведено по гомологии. Гомология – это сходство в базе, фундаменте поведения. Во-вторых, сопоставляться организмы могут по аналогии. В отличие от гомологии, аналогия – это функциональное сходство, т. е. сопоставление по аналогии надстраивается над сопоставлением по гомологии. Лоренц пишет: «Этологи часто обвиняются в построении неверных аналогий между поведением животных и человека. Но на самом деле такой вещи, как неверная аналогия, не может существовать. Аналогия может быть более или менее детальной или отсюда более или менее информативной»¹⁰⁵.

Лоренц неоднократно отмечает, что в ходе исследования по аналогии мы не можем прийти к ошибке. Любая аналогия указывает на сходство поведения, а, следовательно, указывает на одинаковые механизмы приспособления к среде. При этом он уточняет, что исследования по аналогии могут использоваться только к деталям, частям, функциям, но не к самим органам или самим организмам,

¹⁰⁵ Лоренц, К. Нобелевская речь / К. Лоренц // Деловая слава России. – 2013. – № 1 (39). – С. 55.

поскольку по отношению к органам и организмам уже применимо понятие гомологии.

Работа с гомологическими и аналогическими различиями, по мнению Лоренца, представляет собой основу работы эволюциониста и этолога «...Этот процесс, – подчёркивает он, – и привёл меня к открытию, которое я рассматриваю как свой основной вклад в развитие науки»¹⁰⁶. Не случайно аналогия и гомология становятся основным предметом его Нобелевской речи. На его взгляд, такие исследования являются наиболее продуктивными не только в этологии, но и в других науках о поведении человека и животных.

Исследования гомологии и аналогии в поведении человека и животных, становятся основанием изучением структуры и морфологии, человеческих эмоций, культуры человека, общества и сценариев его дальнейшего развития. Лоренц подчёркивает: «Много позже я осознал, что в развитии человеческих культур исторически вызванные наследственные подобию и приобретённые сходства, вызванные параллельной эволюцией, другими словами, между аналогией гомологией и аналогией, были теми же самыми, как при оценке схожести видов, и, по сути, сводились к решению аналогичных задач»¹⁰⁷. Фактически, он говорит о том, что в мире человека имеет место культурные аналогии и гомологии. Он приводит различные примеры, в частности, говорит о том, что технологическое развитие человечества идёт по пути аналогичного развития. Сконструированный человеком паровоз по аналогии повторяет форму повозки, которую когда-то двигала лошадь. Эти два культурных достижения человека могут быть сопоставлены.

Подобная стратегия исследования указывает на то, что структура поведения и культура человека имеют сложный системный характер, для некоторых из них уместно только сопоставление по аналогии, а для других может использоваться сравнение по гомологии. Лоренц подчёркивает, что этим методом исследования можно получить не все возможные данные: на некоторые вопросы он не может

¹⁰⁶ Там же. – С. 55.

¹⁰⁷ Лоренц, К. Нобелевская речь / К. Лоренц // Деловая слава России. – 2013. – № 1 (39). – С. 56.

ответить. В частности, метод аналогии не показывает локализации выработанных функций поведения, т.е. ничего не говорит о физиологических механизмах, которые запускают одинаковое поведение у человека и животных. Метод аналогии имеет, по большей части, описательный характер.

Лоренц не задаётся задачей поиска причин, он указывает на имеющиеся параллели, которые должны запустить дальнейшее движение в других дисциплинах. Функции, которых могут быть сопоставлены по аналогии, как предполагает Лоренц, сформированы в результате одинаковых механизмов адаптации, т.е. их возникновение запущено одинаковыми особенностями природной среды, в которых обитали животные и человек. Он приводит свой излюбленный пример: поведение гуся, который так похож на человека и разъясняет, что сходство поведенческих реакций здесь не могут быть гомологичными, т.е. это не может быть сходство в фундаменте, поскольку человек и гусь не происходят от одного общего предка. Он говорит о том, что общий предок гуся и человека расположен в ветви эволюции слишком далеко, это примитивная рептилия, которая совершенно не способна к социальному поведению. Поэтому, поведенческие сходства здесь носят функциональный характер, а человек и гусь имеют сходные особенности в поведении, поскольку выработали сходные приспособительные реакции с целью выживания. В результате этого сейчас мы видим у них одинаковые эмоции и одинаковые формы реакции на стрессовые ситуации.

Два метода исследования – по гомологичному и аналогичному шаблону – указывают на разные механизмы поведения. Исследования по гомологии приводит нас к базовым структурам, которые могут очень долго сохранять свои формы, которые очень трудно меняются. Исследования аналогий указывают, наоборот, на изменяющиеся функции, которые в зависимости от изменившихся условий среды, могут исчезать или закрепляться. Этот метод Лоренц развивает на примере исследования культуры. Мы можем исследовать гомологичные признаки различных культур, которые указывают на их общее происхождение, и мы можем

исследовать аналогичные изменения, которые указывают на приспособительный характер культур с разными истоками.

На гомологии и аналогии построена адаптация животных и человека к окружающей среде. Базисные структуры формируют статическую адаптацию, т.е. практически не могут быть изменены, надстраивающиеся над ними структуры ответственны за динамическую адаптацию. Новые поведенческие и эмоциональные реакции могут изменять их, демонтировать или закреплять. В результате исследования по аналогии мы получаем информацию о динамических структурах и динамической адаптации, а в результате исследования по гомологии мы вскрываем коренные особенности структуры, т.е. её гомологические особенности.

Лоренц подчёркивает, что формирование основания культуры или её гомология напоминает формирование и закрепление генетической информации, подобной той, что записана у нас в ДНК. «Неизменная структура культуры, – пишет он, – продолжается, переходя от одного поколения к следующему, в процессе, когда новое поколение создаёт культурную копию знания принадлежащего прежнему поколению»¹⁰⁸.

Лоренц подчёркивает, практические следствия своего метода¹⁰⁹. На его взгляд, сравнительные исследования позволяют разделить запрограммированные и обусловленные культурой нормы поведения и лучше увидеть их нарушения. В частности, мы можем увидеть, что излишняя конвергенция культур, как и излишняя дивергенция неблагоприятны для социально-культурного развития человечества, несмотря на их кажущуюся продуктивность. По Лоренцу, в развитии культуры следует избегать крайностей.

Все практические ориентированные идеи Лоренца основаны на убеждённости в том, что человек может найти выход из сложившейся ситуации, что благодаря своему разуму и сознанию его биологических истоков, человек

¹⁰⁸ Лоренц, К. Нобелевская речь / К. Лоренц // Деловая слава России. – 2013. – № 1 (39). – С.58.

¹⁰⁹ См.: Черепанова, Е.С. Австрийская экологическая философия: К. Лоренц и Альтернберский кружок: автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Черепанова Е.С. – Екатеринбург, 1993 – 17 с.

сможет уничтожить свою агрессивную природу и преодолеть негативные последствия технического прогресса. Свою центральную работу «Так называемое зло...» он заканчивает следующими словами: «Я верю, что они это сделают, ибо верю в силу человеческого разума, верю в силу отбора – и верю, что разум приведёт в движение разумный отбор. Я верю, что наши потомки – не в таком уж далёком будущем – станут способны выполнять это величайшее и прекраснейшее требование подлинной Человечности»¹¹⁰. Естественнонаучные исследования человека должны только помочь этому: «Я верю, – продолжает он, – что знание природы и её законов будет все больше и больше служить общему благу людей; более того, я убеждён, что уже сегодня такое знание ведёт к этому. Я верю, что возрастающее знание даст человеку подлинные идеалы, а в равной степени возрастающая сила юмора поможет ему высмеять ложные»¹¹¹.

Таким образом, во всех проблемных пространствах своего поиска Лоренц использует в сочетании методологические стратегии системного анализа, междисциплинарного подхода, сравнительного анализа. Системный анализ и междисциплинарный подход закладывают основания самой исследовательской перспективы, характерной для всех его работ. Для построения целостного образа человека он использует достижения как естественных, так и гуманитарных наук; рассматривает человека как систему, каждый уровень которой отличается от предыдущего. Антропологические свойства человека, по Лоренцу, есть результат фульгурации – эволюционного скачка, при котором системное качество (познавательная природа человека) является всегда большей, чем сумма предыдущих эволюционных достижений. В ходе анализа поведение человека, формы его социальности и культуры не просто сравниваются с паттернами поведения в животном мире. Они сравниваются потому, что между ними существует преемственность, и сравнение ведется не для определения различия, а ради указания на сходства.

¹¹⁰ Лоренц, К. Агрессия (Так называемое «зло») / К. Лоренц; пер. с нем. Г.Ф. Швейника. – М.: Амфора, 2001. – С. 242.

¹¹¹ Лоренц, К. Агрессия (Так называемое «зло») / К. Лоренц; пер. с нем. Г.Ф. Швейника. – М.: Амфора, 2001. – С. 242.

Три указанных методологических стратегии сохраняются во всех работах Лоренца. С опорой на них строится учение о человеке, культуре и обществе, а также развивается практически ориентированная экологическая философия. К конкретным примерам их реализации мы обратимся в следующей главе.

ГЛАВА II.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТРАТЕГИИ И ПРОБЛЕМАТИКА СРАВНИТЕЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

2.1 Сравнительная антропология как система

Антропологические идеи Лоренца могут быть охарактеризованы как сравнительная антропология – учение о человеке, которое развивается на пересечении предметного поля этологии и философии. Сравнительный характер антропологии указывает на междисциплинарность этой теории, он характеризует все исследования Лоренца, как его исследования познания, так и исследования культуры и общества.

В рамках сравнительной перспективы исследования человека и животных Лоренц развивает системный анализ, причём базируется он на научно ориентированной теории информации и на онтологии Николая Гартмана. Он указывает на сходство между этими двумя теориями и на основании выделения общих свойств этих трактовок приходит к формулированию собственного подхода. Лоренц говорит о том, что всё живое в животном или человеческом мире устроено по системному принципу, однако характер этой системности не однозначен.

Основное понятие, посредством которого Лоренц описывает отличительные уровни системной иерархии, это понятие фульгурации. Это понятие, как отмечает он сам, восходит к средневековой теологии: когда-то философы-теисты употребляли его для обозначения явления божественного, подобного вспышке молнии¹¹². Лоренц трактует его в другом ключе, подобно тому, как оно

¹¹² В исследовательской литературе есть указания на некоторые сходства понятий «фульгурация» и «бифуркация» (См.: Горохов, С.А. Философский анализ этологии Конрада Лоренца: автореф. дис. ...канд. филос. наук: 09.00.08 / С.А. Горохов. – М.: 2003), хотя в том смысле, который придавал фульгурации Лоренц, отождествление не совсем правомерно. Мы не останавливаемся на этом вопросе подробно. См.: Saynisch M. An Approach to Evolutionary, Self-Organizational Principles and the Complexity Theory: Results of the Research Program // Project Management Journal. – 2010. – Vol. 41. – № 2. – P. 21-37.

понимается в физике и других естественных науках, – как возникновение новых системных свойств, и говорит о том, что на каждом из уровней иерархии появляется специфическое новое системное свойство, которое ранее не существовало на низшем уровне даже в зачаточном виде.

Лоренц разъясняет принцип фульгурации и само это понятие, обращаясь к гештальтпсихологии. Исходя из этой традиции, целое, гештальт является новым системным образованием, всегда большим, чем сумма его частей. Это новое свойство и является фульгурацией. Биологические виды и вся биологическая жизнь в природе устроены по принципу системной организации, и отмечается появлением фульгурации на каждом из уровней. Очень часто различные системы, функционирующие независимо друг от друга и несвязанные друг с другом ранее, объединяются и образуют новую систему, которая надстраивается над ранее существовавшими низшими системами. Такое соединение различных многообразных частей в единое приводит, разумеется, к усложнению.

Другое важное следствие нарастания системных свойств по Лоренцу, – это потеря специализации. Каждая система, которая входит в подсистему более высокого уровня, начинает исполнять только ту функцию, которую необходимо выполнять для поддержания целостности, а её собственные функции, которые были раньше системообразующими для низшей системы, постепенно атрофируются. Таким образом, система низшего порядка как бы теряет свою специализацию и своё лицо, поступая на службу системе высшего порядка. Лоренц приводит примеры этого явления в культуре. Объединение людей, в масштабные культуры приводит к тому, что они начинают выполнять только те функции, которые требуется от них как от части общества. Они приобретают особую чёткую специализацию, но перестают быть людьми во всем их многообразии проявлений. Человек становится хорошим инженером или хорошим учёным и развивает в себе только те качества, которые одобряются обществом и которые приводят к увеличению его заработной платы. Когда он не поощряется как уникальный специфический индивид, он постепенно «деградирует». Это проблема специалиста, которая, по мнению Лоренца, в

настоящий момент времени для современной культуры и общества является достаточно актуальной. Это проблема усложнения высокоорганизованной системы и её частей.

В силу того, что высокоорганизованная система предполагает специализацию ее частей, исследование системы высокой организации невозможно только в пределах исследований ее частей. Лоренц указывает на тот факт, что следование системному принципу всегда требует анализа исторического становления системы, т.е. того, как она образовалась. Обычное исследование частей не даёт полной информации о ней. Всякая сложно организованная животная система не может быть сведена к происходящим в ней процессам и её частям.

Следуя Николаю Гартману, Лоренц говорит о том, что при системном анализе всегда остаётся так называемый иррациональный остаток, который не поддаётся рационализации, но который, однако, указывает на важное качество системы. Именно поэтому анализ систем низшего порядка не даёт полной информации о системах высшего порядка. Этот иррациональный остаток даёт информацию о фульгурации, т.е. о принципиально новом системном качестве. Лоренц пишет: «Мы знаем с полной уверенностью, что высшие системы возникли из низших, что они построены из них и до сих пор содержат их в качестве составных частей. Мы знаем также с полной уверенностью, каковы были предыдущие стадии, из которых возникли высшие организмы. Но каждый акт построения представлял собой “Fulguratio”, случившуюся в эволюции как единственное, своеобразное событие, и это событие в каждом случае носило характер случайности или, если угодно, *изобретения*»¹¹³. Таким образом, иррациональный остаток указывает на принципиально новое качество, которое отличает одну систему от другой.

Такой системный подход, который опирается на естественнонаучную традицию, Лоренц сравнивает с онтологическим подходом Николая Гартмана.

¹¹³ Лоренц, К. Обратная сторона зеркала. / К.Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – С. 276.

Это сравнение даёт ему возможность наметить собственную стратегию. Он видит в Гартмане единомышленника и говорит о том, что в противоположность общепринятому в философии и философской антропологии мнению о том, что познание является принципиально новым качеством человека, теория Гартмана даёт возможность рассматривать познание как качество, которое появляется в ходе эволюции, а специфические качества человека – как те, что возникают в результате фульгурации.

Разумеется, Лоренц весьма творчески подходит к онтологии Гартмана и часто приписывает ему те выводы, которые сам Гартман не делал, но это творческое продолжение Гартмановой антропологии даёт возможность Лоренцу выработать собственный подход на основании синтеза двух ранее существующих: естественнонаучного и философского. Он рассматривает теорию Гартмана о слоях реального бытия и говорит о том, что исходя из воззрений Гартмана, всё, что существует, существует в рамках слоёв, каждый из которых отличается от других.

Эти слои связаны друг с другом, а связи всегда направлены в одну сторону: от низшего к высшему. Гартман выделяет четыре слоя: неорганический, органический, психический и духовный. Каждый высший слой надстраивается над низшим, но обладает и принципиально другим качеством. Анализируя эти идеи Гартмана, Лоренц делает важный для себя вывод: «Перемещаясь от слоя к слою через разделяющие их границы, мы каждый раз обнаруживаем одно и то же отношение основанности на “низшем”, обусловленности этим “низшим” и в то же время самостоятельности высшего в его своеобразии и собственной закономерности»¹¹⁴.

Мир, по мнению Лоренца, обладает единством системы, состоящей из слоёв. Это слоистое строение описывает не только Гартман, что позволяет Лоренцу увериться в своих выводах. Он заимствует учение Гартмана о слоях и границах и говорит о том, что каждая граница иерархического уровня приводит к

¹¹⁴ Лоренц, К. Обратная сторона зеркала. / К.Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – С. 277.

принципиально иному переходу, который можно описать термином «фульгурация». Тогда каждый из уровней описанный Гартманом будет иметь свою специфическую фульгурацию. Духовная жизнь оказывается таким же уровнем.

Лоренц очередной раз подчёркивает, что свойство высокоорганизованной системы невозможно вывести из свойств низшей системы, которая её образует. Очень часто, по его мнению, эту ошибку делают психологи и философы. Они приписывают низшим уровням организации те свойства, которые появляются только на высших уровнях, и строят эволюцию этих свойств. М.Л. Бутовская отмечает: «Следует четко понимать, что закономерности функционирования поведения на более сложном социальном уровне несводимы к сумме проявлений поведения на более низком уровне организации»¹¹⁵. Такой причинный анализ, по убеждению Лоренца, построен на ложной посылке и не учитывает того, что каждый переход сопровождается фульгурацией. Лоренц подчёркивает: «...Разным слоям реального бытия соответствуют весьма различные категориальные свойства, зависящие от различных уровней интеграции системы»¹¹⁶.

Эту ошибку делает, на его взгляд, философская антропология, ведущая дискуссии о том, различается ли человек от животного принципиально, или только определённой степенью развития. Лоренц открыто противостоит этому подходу, подчёркивая: «Они не знают или не понимают, что *любое* вновь возникающее системное свойство, подобно колебательному характеру тока..., безусловно, означает не “постепенное”, а принципиальное изменение»¹¹⁷.

Антропологи, кроме того, склонны объединять всех животных в абстрактное понятие животного мира, противопоставляя этому миру человека, без конкретизации того, какой конкретно уровень иерархии животного мира они имеют в виду. Лоренц говорит о том, что учитывая сложность строения и

¹¹⁵ Бутовская, М.Л. Этология человека: история возникновения и современные проблемы исследования / М.Л. Бутовская. Этологии человека на пороге XI века. – Москва: Старый Сад, 1999. – С. 22.

¹¹⁶ Лоренц, К. Обратная сторона зеркала. / К.Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – С. 280.

¹¹⁷ Там же. – С. 281.

длительную эволюцию, нужно осознавать тот факт, что животный мир представляет собой сложную иерархию, уровни которой отличаются друг от друга принципиальным образом.

Лоренц предлагает свою трактовку природы человека, рассматривая духовную сферу человека как свойства фульгурации – качество, которое отличает человека от предшествующих ему животных. Свой подход он базирует на критике двух противоположных подходов, которые имеются в современной ему науке.

Первый из этих подходов, редуционистский, свойственен естественным наукам. Он строится на положении о непрерывности эволюционного процесса и постепенных переходах между различными ступенями эволюции. Этот подход, как отмечает Лоренц, характерен для современной биологии и эволюционной эпистемологии. Человек в этом случае рассматривается как закономерное продолжение эволюции животного мира, которое отличается от предыдущей ступени эволюции какими-то качественными характеристиками, к примеру: более интенсивным развитием головного мозга. Этот подход, по мнению Лоренца, как раз не учитывает той фульгурации, которая отличает человека от животных.

Второй подход развивается в рамках философской антропологии и культурно-исторических и онтологических исследований. Мишенью критики здесь оказывается для Лоренца немецкая философская антропология Х. Плеснера. Этот подход, в противоположность первому, постулирует кардинальный переход от животного мира к человеку и противопоставляет человека животному. В рамках философской антропологии человек считается существом, которое создаёт свой мир и которое ушло от животного на столь далёкое расстояние, что практически не может быть с ним сопоставлено. Этот подход не учитывает процесс сопоставления, – по мнению Лоренца, один из основных процессов животного мира.

Ни один из подходов, на взгляд Лоренца, не является верным. Между человеком и животными действительно лежит пропасть, но понять эту пропасть можно лишь обратившись к иррациональному остатку, то есть к эволюционному развитию человека.

Следуя Максу Гартману, Лоренц говорит о том, что понимание пропасти между человеком и животным подобно пониманию той пропасти, которая отделяет неорганический мир от органического, но её характер намного сложнее. Лоренц подчёркивает: «Разрыв между физиологическими явлениями и переживанием не проходит через природу горизонтально, он не отделяет высшее от низшего, более сложное от более простого. Напротив, он проходит через наше существо в некотором смысле вертикально; есть очень простые нервные процессы, сопровождаемые самыми интенсивными переживаниями, и очень сложные, аналогичные рациональным операциям, но происходящие при этом “без всяких переживаний”, более того, совершенно недоступные нашему самонаблюдению»¹¹⁸.

Таким образом, Лоренц включает эту пропасть, этот зазор между человеком и животным, между физиологическими явлениями и психическими качествами внутрь человеческой природы и рассматривает его как кардинальное свойство человека. Этот зазор между неорганическим и органическим бытием невозможно восполнить каким-то континуумом промежуточных форм, он характерен для человека, для реального мира, и обусловлен, по убеждению Лоренца, нашими принципиальными невозможностями познать всё. Он указывает, что «...великий разрыв между объективно-физиологическим и субъективно переживаемым имеет совсем иной характер, поскольку он обусловлен отнюдь не одним только пробелом в наших знаниях, но априорной, заложенной в структуре нашего познавательного аппарата принципиальной невозможностью знать»¹¹⁹.

Для человека как вида характерно принципиальное разделение душевного и телесного. Для Лоренца это разделение имеет принципиально иную природу, чем те разделения, которые до человека наблюдались в истории природного мира: в частности, между неживым и живым, между человеком и животным. Если предыдущие переходы доступны методам естествознания, то переход между телом и душой не может быть исследован в рамках его подходов.

¹¹⁸ Лоренц, К. Обратная сторона зеркала. / К.Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – С. 394 .

¹¹⁹ Там же. – С. 394.

Лоренц подчёркивает, что нужно осознавать тот факт, что переход между высшими животными и человеком произошёл благодаря принципиально новой фульгурации, которая создала новый когнитивный аппарат. Ключевым словом в этой трактовке является слово «информация», или «знание». У человека передача информации осуществляется не только путём генетического материала, как это происходит в мире животных посредством ДНК, но и путём фиксации традиции. Хотя эти механизмы и аналогичны, они имеют различное значение.

В животном мире передача информации осуществлялась путём фиксации наследственных процессов, которые были зависимы от самого животного. В своём генетическом аппарате оно несло эту информацию. У человека впервые возникает независимая от него передача информации. Традиция знания, культурная традиция передаётся посредством фиксации в письменных источниках.

В человеческом мире информация может быть записана не внутри, а вовне человека, и основным пространством функционирования человека является пространство обмена понятийным мышлением, обмена информацией. Это пространство задаёт жизнь человека, которую Лоренц определяет как духовную жизнь. Он описывает её как принципиально новый вид жизни, как фульгурацию, которая характеризует человека. Понятийная фиксация информации в культуре – это наследование знания и его сохранение, однако выход этой фиксации за пределы человека указывает на возможность функционирования его мышления за пределами его мозга. Таким образом, подчёркивает Лоренц, понятийная и духовная жизнь человека становится индивидуальным явлением, не зависящим от индивида.

Разумеется, Лоренц связывает это явление с языком, с возможностью его воспроизведения и записи. Он подчёркивает огромное значение сверхиндивидуальности духовной понятийной жизни человека для дальнейшего развития человечества. Эта возможность сформировала предпосылки для формирования человеческой культуры, для функционирования информации надиндивидуально и соответственно для формирования обобщённого

усреднённого общего мнения, для формирования общества, общепринятых культурных норм. Это надындивидуальное явление и характеризует духовную жизнь, реализацию духовной жизни, ее функционирование за рамками индивида, которую Лоренц и описывает как культуру. Он даёт следующее её определение: «Индивидуальное, конкретное осуществление такой сверхличной системы мы называем *культурой*»¹²⁰.

Культура, так же как и все другие системы в истории животного мира, обладает различными системными качествами. Лоренц говорит о том, что она несёт все прежние свойства, которыми обладали системы низшего порядка, в частности, цикл положительной обратной связи, обеспечивающий получение информации и энергии, и функционирует так же, как и животная система, на основании этой связи. Формирование культуры и функционирования духовного становится возможным, по мнению Лоренца, посредством определённых «помощников памяти», тех носителей, которые теперь фиксируют информацию.

Выделяя это качество у человечества, Лоренц противопоставляет свою концепцию теории А. Гелена. На его взгляд, Гелен прав в том, что человек является неприспособленным существом, однако человек обладает уникальным органом, который как нельзя кстати приспособлен к его специфической ситуации, этот орган, по мнению Лоренца, головной мозг. Головной мозг приспособлен к сохранению информации, её передачи и к формированию человеческой традиции. Под влиянием селекционного давления, эволюционного развития у человека формируются большие полушария, которые способствуют выполнению его центральной функции – осуществлению духовной жизни.

Мозг настолько разнообразно устроен, что способствует сохранению не только той информации, которую человек узнаёт, но и сохраняет то знание, которое содержится в культуре неосознаваемо. Духовная культура в человеке, таким образом, становится информацией. Это очень важное положение, которое, по мнению Лоренца, необходимо осознать для того, чтобы адекватно исследовать

¹²⁰ Лоренц, К. Обратная сторона зеркала. / К.Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – С. 397.

человеческую природу. Объективное исследование человека должно учитывать тот факт, что основное системное качество человека как вида – это обладание информацией и ее сохранение. Духовная жизнь человека, которая отличает его от животных, построена на информации, головной мозг является органом этой духовной жизни, а культура – процессом его динамического развёртывания.

Человек всегда погружён внутрь этого качества и, по сути, не может выбраться из него. Когда человек исследует свои системные и природные качества, он смотрит на них изнутри самого себя, он смотрит на духовную жизнь изнутри информации и знания. Это основное препятствие, которое мешает, по мнению Лоренца, человеку исследовать себя объективно.

Лоренц называет познание основной фульгурацией, отличающей человека от животного. Однако, исходя из его системного подхода, эта фульгурация, хотя и обособлена от других качеств человека, но одновременно формируется на основании определённых предпосылок, имеющих уже в животном мире. Эти предпосылки Лоренц называет корнями понятийного мышления. Таким образом, он говорит о том, что понятийное мышление, хотя и представляет собой принципиальный скачок, отличающий человека от животного, но всё-таки имеет определённые зачатки, которые мы можем найти в животном мире.

Лоренц последовательно рассматривает различные предпосылки понятийного мышления и на примере каждой из них разъясняет в сравнительной перспективе отличия человека от животных. «Особой фульгурацией, – разъясняет С.А. Горохов, – Лоренц считал возникновение понятийного мышления. Данный скачок по его значимости этолог сравнивал с возникновением жизни, а это свидетельствует о том, что он отнюдь не отождествлял познавательную деятельность человека и животных»¹²¹.

Можно сказать, что, таким образом, он подробно анализирует сам феномен понятийного мышления как фульгурации: он находит его предпосылки и одновременно обосновывает новизну этого феномена для эволюции. В качестве

¹²¹ Горохов, С.А. Философский анализ этологии Конрада Лоренца: автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.08 / С.А. Горохов. – М., 2003. – 14 с.

предпосылок мышления как фульгурации он называет, в частности, абстрагирование, характерное для восприятия человека; понимание и понимающее познание; пространственную ориентацию; способность к длительному обучению; устойчивое любознательное поведение, на основании которого формируется способность к самоисследованию; подражание и способность передавать приобретённые навыки по традиции.

Обращаясь подробно к этим предпосылкам Лоренц, говорит о важном значении для формирования понятийного мышления абстрагирующей функции восприятия. В совокупности с другими функциями она привела к очеловечиванию поведенческих стереотипов к формированию базы понятийного мышления. Лоренц подчёркивает, что те стимулы, которые мы получаем в обычной жизни, с которыми мы сталкиваемся, как живые организмы никогда не носят интегративный характер. Все стимулы, которые воздействуют на наши органы чувств – частные: они затрагивают отдельные анализаторы и дают нам только частичную информацию.

Для человека же характерно формирование опыта, что и отличает его от животных. Лоренц подчёркивает: «Сообщения, поступающие в нашу центральную нервную систему от внесубъективной действительности через наши органы чувств, никогда не достигают или только в исключительных случаях достигают уровня нашего переживания в их первоначальной форме как данные нашего ощущения, независимо принятые отдельными рецепторами»¹²².

Для человека характерна синтетическая деятельность восприятия, которая способствует объединению различных стимулов в комплексы, что, в свою очередь, закладывает основания абстрагирования. Если животное реагирует на отдельные сигналы и стимулы, то человек одновременно с непосредственной реакцией на них может оформлять их в единый образ.

На основании абстрагирующей способности восприятия и понимания развивается пространственное мышление человека. Способность

¹²² Лоренц, К. Обратная сторона зеркала. / К.Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – С. 345.

абстрагироваться для Лоренца – это практически то же самое, что и способность мыслить пространственно. Непосредственное отображение реальности, как он подчёркивает, препятствует пространственному восприятию, потому что не позволяет отображать расстояния между предметами, глубину и высоту.

Отображение фиксирует сигналы, но не позволяет соотносить их между собой, выстраивая систему координат. Таким образом, у человека появляется не только мир данностей, но и мир возможностей, способность выделять фигуру и фон. В этом утверждении Лоренц следует за выводами гештальт-психологов и указывает на то, что абстрагирующая деятельность мышления, пространственное мышление характерны уже для самых маленьких детей. Такие специфические для человека функции восприятия «...были развиты ради постоянства восприятия предметов; выработавшее их селекционное давление было вызвано необходимостью надёжно узнавать определенные предметы окружающего мира. Но те же физиологические механизмы, которые доставляют нам эту возможность, поразительным образом способны также выделять, *абстрагировать* постоянные свойства, отличающие не только *одну* вещь, но и определенный *род* вещей. Они способны отвлекаться от свойств, не обладающих родовым постоянством, а присущих лишь отдельным индивидам [...] это качество непосредственно воспринимается затем как качество рода»¹²³.

Эту особенность восприятия Лоренц называет формированием гештальта, и указывает на то, что она имеет специфические механизмы, отличные от таковых в животном мире. Формирование пространственного мышления связано не только с абстрагирующей деятельностью восприятия, но и с необходимостью человека приспосабливаться к разнообразным условиям окружающей среды.

Обращаясь к животному миру, в частности, к особенностям приспособления некоторых «свободно плавающих» видов, Лоренц выводит следующую закономерность: способность к пространственному восприятию тесным образом связана с окружающей вид средой. Пространственное восприятие меньше всего

¹²³ Лоренц, К. Обратная сторона зеркала. / К.Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – С. 348.

развито у тех видов, которые живут в однородной среде, одинаковой во всех направлениях, например, в открытом море. Он говорит о том, что самыми глупыми видами животных в мире является медузы, которым не нужно развивать сложные навыки приспособления. Продолжая эту мысль, можно сказать, что среда даёт человеку огромный материал для развития пространственного мышления. Человек не просто пассивно приспосабливается к ней, он активно двигается и, таким образом способен включаться в совершенно разнообразную среду, которая требует развития пространственного мышления.

Первоначально, на взгляд Лоренца, мышление начинает развиваться как пространственно ориентированное, а конкретнее, представляет собой действие не в актуальном, а в воображаемом пространстве, и в такой его трактовке оно характерно лишь для высокоразвитых видов, в частности, для человекообразных обезьян. Только человек может совершать действия в воображаемом пространстве, предсказывать результат каждого из действий и выстраивать их последовательность. «Я не вижу, – указывает Лоренц, – как может быть мышление чем-то принципиально иным, чем такое пробное, совершающееся лишь в мозгу действие в воображаемом пространстве. Я утверждаю, по меньшей мере, что процессы этого рода содержатся также в наивысших операциях нашего мышления и составляют их основу»¹²⁴.

Высокоразвитое пространственное мышление закладывает основание разумного и понимающего поведения, а понимающее поведение способствует поисковой активности человека. Понимающим Лоренц называет такое поведение, что позволяет виду действовать в условиях, которые ему полностью незнакомы. Лоренц говорит о том, что, в отличие от других животных видов, люди отличаются интенсивно развитым понимающим поведением, т.е. они могут ориентироваться в ситуации с многочисленными возможностями, а не только с имеющимися условиями. Таким образом, человек познаёт окружающий мир,

¹²⁴ Лоренц, К. Обратная сторона зеркала. / К.Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – С. 358.

живёт в нём не только как в совокупности сигналов, но и как в огромном многообразии условий, которые он понимает интуитивно.

Отношение человека с миром, по мнению Лоренца, более свободно: он интуитивно реагирует на стимулы мира, он выдаёт реакции даже на те события, с которыми он раньше не сталкивался. В силу развития способности к обобщению он может прогнозировать свои действия, может предполагать следствия своих поступков и ориентироваться в ситуации с высокой степенью неопределённости. Е.И. Салов и С.Е Салова подчеркивают доминирующую роль мышления и разума в оценке Лоренцем эволюционного скачка человека: именно он обратил внимание «на реальную опасность, которую несет независимость науки как рационального начала в человеческой эволюции...»¹²⁵.

Понимающее поведение закладывает основания способности человека к обучению, которая, в свою очередь, способствует его возвышению над животным миром и закладывает основание развитию человеческой личности. В отличие от животных, человек преодолевает чётко сформированные инстинкты и мыслительные привычки, и в своём познании и деятельности продвигается наощупь, свободно выдавая реакции и связывая их друг с другом. Этой способности к обучению также способствует и любознательное поведение. И здесь Лоренц указывает на одну отличительную особенность человека от животного, особенность, которую он постоянно вспоминает при исследовании культуры и современного общества: человек в отличие от животных, демонстрирует игровое любознательное поведение на протяжении всей жизни. Если у животных это поведение наблюдается лишь в раннем возрасте, то человек может играть и познавать, может чем-то интересоваться на протяжении всей жизни.

Эта особенность имеет эволюционное значение и способствует развитию головного мозга человека и формированию предпосылок разумного познания. Как отмечает В.Д. Губин: «Игра требует беззаботности, а это скорее, на первый

¹²⁵ Салов, Е.И., Салова, С.Е. Коэволюция науки и нравственности – новая парадигма культуры / Е.И Салов // Философия и общество. – 2006. – № 1. – С. 134.

взгляд, не человеческое состояние, она – скорее удел животных. Но животные, строго говоря, не бывают ни беззаботными, ни озабоченными, так же как и не бывают свободными или занятыми. Но очень часто, если не всегда, игра воспринимается играющими – будь то шахматисты или футболисты, будь то болельщики либо замороженные хитросплетениями игры дети, – очень серьезно»¹²⁶.

В своих выводах и наблюдениях Лоренц идёт вслед за А. Геленом. Он говорит о том, что любознательность способствует тому, что предмет становится хорошо знакомым и включается в непосредственное пространство человека. Постоянную способность к игре и обучению Лоренц вслед за Геленом связывает с тем, что биолог Больк называет ретардацией, т.е. замедленным развитием человека в юности и одновременной задержкой на юношеской стадии (неотенией). Эти особенности, по мнению Лоренца «...являются предпосылкой того, что у человека, в отличие от большинства животных, любознательное поведение с возрастом не исчезает, а определяющая его сущность открытость по отношению к миру сохраняется в нем, пока глубокая старость не положит ей предел»¹²⁷. Такое наблюдающееся во всей жизни поведение и закладывает фундамент основной для человека особенности – способности к самоисследованию.

Самоисследование и любознательное поведение становятся видосохраняющими функциями для человеческого вида, и, по мнению Лоренца, эти функции тесным образом связаны с познанием человеком своего тела. Обращаясь к теории эволюции, он указывает на тот факт, что, в отличие от других видов, человек может видеть своё тело. Такая особенность присутствует лишь у человекообразных обезьян, которые могут видеть руку одновременно с предметом, который она держит. Её нет у других видов, и это постоянное наблюдение своего тела, своих рук, оперирующих орудиями труда, подвигает человека в эволюции к осознанию себя и своего «я». Человек может более точно

¹²⁶ Губин, В.Д. Философская антропология / В.Д. Губин. Москва: Университетская книга, 2000. – С. 188.

¹²⁷ Лоренц, К. Обратная сторона зеркала. / К.Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – С. 377.

выстраивать своё поведение, более точно оперировать с предметами, потому что постоянно получает информацию о положении своих конечностей, чего не могут делать другие животные.

У этой особенности есть ещё одно следствие: тело, руки или ноги человека могут стать для него предметом исследования, потому что он видит их точно так же, как видит предметы окружающего мира. Так человек начинает постигать «вещественную природу своего тела». Лоренц указывает: «С постижением вещественной природы собственного тела и его действующих органов неизбежно возникает новое, более глубокое понимание взаимодействий, происходящих между организмом и предметами его окружения. Постигание собственного тела в его предметном постоянстве делает его *сравнимым со* всеми другими вещами окружающего мира и тем самым *мерой* этих вещей»¹²⁸.

Постигание тела является для Лоренца необходимой предпосылкой понятийного мышления. Хватающая рука и предмет, который она держит, становятся для человека вещами реального мира, при сопоставлении их он образует понятия, которые формируют понятийное мышление. Однако способность к восприятию ещё не означает способности к сохранению информации, поэтому, наравне с предпосылками, которые закладывают основание одномоментного восприятия и мышления, для Лоренца важное значение имеют те предпосылки, которые выступают основанием сохранения мышления и формирования пространства информации. В качестве таковых он выделяет подражание и традицию.

В отличие от животных, человек умеет очень точно подражать другим людям. Лоренц отмечает, что такая способность к чёткому подражанию имеется только у певчих птиц, ни у кого другого в животном мире её нет. Она наблюдается уже с детства: маленькие дети могут очень точно повторять поведение взрослых людей. Точность подражания способствует тому, что человек получает точную информацию о привычках и поведении его вида и начинает

¹²⁸ Лоренц, К. Обратная сторона зеркала. / К.Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – С. 379.

оперировать инстинктами как информацией, впоследствии сохраняя её путём традиции. У животных инстинктивные действия и привычки передаются только в присутствии предмета, к которому относятся. Например, птицы боятся кошек только тогда, когда кошки проживают на той же территории, что и они, и в стае птиц эта боязнь может сохраниться до того момента, пока кошки не исчезнут с этой территории.

Люди формируют способность к познанию и передаче мыслительных операций в отсутствие предмета, которого они касаются, т.е. даже если кошки или какие-то хищники, которых люди боятся, будут отсутствовать в поле их непосредственного восприятия, эта информация, являясь абстрактной, будет передаваться из поколения в поколение. Традиция человека связана не с непосредственным отображением окружающего мира, а с отсроченной передачей информации и культурой.

Все перечисленные предпосылки, как подчёркивает Лоренц, не являются исключительными особенностями человека, но в каждой из них человек принципиальным образом отличается от животных. Без этих условий невозможно формирование отличительной функции человека: способности к понятийному мышлению. Обобщая значение, которое все эти условия имеют для мышления, Лоренц отмечает: «Каждая из них имеет свои особые назначения, к которым приспособлены ее первоначальные функциональные свойства. Тем удивительнее их интеграция в высшее системное целое; это целое отделено от всех прежде существовавших живых систем “разрывом”, едва ли меньшим, чем другой “разрыв”, отделяющий жизнь от неорганического вещества»¹²⁹. Перечисленные условия в комплексе образуют важнейшую для человека фульгурацию: способность к познанию и духовную жизнь.

Духовная жизнь человека откладывает отпечаток на все сферы его функционирования: как на его поведение по отношению к другим людям, так и на его статус в социальной группе и его место в культуре, а так же на понимание им

¹²⁹ Лоренц, К. Обратная сторона зеркала. / К.Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – С. 392.

своей современной ситуации. В силу того, что у человека есть духовная жизнь, его нельзя рассматривать как один из видов животных. Лоренц предлагает всегда учитывать эту важную фульгурацию, и, хотя развивая свой сравнительный подход, всегда сравнивает людей с представителями животного царства, но прекрасно осознаёт тот факт, что человек имеет свои собственные системные особенности, которые не наследуются им от животных. Изучение этих особенностей как раз и отличает сравнительную этологию Лоренца от обычной этологии, даже от этологии человека. Его интересует не только и не столько родство человека с животным, сколько его отличительная черта – духовная жизнь.

Таким образом, исследуя природу человека, Лоренц опирается на стратегию системного анализа. Он описывает человека как систему хранения информации, передачу информации от человека к человеку он характеризует как основание духовной жизни. Следуя междисциплинарному подходу, он оценивает духовную жизнь как эволюционное достижение, скачок, фульгурацию, которая одновременно не может быть понята в рамках предыдущего уровня биологической системы.

2.2. Агрессивность в животном и социальном мире

Несмотря на то, что Лоренц определяет человека как принципиально отличающееся от других животных существо, и очерчивает это отличие как существование духовной жизни, он продолжает сравнивать человека с животным и основное пространство сравнения – это инстинктивная жизнь человека. Наполняет эту инстинктивную жизнь агрессивный инстинкт. Агрессия – это один из основных объектов исследования Лоренца, причём в рамках этих исследований человек не рассматривается как какой-то особый вид, а включается в ряд других видов животных. Если в исследованиях познания Лоренц отделяет человека от природного царства, то в исследованиях агрессии, напротив, тесно связывает его с животными.

Лоренц рассматривает проблему агрессивности в рамках традиционной для себя сравнительной перспективы¹³⁰. Он говорит о том, что сравнение животных инстинктов с человеческим поведением позволяет нам уяснить значение агрессии для человеческого общества и, более того, наметить пути преодоления нарастания агрессивности. Он подчёркивает тот факт, что сравнительное исследование агрессивности до сих пор остаётся за пределами гуманитарных наук, поскольку этому мешает три специфических фактора.

На взгляд Лоренца, синтетический подход к человеку позволяет выявить его интегральную природу: в основе человеческого поведения лежит агрессия. Изначально человек является биологически слабым существом. Его агрессивный инстинкт не велик, поэтому у него нет никаких приспособлений для торможения. Однако технический прогресс и постоянно развивающийся человеческий разум способствовали изобретению оружия, которое во много раз усилило человеческую силу.

Это событие стало важным в человеческой истории. Лоренц отмечает: «Когда же изобретение искусственного оружия внезапно открыло новые возможности убийства, то прежнее равновесие между сравнительно слабыми запретами агрессии и такими же слабыми возможностями убийства оказалось в корне нарушено»¹³¹. По причине усиления агрессии, человек больше не может справляться со своими инстинктами, ведь его инстинктивная мораль слаба. Понимание этого факта возможно только благодаря обращению к этологии и способствует осознанию критичности ситуации, а также выработке путей борьбы с гипертрофией агрессии у человека.

¹³⁰ Контекстуальный анализ теории агрессии Лоренца и традиции исследования этого феномена см.: Агапов, П.В. Агрессия: историко-теоретические традиции / П.В. Агапов // Социология. – 2008. – №1. С. 74–83; Агапов, П.В. Социальная агрессия: традиции исследования проблемы (от К. Лоренца к Э. Фромму) / П.В. Агапов // Личность. Культура. Общество. – 2008. - № 5-6 (44-45). – С. 418–425; Агапов, П.В. Философская традиция социокультурного психоанализа исследования агрессии человека / П.В. Агапов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2013. № 1. – С. 62–68, а также: Хекхаузен, Х. Из истории психологических исследований агрессии / Х. Хекхаузен // Мотивация и деятельность. – Москва: 1986. – Т. 1. – С. 365–405.

¹³¹ Лоренц, К. Агрессия (Так называемое «зло») / К. Лоренц; пер. с нем. Г.Ф. Швейника. – М.: Амфора, 2001. – С. 220.

Человек демонстрирует по отношению к животному миру слишком сильную эмоциональную реакцию. Смотря на животных, он стремится всячески отгородить себя от них и представить себя как принципиально другой вид. Эта излишняя эмоциональная реакция мешает ему понять связь с животными и принять наследование их реакций в человеческом обществе. Н.Н. Марфенин отмечает: «Лоренц был убежден, что агрессивное побуждение, как и другие инстинкты, спонтанно генерируется в человеке и постоянно ищет выражения. Эта гипотеза была подтверждена в нейробиологических и психиатрических исследованиях. Выдающиеся психиатры отмечали зависимость болезненной жестокости от подавления в человеке природных инстинктов. Чем культурнее общество, тем больше оно вводит ограничений для непосредственного выражения эмоций и намерений»¹³².

Кроме эмоциональной реакции человек всячески не желает признать то, что его жизнь, его поступки и способности подчинены естественным законам. Лоренц подчёркивает, что для человека естественная причинность и ценностная значимость разделены непреодолимой преградой. И всё, что человек считает ценностнозначимым, он желает вывести из-под воздействия естественной причинности. В частности, он стремится подчинить свою жизнь ценностям, целям, которые имеют духовную природу, и считает, что эта духовная природа исключает естественную природу. Эти две преграды возникают под влиянием третьей преграды: излишнего акцентирования наследия идеалистической философии. Гуманитарные науки в своём понимании человека опираются на немецкую идеалистическую традицию, которая чётко разводит человека и животных и закрепляет за человеком ценностную и этическую природу, отделяя его от мира естественной необходимости.

Лоренц призывает преодолеть все эти преграды и говорит о том, что только принятие факта естественной причинности по отношению к эмоциональной жизни человека способствует разумному и адекватному исследованию

¹³² Марфенин, Н.Н. Экология и этика / Н.Н. Марфенин // Россия в окружающем мире (аналитический ежегодник). Москва: МНЭПУ, АВАНТ, 2008. – № 11. – С. 168.

агрессивности и её современных проявлений. Он подчёркивает, что те успехи, которых мы добились в медицине и биологии, лишь указывают на то, что большие результаты в различных науках были получены при эмоционально нейтральном отношении, поэтому излишняя эмоциональность трактовки в сравнении между животным и человеком препятствует адекватному исследованию современного положения человека. Лоренц подчёркивает, что «существует... простое средство примирить людей с тем, что они сами – часть природы и возникли без нарушения ее законов в ходе естественного становления: нужно лишь показать им, как велика и прекрасна вселенная и насколько достойны благоговения царящие в ней законы»¹³³.

Духовная жизнь человека, его ценностный этический мир является результатом флуктуации – скачка, совершённого им над естественной необходимостью, но это не означает, что естественная необходимость не имеет значения в человеческом мире.

Человеку свойственно придавать своим достижениям значение высших ценностей, он склонен наделять некоторые явления смыслом прекрасных феноменов человеческой культуры. Однако, по Лоренцу, нет ничего прекраснее законов естественной эволюции, и он всячески акцентирует, что эволюция является непредсказуемым и самостоятельным процессом, результатами которого можно только восхищаться. Уникальность человека – это следствие уникальности эволюции, её великолепия и мощи её силы. Лоренц отмечает: «...кто по-настоящему знает животных, в том числе высших и наиболее родственных нам, и имеет некоторое представление об истории развития животного мира, только тот может по достоинству оценить уникальность человека. Мы – самое высшее достижение Великих Конструкторов эволюции на Земле, какого им удалось добиться до сих пор; мы их “последний крик”, но, разумеется, не последнее слово»¹³⁴.

¹³³ Лоренц, К. Агрессия (Так называемое «зло») / К. Лоренц; пер. с нем. Г.Ф. Швейника. – М.: Амфора, 2001. – С. 209.

¹³⁴ Там же. – С. 212.

Одновременно с осознанием этого факта великолепия эволюции и статуса человека как вершины её творения, необходимо, по мнению Лоренца, постоянно осознавать и факт родства человека со своими животными предками. Мы должны помнить, что мы великолепный результат эволюции, но одновременно, что мы родственники «самых обыкновенных обезьян».

Таким образом, целевое направление к изучению жизненных процессов не только не исключает естественнонаучного, но вообще имеют смысл лишь вместе с ним. Как замечает Лоренц: «Если бы человек не стремился к целям, то не имел бы смысла его вопрос о причинах; если он не имеет понятия о причинных взаимосвязях, он бессилён направить события к цели, как бы хорошо он её ни представлял»¹³⁵.

Уход человека от причинного объяснения собственного поведения и эмоциональных реакций связан, по мнению Лоренца, и с тем, что он всячески боится ограничения своей собственной свободы воли. Он считает, что причинный подход может уничтожить эту свободу и поставить её на службу чётко определённых феноменов. Лоренц же, напротив, подчеркивает, что последовательное исследование причин нашего поведения только способствует утверждению нашей свободы и приводит к пониманию того, что человек чего-то жаждет, желает в силу определённых причин и именно в силу этих причин осуществляет поведение, которое направлено на достижение его целей.

Разумеется, свобода человека отождествляется с нравственными законами человеческого общества, но даже такое отождествление, по мнению Лоренца, не должно ограничивать для исследователей изучение причин человеческого поведения. Акцентирование причин должно вести человека к представлению о сверхъестественном и сделать естественное и природное единственным пространством научного поиска. Такой естественный подход Лоренц предлагает использовать по отношению к человеческой агрессивности.

¹³⁵ Лоренц, К. Агрессия (Так называемое «зло») / К. Лоренц; пер. с нем. Г.Ф. Швейника. – М.: Амфора, 2001.– С. 213.

Агрессия – это та тема, которой посвящено немало работ Лоренца, и которая и сделала его популярным. Традиционно имя Лоренца связано с учением об агрессивности в работе «Так называемое зло» к естественной теории агрессии. Эта работа вспоминается первой, когда говорят о Лоренце. В ней он рассматривает агрессию в животном мире, и большинство страниц этой книги посвящено конкретным примерам взаимодействия животных в различной сфере их жизнедеятельности, в различных условиях, в самых разных ареалах обитания. Для Лоренца агрессия – это инстинкт борьбы, *«направленный против собратьев по виду»*¹³⁶.

Первоначальный посыл теории агрессии – сравнение тех данных, которые получаются в этологии и физиологии, с теми выводами, которые делают некоторые современные Лоренцу междисциплинарные направления. Одним из таких для него является психоанализ. Он обращается к психоанализу как к одновременно гуманитарной и естественной теории, которая предлагает свой собственный взгляд на феномен агрессивности, и говорит о том, что некоторые выводы Фрейда вполне согласуются с последними выводами сравнительной этологии. Этот феномен совпадения подталкивает Лоренца к изучению проявления агрессивности в естественном мире.

Агрессия в животном мире для него – это мостик, посредством которого человек может прийти к пониманию своей собственной агрессивности. Е.А. Гороховская совершенно верно описывает основной замысел книги: «Хотя большая часть книги рассказывает о животных и только последние главы посвящены человеку, именно человек – по сути, главный герой повествования»¹³⁷. Прояснение основания агрессивности в природной среде, по мнению Лоренца, должно помочь пониманию человеком своей инстинктивной природы и тех закономерностей функционирования агрессивности, которой не только связывают человека с животными, но и отличают его от них.

¹³⁶ Лоренц, К. Агрессия (Так называемое «зло») / К. Лоренц; пер. с нем. Г.Ф. Швейника. – М.: Амфора, 2001. – С. 62.

¹³⁷ Гороховская, Е.А. Гусиный отец / Е.А. Гороховская // Природа. – 2004. № 3. – С. 66.

Лоренц рассматривает агрессию как один из элементов системы «животное-природа», она оказывается не просто каким-то эмоциональным инстинктивным качеством, которое демонстрирует животное, но механизмом, который позволяет другим животным понять, что данная территория является чей-то собственностью, или что их враг превосходит их по своей силе. «Все животные, - отмечает Лоренц, - имеют оружие в своем теле, поэтому инстинкт животных накладывает ограничение на его применение (особенно во время сезона размножения). Лишь для одного вида животного – человека – оружие не является частью организма. Поэтому человеческое оружие превратилось в чудовищную смертоносную силу. Агрессивность человека особенно ярко проявляется в инстинкте территориальности, борьбе за свою территорию»¹³⁸.

При этом агрессия – не просто знак в животном мире. Для Лоренца она – центральный механизм поведения животных. Можно сказать, что внимание к агрессии, по его глубокому убеждению, лежит в основе понимания сложного комплекса инстинктивного поведения животных различных видов в их взаимосвязи со средой.

Агрессия, таким образом, является системообразующим элементом в этологической концепции Лоренца. Он выстраивает достаточно четкую линию сравнения животной агрессивности с агрессией человека. «Существование врожденных моделей человеческих взаимоотношений является во многом спорной, но достаточно распространенной идеей в психологии. В одном случае на первый план выдвигается идея биологической обусловленности межгрупповой агрессии, как в концепции “внутривидовой агрессии” К.Лоренца»¹³⁹, замечает Н.А. Белоус.

Сначала Лоренц обращается к личным формам агрессивного поведения и предпринимает своеобразное полевое исследование агрессии в природных условиях, на различных примерах и у различных видов животных. От

¹³⁸ Малькова, Т.П., Богомолова, Т.В. Человек. Общество. Культура. (Введение в историю мировых цивилизаций) / Т.П. Мальковой.– М.: Ин-т инфраструктуры предпринимательства, 2012. – С. 9.

¹³⁹ Белоус, Н.А. К вопросу о структурной организации конфликтного дискурса / Н.А. Белоус // Вестник Московского государственного областного университета. – 2008. – № 2. Т. 2. – С. 20.

эмпирического по своему характеру исследования он переходит к значению типичных форм агрессивного поведения для сохранения различных видов животных, затем подробно проясняет биологические и социальные вопросы агрессивности. Все результаты, полученные на этом этапе, служат тому, чтобы рассмотреть феномен человеческой агрессивности и уяснить специфические особенности человеческого общества, корень которого – унаследованная от животных агрессивность человека.

Феномен агрессивности Лоренц рассматривает в четырёх сложившихся в ходе эволюции формах социальной организации: 1) в анонимной стае, в которой нет никаких связей между животными, но которая одновременно свободна от проявления внутривидовой агрессии; 2) в семейной и общественной жизни, которые основаны на принадлежности к определённой территории и в которой внутривидовая агрессия является механизмом сохранения этой территории; 3) в клановой ячейке и клановой структуре, которую Лоренц рассматривает на примере крысиных семей, где семьи служат механизмом, регулирующим поддержание определённого статуса; 4) в таком своеобразном типе социальной организации, где взаимная любовь и дружба не позволяет появляться каким-то спонтанным всплеском агрессивности. Этот тип Лоренц рассматривает на примере своего самого любимого объекта исследования – серых гусей, и именно эту социальную группу он сравнивает с человеческим обществом.

Одно из центральных качеств агрессивного поведения, по мнению Лоренца, – это спонтанность. Необходимый для сохранения инстинкт проявляется не только в тех условиях, которые его требуют, но может проявляться и внезапными всплесками, казалось бы, не связанными со стимулом. При этом Лоренц подчеркивает, что агрессия как черта свойственна человеку постоянно, т.е. у него не просто проявляются приливы агрессии, но агрессия является фундаментальным свойством человека¹⁴⁰. Спонтанность агрессии указывает на её основополагающую природу, и одновременно на ту опасность, которую она несёт.

¹⁴⁰ Никольский, С.А. Социология – биосоциология человека / С.А. Никольский. – Москва: Наука, 1986. – С. 182.

«...Знание того, что агрессия является подлинным инстинктом – первичным, направленным на сохранение вида, – позволяет нам понять, насколько она опасна. Главная опасность инстинкта состоит в его спонтанности»¹⁴¹, – подчёркивает Лоренц.

Агрессия – это не просто закономерно возникающий инстинкт, она не является предсказуемой реакцией на чёткие определённые условия. Если бы она была таковой, то мы бы могли предсказать её всплески, как в животном, так и в человеческом мире, и агрессивность была бы не настолько опасна. Мы могли бы предугадывать всплески человеческой агрессии и управлять ими, однако, по Лоренцу, агрессия спонтанна, и единственный способ управлять ею – понять совершенно неконтролируемую спонтанную природу.

Обращаясь к проведённым ранее исследованиям, Лоренц отмечает весьма интересный факт: агрессия может запускаться не только теми стимулами, которые превышают порог чувствительности животного или человека, но может появляться даже без всякого значимого внешнего стимула: выплеснуться казалось бы просто так. Такие всплески могут появляться в закрытых обществах: например, в лагерях для военнопленных, в закрытых социальных группах, и в любых группах животных или людей, где снижены пороговые значения всех стимулов. В этом случае стоит другому человеку или животному продемонстрировать какую либо минимальную реакцию, и его собеседник или соперник сразу же отреагирует агрессивным поведением.

Несмотря на то, что агрессия характеризуется спонтанностью, большинство её проявлений в животном мире закономерно, и Лоренц подчёркивает тот факт, что агрессивность поведения животных связана со значимыми для их жизни стимулами. Животное проявляет агрессивность, только если борется за территорию, охраняет потомство, или испытывает чувство голода. Три этих причины являются пусковыми механизмами агрессивности, и совершенно неконтролируемая агрессивность – чрезвычайно редкое явление в животном мире.

¹⁴¹ Лоренц, К. Агрессия (Так называемое «зло») / К. Лоренц; пер. с нем. Г.Ф. Швейника. – М.: Амфора, 2001. – С. 96.

Лоренц отмечает, что агрессивность может наблюдаться у животных как внутри, так и между видами. Внутривидовая агрессия, на его взгляд, характерна и для человека, хотя эта точка зрения и встречает сопротивление в критической литературе. Так, А.П. Скрипник замечает, что «влечение к убийству человека действительно не является врожденным – с этим нельзя не согласиться. Спонтанно разворачивающаяся внутривидовая агрессия – это идея К. Лоренца, не подтвержденная дальнейшим развитием науки о поведении»¹⁴².

Внутривидовая агрессия часто демонстрируется при борьбе за территорию. Межвидовая агрессия является классическим примером в отношении «хищник-жертва». В любом случае, агрессивность для животного необходима: посредством неё он добывает себе пропитание, либо сохраняет свою территорию. Однако животное, по мнению Лоренца, никогда не испытывает эмоции агрессивности в этих условиях. Поэтому, как пишет Я.И. Гишинский, «...внутривидовая агрессия как раз в меньшей степени присуща животным, чем человеку. <... > Во всяком случае, у животных акты внутривидовой агрессии редко заканчиваются смертельным исходом, поскольку действуют надежные механизмы, предотвращающие убийство себе подобных: сигналы “капитуляции” немедленно прекращают самую жестокую схватку»¹⁴³. В человеческой агрессии такой механизм иногда подводит, и в состоянии аффекта человек не контролирует собственные действия.

Когда хищник нападает на жертву, убивает её, а затем поедает, – это продиктовано биологической необходимостью, его биологическими потребностями. Человек же при проявлении агрессивности по отношению к другим людям испытывает эмоциональные реакции. Его агрессивное поведение не всегда можно объяснить биологическими причинами. Именно в силу того, что животное не выдаёт эмоциональных реакций агрессивности, для него агрессивность не настолько опасна как для человека. Лоренц отмечает : «... у нас есть веские основания считать внутривидовую агрессию наиболее серьёзной

¹⁴² Скрипник, А.П. Моральное зло в истории этики и культуры / А.П. Скрипник. – М.: Политиздат, 1992. – С. 21.

¹⁴³ Гишинский, Я.И. Социальное насилие / Я.И. Гишинский. – СПб: Алеф-Пресс, 2013. – С. 8.

опасностью, какая грозит человечеству в современных условиях культурно-исторического и технического развития»¹⁴⁴.

Инстинкт агрессивности усиливает стремительный темп современной цивилизации, скученность проживания людей, постоянные попытки угнаться за временем. Лоренц всячески подчёркивает ту закономерность, о которой он ещё не раз будет вспоминать по отношению к современному обществу: чем плотнее группа животных или людей, тем чаще и тем сильнее проявляется агрессивность инстинктивного поведения. Поэтому разрастание населения, проживание его в крупных городах способствует усилению агрессии: в данном случае агрессивное поведения закономерно. Эта агрессивность, которая появляется в современном обществе, является следствием жёсткого внутривидового отбора.

У животных внутривидовой отбор не достигает критических значений, как у современного человека. Современные люди вступают в конкуренцию друг с другом, они пытаются достичь больше, чем другие, жить быстрее, и это стимулирует инстинкт агрессивности, а агрессия запускает другие пагубные проблемы общества. А.П. Назаретян, ссылаясь на Лоренца, подчеркивает: «Зоопсихологами показано, что прочность инстинктивного запрета на убийство себе подобных пропорциональна естественной вооруженности животных»¹⁴⁵.

Ещё одна функция агрессии, кроме защиты потомства, отбора в поединках «хищник-жертва», и охраны территории, – это поддержание рангового порядка. Агрессивность позволяет показать силу и таким образом устанавливает иерархическую структуру общества. Многочисленные наблюдения за животными и маленькими детьми показывают, что в процессе обучения они подражают, как правило, самым сильным членам группы или тем, кто занимает наиболее высокую ранговую позицию. Таким образом, сила закрепляется в социальной группе, и увеличивается шанс её передачи по традиции.

¹⁴⁴ Лоренц, К. Агрессия (Так называемое «зло») / К. Лоренц; пер. с нем. Г.Ф. Швейника. – М.: Амфора, 2001. – С. 83.

¹⁴⁵ Назаретян, А.П. От будущего – к прошлому (Размышление о методе) / А.П. Назаретян // Общественные науки и современность. – 2000. – № 3. – С. 142.

Исследуя агрессию, Лоренц говорит о том, что агрессия, вызванная страхом перед объектом опасности, встречается и первобытных людей. Это чувство страха выделяет человеческий род из животного мира: у людей страх срабатывает как инстинкт самосохранения. Как подчёркивает А.П. Назаретян, «...враждебные установки сопровождаются широкой эмоциональной палитрой – от охотничьего азарта и торжества до амбивалентных чувств страха и ненависти»¹⁴⁶.

Особое внимание Лоренц уделяет тому, для чего агрессия появляется в человеческом обществе. «В рамках данного подхода, – подчеркивает Л.А. Пашина, – агрессивность трактуется как биологически целесообразная эволюционно закреплённая форма поведения, которая является неотъемлемым условием выживания и адаптации человека»¹⁴⁷.

Социальная функция агрессии, на взгляд Лоренца, – это сплочение группы. Как отмечает Д.А. Жуков, «с помощью агрессии поддерживается стабильная социальная структура; агрессивное поведение увеличивает доступ к витальным ресурсам; с помощью агрессивного поведения часть популяции вытесняется на периферию ареала (жизненного пространства популяции), что приводит к расселению популяции и увеличению ее жизнеспособности в конкурентной борьбе с другими популяциями»¹⁴⁸. Агрессия связана с тем, что этологи и социальные антропологи называют ритуализацией. Вслед за Дж. Хаксли Лоренц называет ритуализацией утрату первоначальной функции поведения и превращение её в символическую. В процессе ритуализации, образуются церемонии и устойчивые формы поведения в группах.

Лоренц указывает на тот факт, что ритуалы в жизни животных, в частности, в жизни серых гусей, часто появляются как следствие демонстрации агрессии, либо как мера борьбы с ней. В животном мире он приводит пример с натравливанием: особой ритуализацией агрессивного поведения у самок уток,

¹⁴⁶ Назаретян, А.П. Нелинейное будущее / А.П. Назаретян. – Москва: ИВ РАН, 2013– С. 137.

¹⁴⁷ Пашина, Л.А. Феномен человеческой агрессивности как предмет рассмотрения биологических наук / Л.А. Пашина // Новый университет. – 2013. – № 5 (26). – С. 10.

¹⁴⁸ Жуков, Д.А. Биология поведения: гуморальные механизмы / Д.А. Жуков. – СПб: Речь, 2007. – 309 с.

когда утка пугается собственного агрессивного поведения и отступает перед противником, таким образом, не идя на открытый конфликт.

С этой ситуацией в животном мире Лоренц часто сравнивает человеческую агрессию и особенно подчёркивает тот факт, что множество человеческих ритуалов, норм, правил имеют, по всей видимости, своим предназначением снижение либо полное снятие агрессивности. Описывая этот механизм, Лоренц говорит о фенокопии. «О фенокопии,- отмечает он, – говорят тогда, когда внешние влияния, действующие на отдельную особь, порождают картину («фенотип»), аналогичную той, которая в других случаях определяется наследственными факторами, т.е. “копируют” её. При ритуализации вновь возникающий наследственный механизмы непостижимым образом копирует формы поведения, которые прежде были фенотипически обусловлены совместным воздействием самых различных влияний внешнего мира»¹⁴⁹.

Социальное ритуализированное поведение человека Лоренц называет фенокопией его агрессивных инстинктов. При фенокопирующем поведении агрессивный инстинкт у человека прекращает быть самодостаточным, самооценным и становится основанием формирования нравственных норм и ценностей. Возникает не то чтобы новый инстинкт, но принципиально новый уровень поведения, который, используя терминологию самого Лоренца, можно назвать фульгурацией.

Агрессивность человека прячется за маской нравственных норм и принципов, но Лоренц убеждён, что если повнимательнее присмотреться к типичным формам поведения, мы можем вскрыть их основу. Агрессивный инстинкт, первоначально появившийся как форма сублимации и маскировки агрессивного поведения, начал передаваться в человеческом обществе из поколения в поколения благодаря тому, что человеческая культура имеет, в отличие от животных форм поведения, символический характер. Символы в человеческих группах могут передаваться вне их носителя, что очень редко

¹⁴⁹ Лоренц, К. Агрессия (Так называемое «зло») / К. Лоренц; пер. с нем. Г.Ф. Швейника. – М.: Амфора, 2001. – С. 104.

бывает, либо вообще не бывает в животных сообществах. Благодаря способности к научению и высокой степени социальных связей, символическое знание беспрепятственно передаётся от старших к младшим, и это способствует отрыву фенокопированной формы поведения от того, что она первоначально выражает.

Лоренц указывает на то, что природу агрессии социальных форм поведения можно понять, когда они оказываются нарушенными. Если человек преступает социальные нормы, если он открыто выражает несогласие с правилами и нормами группы, в любой социальной группе это воспринимается как прямая агрессия, и это, на взгляд Лоренца, ещё раз указывает на то, что социальные правила и нормы имеют агрессивную природу.

Ритуалы, которые формируются вокруг агрессии, скрепляет социальную группу. Лоренц отмечает, что человеческое общество и человеческие группы слишком велики для того, чтобы между людьми образовывались непосредственные связи, основанные на любви и привязанности. Поэтому человеческое общество формируется путём отрицательных связей, основанных на агрессии, и образуемых на основании её норм поведения. По привычке люди сохраняют эти нормы поведения и связывают их с эмоциональными реакциями, поскольку человек всегда связывает привычку с позитивными эмоциями. Образование ритуалов, норм, привычек, таким образом, по мнению Лоренца, выступает основанием для формирования человеческого общества. Он подчёркивает: «Образование ритуалов посредством традиций, несомненно, стояло у истоков человеческой культуры, так же, как, на гораздо более низком уровне, филогенетическое образование ритуалов стояло в самом начале социальной жизни высших животных»¹⁵⁰.

В этот момент, момент закрепления ритуалов, они начинают играть ещё одну роль (наравне со снижением агрессии): выполняют функцию коммуникации,

¹⁵⁰ Лоренц, К. Агрессия (Так называемое «зло») / К. Лоренц; пер. с нем. Г.Ф. Швейника. – М.: Амфора, 2001. – С. 113.

упрочивая союз между различными людьми. «Агрессивные действия характеризуются определенной ритуальностью...», – отмечает А.С. Ларионова¹⁵¹.

Снижение агрессии и установление коммуникации – эти две функции ритуализации человеческого поведения со временем уходят в прошлое, и ритуал становится самостоятельной основой человеческих групп и общества. Лоренц подчёркивает: «Как при филогенетической, так и при культурной ритуализации вновь развивающийся шаблон поведения приобретает самостоятельность совершенно особого рода. И инстинктивные, и культурные ритуалы становятся автономными мотивациями поведения, благодаря тому, что они сами становятся действиями, выполняемыми ради них самих, – иначе говоря, целями, достижение которых становится насущной потребностью организма»¹⁵². Таким образом, уходя своими истоками в снижение внутривидовой агрессии, ритуалы и нормы начинают выполнять символические функции, закладывающие основание человеческой культуры, человеческой этики и развивающие основание для формирования ценностей.

По мнению Лоренца, ритуалы человеческой культуры всегда несут две функции: во-первых, предотвращение борьбы между членами группы, т.е. снижение внутривидовой агрессивности, сплочение в замкнутое сообщество, а во-вторых, ограничение этого сообщества от других подобных групп. Поскольку нормы и ценности общества, которые уходят своими корнями в функцию снижения внутривидовой агрессии, различаются в зависимости от конкретной группы, в рамках которой они возникают, могут очерчивать границы этой группы. В разных культурах приняты разные нормы, а эти нормы в свою очередь, по мнению Лоренца, указывают на различные способы снижения внутривидовой агрессии.

Агрессия постоянна, она сохраняется от группы к группе, от культуры к культуре, но способы, которыми люди борются с ней, могут различаться, и эти

¹⁵¹Ларионова, А.С. Основные компоненты реальной и нереальной коммуникации / А.С. Ларионова // Вестник Московского государственного областного университета. – 2008. – № 3. – С. 11.

¹⁵² Лоренц, К. Агрессия (Так называемое «зло») / К. Лоренц; пер. с нем. Г.Ф. Швейника. – М.: Амфора, 2001. – С. 115.

способы очерчивают границы культур. Типы совладания с агрессией могут быть настолько различными в разных культурах, что представители одной группы могут иметь к другой культуре негативное отношение. Мы можем принимать свои собственные нормы и не принимать нормы других культур, но все они направлены лишь на снижение нашей человеческой агрессивности.

Следуя Лоренцу, можно сказать, что в примитивных культурах чувствительность к различиям максимальна и сразу же порождает агрессивное поведение. А.П. Назаретян справедливо подчёркивает: «Чем примитивнее культуры и чем менее существенно различие между ними, тем выше чувствительность к минимальным различиям, способная возбудить взаимную ненависть»¹⁵³.

Необходимо исследование корней такого неприятия представителями одной культуры других культур и научное прояснение оснований образования человеческих групп, а этим основанием является уменьшением внутривидовой агрессии. Лоренц подчёркивает, «...что человеческая верность всем традиционным обычаям обусловлена попросту привычкой и животным страхом её нарушить. Далее я подчеркнул, что все человеческие ритуалы возникли естественным путём, в значительной степени аналогичным эволюции социальных инстинктов у животных и у человека»¹⁵⁴. Агрессия, таким образом, выступает не только основным инстинктом у человека, но основным механизмом, закладывающим основание человеческих культур.

Утверждение Лоренца об агрессивности человека и об отсутствии у него способности к компенсации этой агрессии, а также о недоразвитии механизмов её ограничения творчески развиваются в работах других антропологов. В частности, А.П. Назаретян, ссылаясь на исследования Вильсона, проведённое тем в конце 1980-х годов, говорит о том, что агрессии в человеке как виде так много потому, что он происходит от общего с обезьяной предка. Если бы ветвь эволюции была другой, то мы могли бы не говорить об агрессии. Назаретян пишет: «Грациальный

¹⁵³ Назаретян, А.П. Нелинейное будущее / А.П. Назаретян. – М.: МБА, 2013. – С. 66.

¹⁵⁴ Лоренц, К. Агрессия (Так называемое «зло») / К. Лоренц; пер. с нем. Г.Ф. Швейника. – М.: Амфора, 2001.. – С. 119.

австралопитек, родоначальник семейства гоминид, был обделён естественными орудиями убийства, а потому не нуждался в надёжном инстинктивном торможении агрессии. Если бы нам посчастливилось произойти от львов, то насилие не играло бы в истории столь существенной роли»¹⁵⁵.

Таким образом, многие исследователи возводят специфику человеческой агрессивности к тому предку, от которого происходит человек. Поскольку у австралопитеков не было развито естественных орудий убийства, мощных рук или лап, то не было никаких ограничений агрессий. У популяций сильных животных, в частности у львов, такие естественные ограничения были развиты, и поэтому их агрессивность намного интенсивней, чем у человека. Хотя, ссылаясь на те же исследования, Назаретян подчёркивает тот факт, что в расчёте на единицу популяции или на одну популяцию в любых естественных условиях другие сильные хищники убивают себе подобных гораздо чаще, чем люди. Это утверждение опровергает расхожее утверждение о том, что человечество является единственным видом, который проявляет агрессивность против особей своего же вида. Агрессивность человека усложняется плотностью проживания на одной территории, поэтому нарастает по сравнению с агрессивностью видов, живущих в естественной среде обитания.

На основании своих исследований феномена агрессии Лоренц предлагает ряд практических выводов, которые направлены на то, чтобы максимально снизить агрессию в современном обществе и способствовать миролюбивому функционированию человека. Он подчёркивает тот факт, что необходимо «...требование углубить наше понимание причинных цепей нашего собственного поведения»¹⁵⁶. Это необходимое понимание причин он связывает с развитием прикладной этологии, к которой и относит свои исследования. Кроме того, такие глубокие исследования агрессивности, как он замечает, оторваны от практики и не позволяют ориентироваться на практическую ситуацию.

¹⁵⁵ Назаретян, А.П. Нелинейное будущее / А.П. Назаретян. – М.: МБА, 2013– С. 107.

¹⁵⁶ Лоренц, К. Агрессия (Так называемое «зло») / К. Лоренц; пер. с нем. Г.Ф. Швейника. – М.: Амфора, – С. 234.

Лоренц подчеркивает, что невозможно упразднить вызывающие агрессивность ситуации, можно лишь направить агрессивность в другое русло, или каким-то образом снизить её посредством включения других феноменов. Он предлагает четыре условных метода совладания с агрессией. Ю.А. Сурина справедливо отмечает, что: «важное значение он придает и разрядке агрессии, основными способами которой считает: перенаправление агрессии; ее сублимацию; изменение человеческой агрессивности с применением средств эвгеники; ритуализацию»¹⁵⁷.

Во-первых, с агрессией можно справиться путём разрядки и перемещения её на замещающий объект. Таким образом можно предотвратить прямую борьбу между людьми «Переориентирование агрессии, – подчёркивает он, – это самый простой и самый многообещающий способ обезвредить её»¹⁵⁸. Частым примером агрессии Лоренц называет спорт как ритуализированную форму борьбы. Он как бы открывает доступ к накопленной агрессии и способствует её реализации в более мягких формах.

Второй способ борьбы с агрессией – это развитие миролюбивых форм взаимодействия между группами людей и конкретными людьми. Умиротворение людей способствует дружелюбию, любви, и тому, что связями между ними становится не конкурентное агрессивное поведение, а взаимная симпатия.

В-третьих, агрессию значительно снижает то, что Лоренц называет воодушевлением – заражение высокими ценностями и идеалами. Оно имеет корни в животном мире, и в частности может быть сопоставлено с триумфальным криком серых гусей и другими реакциями, которые возникают под действием иных связей между животными. В реакции воодушевления, по мнению Лоренца, имеют место три компонента: 1) ценность, которая даёт человеку или животному сверхценности; 2) угрожающие этой ценности события или враг, которые дезавуированы; и 3) социальная группа, в которой эта ценность имеет место, и

¹⁵⁷ Сурина, Ю.А. Природно-биологическая сущность человека в эволюционной эпистемологии К. Лоренца / Ю. А. Сурина // Гуманитарные научные исследования. – 2013. – № 2.

¹⁵⁸ Лоренц, К. Агрессия (Так называемое «зло») / К. Лоренц; пер. с нем. Г.Ф. Швейника. – М.: Амфора. – С. 235.

единство с членами которой обеспечивает. В качестве таких воодушевляющих ценностей Лоренц называет, прежде всего, искусство и науку. Сохранение искусства, философии и науки, на его взгляд, является той ценностью, которая в настоящий момент времени необходима не только для выживания человечества перед лицом глобальных кризисов, но и для снятия его собственной агрессивности.

В-четвёртых, справиться с агрессией может одна из форм собственно человеческого поведения – смех. «Смех, – отмечает Лоренц, – во многом подобен воодушевлению – и в своих особенностях, свойственных инстинктивному поведению, и в своём эволюционном происхождении от агрессии, но главное – в своей социальной функции»¹⁵⁹. Смех является предпосылкой глубоких социальных связей, может вести не только к преодолению агрессии, но и к укреплению структуры общества.

Все эти меры, по убеждению Лоренца, рано или поздно, при их соблюдении должны привести не то чтобы к полному избавлению человека от внутривидовой агрессии, но к её весомому снижению, что, на его взгляд, будет способствовать установлению крепких связей между людьми и миру во всём мире. Как подчёркивает С.А. Горохов: «Лоренц был убежден, что смягчить, изменить проявления агрессивности (но не уничтожить, ибо инстинкт уничтожить нельзя) человеку помогают понятийное мышление, мораль и определяемое ею ответственное поведение»¹⁶⁰. При этом, несмотря на предлагаемые меры, агрессия представляется Лоренцу не столько качеством, с которым нужно бороться (бороться стоит лишь с ее переизбытком), сколько биологической и антропологической данностью, которая определяет и другие уровни функционирования человека: его место в группе, культуру и социальное развитие.

Если духовную жизнь Лоренц рассматривает как положительное эволюционное достижение человека, то агрессия становится для него

¹⁵⁹ Лоренц, К. Агрессия (Так называемое «зло») / К. Лоренц; пер. с нем. Г.Ф. Швейника. – М.: Амфора, 2001. – С. 240.

¹⁶⁰ Горохов, С.А. Философский анализ этологии Конрада Лоренца: автореф. дис. ...канд. филос. наук: 09.00.08 / С.А. Горохов. – М., 2003. – 15 с.

отрицательным системным качеством, которое задает поведение человека в группе. Он выстраивает междисциплинарную перспективу феномена агрессии, представляя его как основание социального поведения и культуры. Лоренц описывает разные формы и виды агрессии, проводя постоянные примеры сходных явлений животного мира. Так он реализует стратегию анализа по аналогии. Так он описывает внутриличностное пространство человеческих эмоций и сознания.

2.3. Культура в антропологическом ракурсе и современная ситуация человека

Следуя необходимости системного анализа, Лоренц проделывает переход от исследования внутриличностного пространства человеческих эмоций и поведения к внеличностному пространству культуры и общества. Этот переход закономерен: поскольку основным эволюционным достижением человека как вида он признает разум и духовную жизнь, надличностное пространство этой духовной жизни и разумная организация жизни – это следующая ступень его интереса после интереса к самому человеку.

По отношению к культуре Лоренц пытается «...без предубеждения сравнить филогенез различных видов животных и растений с историей различных культур...»¹⁶¹. Прodelывая такое сравнение, он стремится посмотреть на историю культуры феноменологически, отбрасывая образованные самим же человеком понятия и принципы. Лоренц подчёркивает, что понимание культуры как чего-то принципиально отличного от природы является следствием человеческого заблуждения: стремления человека толковать культуру в понятиях самой же культуры. Он же указывает на необходимость понимания культуры на основании тех же принципов что и понимание природы, т.е. пытается посмотреть на культуру глазами исследователя.

Сравнительный метод, таким образом, снова выступает связующим звеном между этологическими исследованиями поведения животных и поведения

¹⁶¹ Лоренц, К. Обратная сторона зеркала. / К.Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998– С. 400.

человека как животного и изучением духовного пространства человечества¹⁶². Лоренц снова стремится к исследовательскому синтезу.

Подобную позицию Лоренца поддерживает Роберт Хайнд, который указывает на то, что человеческая культура и поведение человека в ней обусловлены эволюционно сформированными паттернами поведения, представляющими собой не что иное как приспособительную реакцию к средовым условиям. Развивая идеи Лоренца, он настаивает на том, что, обратившись к культурным ритуалам, нормам и правилам, мы можем уяснить биологические истоки и приспособительные основания человеческой культуры. «Некоторые культурные практики, – подчеркивает он, – должны рассматриваться как последствия поведенческих предрасположенностей, адаптивных в одних контекстах, но сами по себе не имеющие влияния или имеющие негативное влияние на совокупную приспособленность»¹⁶³. Хайнд заключает, что все культурная вариативность поведения обусловлена поведенческими приспособительными реакциями и предрасположенностью к определённым поведенческим паттернам.

При таком взгляде культура оказывается для Лоренца феноменом, рядоположным природе, а не надстраиваемым над ней. «Деление мира явлений на пары противоположностей, – подчеркивает Лоренц, – это врожденный принцип упорядочения, априорный принудительный шаблон мышления, присущий человеку с древнейших времен»¹⁶⁴. Таким образом, он пытается преодолеть ограниченность символического понятийного мышления, посредством которого человек возвышает культуру над природой.

Нужно подчеркнуть, что у этой позиции есть важное практическое следствие. Лоренц связывает природу и культуры нерушимыми связями. Поддерживая такой ход мысли, А.А Свидерский отмечает: «Нужно отметить, что

¹⁶² Обсуждение этологически ориентированных концепций культуры см. в: Гирц, К. Интерпретация культур / К. Гирц; пер.с англ. – М.: РОССПЭН, 2004.

¹⁶³ Цит. по: Шмерлина, И.А. Социология и этология человека / И.А. Шмерлина // Социологический журнал. – 2001. – № 1. С. 39.

¹⁶⁴ Лоренц, К. Обратная сторона зеркала. / К.Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – С. 402.

“природа вне человека” и “природа внутри человека” тесно взаимосвязаны. Кроме того, природа является необходимым условием существования ценности, будучи источником жизни, основой материально-предметной практики человека и деятельности его сознания»¹⁶⁵.

Для Лоренца сравнение природы и культуры – это обычное сравнение, которое должно лежать в основе исследования групп людей. На его взгляд, культура возникает в процессе эволюции, как одно из достижений человека как вида, и поэтому она должна рассматриваться точно так же, как все остальные его достижения. По отношению к ней должны использоваться те же методы, которые используются для исследования природы. «...Сравнительный метод, – подчёркивает он, – доставляет нам различные средства для требуемого анализа. Одно из них – это определение относительной скорости, с которой меняется во времени определенный признак или группа признаков»¹⁶⁶.

Параллель развития культур с развитием видов животных является центральной в сравнительной перспективе Лоренца. Он подчёркивает: «...Возникновение время от времени тех сложных систем, которые мы называем вместе с историками *высокими культурами*, было, вероятно, следствием фульгураций, аналогичных тем шагам эволюции, которые привели к возникновению видов животных»¹⁶⁷. Он подмечает, что эта параллель игнорируется учёными гуманитариями, что препятствует целостному познанию человека и культурного развития. На его взгляд, это игнорирование происходит по причине неспособности принять и примириться с тем, что ход истории и процесс развития человеческих культур аналогичен филогенезу животных и определяется не только необходимостью, но и случайностью. «Он, – отмечает В.А. Игнатъев, – показывает, что естественные законы определяют не только

¹⁶⁵ Свидерский, А.А. Человек – природа: основания ценностного отчуждения / А.А. Свидерский // Проблемы современного антропосоциального познания. – 2009. – № 7. – С. 89.

¹⁶⁶ Лоренц, К. Обратная сторона зеркала. / К.Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – С. 402.

¹⁶⁷ Там же. – С. 401.

красоту звездного неба, но и нравственный закон внутри нас...»¹⁶⁸, естественные законы определяют для Лоренца и культуру.

Развитие культур, на его взгляд, происходит в том же пространстве, где формируются виды животных. Эти процессы рядоположны, они связаны друг с другом, между ними есть причинные отношения. В основе развития культуры – перестройка человеческого мозга: появление развитого мозга и, как следствие, появление его продукта – человеческой культуры. «Но в действительности, указывает Лоренц, человек превратился в культурное существо, каким он является теперь, в ходе типичного эволюционного становления»¹⁶⁹.

Таким образом, культура по Лоренцу, появилась в результате эволюции и является эволюционным достижением, таким же, как другие приобретаемые в ходе эволюции признаки животных и человека. Эволюционный подход к культуре, позволяет Лоренцу выделить наиболее ранние и наиболее поздние формы культуры. Здесь он также использует метод, который используется в этологии. Наиболее древние формы культуры, как правило, характерны для всех социальных групп, являются общими для них. По мнению Лоренца, они представляются наиболее устойчивыми по отношению к отбору, поскольку характер их приспособления наиболее крепкий. «Если мы обнаруживаем, – отмечает он, – что определенные формы движения и определенные нормы социального поведения являются *общечеловеческими*, т. е. наблюдаются в совершенно одинаковой форме у всех людей всех культур, то можно заключить с вероятностью, граничащей с достоверностью, что они филогенетически программированы и наследственно закреплены»¹⁷⁰.

Вопреки мнению некоторых биологов, Лоренц указывает на тот факт, что предпосылки культуры могут иметь не социальный, а генетический характер: они выработаны эволюцией и закреплены в генетическом материале людей. Именно

¹⁶⁸ Игнатъев, В.А. История и философия биологии: познание организации и эволюции форм жизни / В.А. Игнатъев. – Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2009. – С. 307.

¹⁶⁹ Лоренц, К. Обратная сторона зеркала. / К.Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – С. 403.

¹⁷⁰ Лоренц, К. Обратная сторона зеркала. / К.Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – С. 404.

так, на его взгляд, формируется база культуры. На основании древних культур и культурных стереотипов, общих для всех людей, формируются более молодые культуры. Такие культурные нормы могут отличаться в разных социальных группах и выражают приспособление этих социальных групп к условиям обитания. Например, культура кочевых народов может отличаться от культуры оседлых. Это обусловлено их образом жизни, характером их приспособления к окружающим условиям действительности.

Таким образом, Лоренц идёт от наименее изменчивых форм культуры к наиболее изменчивым формам. Он называет этот путь исследования традиционным для всех естественных наук и ссылается на принципы исследования в анатомии, когда изучение строения человеческого тела начинается с описания скелета – наименее вариативной части человеческого организма.

Сравнивая процесс развития культуры с развитием видов, Лоренц выделяет два направления возможного развития культур: конвергентное и дивергентное. На его взгляд, так формируются культурный облик человечества, на основании этих двух процессов появляются разные культуры и на основании различных культур формируются единые культуры. Эти процессы характерны как для прошлого, так и для современной эпохи. Лоренц обращается к эволюционной ситуации формирования видов, вспоминает, что для животного мира характерно формирование различных видов при возникновении непреодолимой преграды, проходящей через пространство обитания вида. В этом случае, в случае возникновения такой преграды виды начинают развиваться самостоятельно, то же самое может происходить и в культуре.

При конвергентном развитии две культуры, которые развиваются независимо друг от друга, могут смешиваться в однородное единство. Одна культура может влиять на другую, например, культура оседлого народа может изменяться под влиянием кочевого народа, зашедшего на его территорию, и при его смешении может формироваться новая культура. Лоренц подчеркивает, что такое явление конвергенции в пространстве культуры встречается даже чаще, чем

в пространстве животного мира: «...культуры легче “гибридизируются”, чем виды»¹⁷¹.

Дивергентное развитие культур также не редко в человеческом обществе: в процессе него образуются новые субкультуры, между которыми могут существовать различные переходы, но эти культуры не смешиваются с противоположными. Таким образом, можно построить «таксономию» культур и их типологию. Используя терминологию Эрика Эриксона, Лоренц называет такие процессы псевдо–видообразованием, и отмечает, что в случае дивергенции культуры начинают взаимодействие друг с другом как различные, но близкородственные виды животных. В результате дивергенции между культурами возникают достаточно жёсткие границы и барьеры, которые необходимы для поддержания целостности культуры и для её дальнейшего независимого развития.

В современном мире мы видим как конвергенцию, так и дивергенцию культур, причём, по Лоренцу, оба эти процессы могут иметь негативные свойства. Негативным свойством дивергенции является возникающая в этом случае конкуренция между людьми разных культур, и, несмотря на то, что разнообразие культур имеет важнейшее значение в развитии человечества, оно приводит к тому, что люди этих различных культур не только соревнуются для активизации своего собственно развития, но и воюют друг с другом. Война – это следствие культурной дивергенции. Конвергенция так же может иметь негативные эффекты. Продолжая идеи Лоренца, можно сказать, что конвергенцию культур мы наблюдаем в современном мире. То, что в настоящий момент времени называется глобализацией, является типичным примером культурной конвергенции.

По мнению Лоренца, конвергенция приводит к селекционному давлению, которое сходно с тем внутривидовым давлением, которое наблюдается в скученных группах животных. Границы между культурами в этом случае размываются, и культуры начинают пронизывать друг друга, этнические группы сливаются в одну, и образуется единая все культура. Несмотря на конструктивные

¹⁷¹ Лоренц, К. Обратная сторона зеркала. / К.Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998.– С. 414.

процессы, идущие в таком конвергентном пространстве, как считает Лоренц, оно не всегда благоприятствует развитию человечества. В нём всегда ослабляет межкультурный отбор, который для человека аналогичен межвидовому отбору у животных, а это, в свою очередь, не способствует продуктивному развитию человечества.

В процессе развития культуры можно выделить две группы механизмов, которые находятся в гармоническом антагонизме и которые поддерживают развитие культуры, а также её постоянство: это следование традиции и перестраивание.

Культура всегда сохраняет свою опорную функцию, и эта традиция культуры может поддерживаться только посредством жёсткости её структуры, то есть посредством отказа от изменчивости и свободы. Точно так же происходит и в животном мире, когда животное может двигаться или изменять положение тела только в тех местах своих конечностей, где расположены суставы, по-другому движение невозможно. Каждая приспособленная структура в культуре основана на каком-либо знании и на каких-то моральных нормах и принципах. Сохранение этой структуры поддерживает традиционную линию развития культуры, поэтому механизмы сохранения постоянства культуры чрезвычайно устойчивы. Процессы сохранения постоянства и сохранение традиционной линии развития культуры функционируют в процессе обучения.

Обучение у человека организовано на основании механизмов подражания, а подражание построено на следовании образцу. Лоренц подчёркивает: «Мы, люди, – об этом следует всегда помнить – по своей природе культурные существа, а потому все традиции, воспринимаемые в детстве и юности от наших родителей и старших родственников, мы неизбежно наделяем теми эмоциональными ценностями, которые представляют для нас носители этих традиций¹⁷². По этим причинам, обучение культуре связано с возвышением образа того человека, по следованию которому это обучение строится.

¹⁷² Лоренц, К. Обратная сторона зеркала. / К.Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – С. 420.

Следствием такого механизма является формирование морального авторитета. Младший в культуре должен испытывать уважение к старшему, только таким образом он может воспринять от него традицию. Если он этого уважения не испытывает, старший не может выступать образцом для подражания, и в этом случае устойчивые формы культуры объединяющиеся традицией, младшим представителям группы не передаются. Уважение может дополняться страхом, который так же имеет моральные предпосылки и способствует передачи культурных норм и требований. От того человека, который воспринимается как образец, младший представитель культуры, воспринимает нормы поведения или нравственные нормы. Лоренц пишет: «В первую очередь от уважаемого образца перенимаются нормы социального поведения, т. е. *нравственные* обычаи в собственном смысле слова»¹⁷³.

Все традиции культуры, которые человек усваивает в процессе подражания, оцениваются так, как оценивается человек, посредством которого они усваиваются. Лоренц подчёркивает, что эта эмоциональная окраска образа того, кому подражают, заложена у человека филогенетически. Почтение предкам является результатом не морального развития человека, а культурной необходимостью. У всех человеческих народов и социальных групп, даже на самых ранних стадиях их развития, развит культ предков. Он, по мнению Лоренца, способствует передачи культурных ценностей и поддержанию традиций. Лоренц отмечает: «Человек – по природе своей культурное существо – просто не может существовать без опорного скелета, который доставляет ему принадлежность к некоторой культуре и участие в ее благах. Из детского подражания возникает поведение, ориентирующееся на некоторый образец; человек чувствует себя тождественным с этим образцом, ощущает себя носителем – а также владельцем – его культуры»¹⁷⁴.

Отождествление человека с культурой, действие по образцу и принятие культурных норм и правил, как считает Лоренц, является основой душевного

¹⁷³ Лоренц, К. Обратная сторона зеркала. / К.Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998.– С. 422.

¹⁷⁴ Там же. – С. 425.

здоровья человека. Человек должен быть частью культуры или социальной группы, это даёт ему связность с представителями своего вида, придает уверенность и способствует гармоничному развитию. Но человек в этом случае не просто должен следовать образцу, он должен получать от этого образца признание. Признание человека группой – важная часть становления его человеком. «Человек, – подчёркивает Лоренц, – не может сохранять душевное здоровье, не отождествляя себя с другими людьми; но точно так же – как слишком хорошо знают специалисты по промыванию мозгов – это невозможно, если другие люди не выражают ему некоторого, хотя бы минимального признания»¹⁷⁵.

В основе поддержания постоянства культурной традиции лежит образование ритуалов. Для Лоренца, как указывает А.А. Клопыжникова, «ритуалы представляют собой не только социальное, но и глубокое биологическое явление...»¹⁷⁶. Процесс ритуализации – это процесс, помогающий поддерживать культуру в жизнеспособном состоянии. Лоренц указывает, что ритуализация культуры имеет аналогии в живом мире. Если посмотреть на процесс культурной ритуализации с позиции функциональной модели, то можно заметить функциональные аналогии. Как пишет А.У. Игамбердиев о теории Лоренца, «...некоторые действия в процессе филогенеза утрачивают свою первоначальную функцию и превращаются в символические церемонии (ритуализация). Инстинктивное поведение при этом является наследственно закреплённой копией тех действий, которые первоначально вызывались другими стимулами»¹⁷⁷.

Те ритуалы, которые закрепились в культурно-историческом развитии, имеют четыре общих признака:

¹⁷⁵ Лоренц, К. Обратная сторона зеркала. / К.Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – С. 425.

¹⁷⁶ Клопыжникова, А.А. Ритуал как кодификация обряда / А.А. Клопыжникова // Аналитика культурологии. – 2008. – № 2 – (11).

¹⁷⁷ Игамбердиев, А.У. Логика организации живых систем / А.У. Игамбердиев. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1995. – С. 152.

1. Все эти ритуалы предназначены для коммуникации. Ритуалы животного мира предполагают передатчика и приемника воздействия, культурные ритуалы осуществляются языковыми средствами и направлены на взаимопонимание. Остальные функции ритуалов можно вывести из этой первой коммуникативной функции.

2. Ритуалы предназначены для определённых целей и «направляются на определённые пути»¹⁷⁸. Лоренц сравнивает эту направленность с направленностью реки, которая течёт в определённом русле. В животном мире ритуалы направляют агрессивное поведение, в мире культуры способствуют направленности социального поведения. В культурном мире человека приняты определённые правила, они задают действия человека и его поведение. Их нарушение оборачивается стыдом – закономерной реакцией человека на то, что он приступает к принятым образцам.

3. Ритуализация способствует развитию новых форм мотивации, которые встраиваются в развитие вида и в развитие культуры. Это способствует созданию независимых мотивов социального поведения. Человек ощущает себя носителем ценностей и испытывает потребность эти ценности выражать. Он творит мир культуры, таким образом, продолжая её традиционное развитие.

4. Ритуалы препятствуют смешению видов в животном мире и смешению культур и субкультур в обществе. Разные ритуалы – очень жёсткий барьер между социальными группами. Они препятствуют взаимодействию культур, сохраняя их обособленность друг от друга.

Посредством механизмов подражания и следования образцу, а также посредством ритуалов поддерживается постоянство культуры, но в культуре одновременно возникают и другие элементы, которые способствуют её изменению. Она должна подстраиваться под воздействие внешних условий. Иногда она даже может демонтироваться и практически полностью обновляться.

¹⁷⁸ Лоренц, К. Обратная сторона зеркала. / К.Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – С. 428.

Подобно живому организму, она должна реагировать на условия внешней среды, иначе она не сможет выжить.

Усвоение традиции путём подражания является основой культуры, поскольку препятствует чрезмерной изменчивости. Она не даёт культуре демонтироваться полностью, полностью перестроиться под влияние внешних условий. Именно приспособление и подражание способствуют сохранению баланса: на основании сформированного базиса культуры формируются изменчивые элементы. Культура, как и живой организм, одновременно сохраняет старое и включает в себя новые образования.

Культура не может жить только по традиции, формирование жёстких обычаев для неё так же губительно, как и полное демонтажное. Между перестраиванием и сохранением традиции должен быть устойчивый баланс. Лоренц говорит о том, что способность к усвоению традиций и одновременно к постоянному обновлению заложена у человека филогенетически. Он вспоминает, что человек является единственным видом, который сохраняет способность к самоисследованию, к игре даже после достижения половой зрелости. Такое редко происходит в животном мире, поэтому человек всегда любознателен и всегда приносит в свою жизнь и в свою культуру что-то новое.

Это способствует тому, что в человеческом обществе традиционно выделяется два слоя, которые выражают разные возрастные группы: с одной стороны, это старшее поколение, которое обычно консервативно и следует традиции, оно сохраняет культурные нормы. С другой стороны, это молодёжь, которая приносит новое, обновляет культуру – приносит новое и обновляется сама.

Лоренц отмечает важную особенность: человек, в отличие от других живых существ, долго остаётся ребёнком и долго живёт с родителями. Это долгое детство, на его взгляд, служит более крепкому усвоению принятых в человеческой культуре норм. Пока человек отделяется от своей семьи и начинает самостоятельную жизнь, в его мировоззрении уже имеются сформированные образцы поведения, он может их только обновлять, но не демонтировать. Долгое

детство, по мнению Лоренца, – это приспособительная функция, которая возникла в результате развития человека как вида.

По мнению Лоренца, развитие культуры – совсем не простой процесс. Не всегда можно предсказать, как оно будет идти. Он подчеркивает: «...В философии истории от представления, что развитие человечества и его культур есть единый процесс»¹⁷⁹. Лоренц выступает против такой позиции и говорит о том, что, наравне с предсказуемостью, развитие культуры отмечается и бесплановостью.

В развитии культуры, как и в видообразовании не всё направляется сознательно и разумно. В животном мире, наравне с предсказуемыми механизмами, действует непредсказуемая изменчивость. То же самое происходит и в культуре: от культуры нельзя ожидать планирования, как нельзя ожидать его от природы. В этом процессе развития, часто наблюдается так называемые колебания, то есть развитие культуры не всегда идёт прямо, и отмечено отклонениями с последующим её возвращением в привычное русло. Лоренц пишет: «Стрелка компаса, выведенная из положения равновесия, после возмущения долго колеблется, прежде чем снова успокаивается в “правильном” положении...»¹⁸⁰.

Такие явления могут наблюдаться и в культуре. Вслед за Альфредом Кюном он называет такое явление «псевдотаксисом». Он говорит о том что, псевдотаксис представляет собой нормированные отклонения, которые через некоторое время всегда приводят к чёткому, необходимому культуре изменению её развитию или частичному её обновлению. Таким образом, псевдотаксис представляет собой запланированное колебание. После сильных отклонений культура, словно выяснив, до каких пределов она может демонтироваться, вновь возвращается к традиции, только традиция эта частично обновлена.

На его взгляд, сравнительные исследования позволяют разделить запрограммированные и обусловленные культурой нормы поведения и лучше

¹⁷⁹ Лоренц, К. Обратная сторона зеркала. / К.Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – С. 448.

¹⁸⁰ Лоренц, К. Обратная сторона зеркала. / К.Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – С. 451.

увидеть их нарушения. В частности, мы можем увидеть, что излишняя конвергенция культур, как и излишняя дивергенция неблагоприятны для социально-культурного развития человечества, несмотря на их кажущуюся продуктивность. «Невозможно, – пишет А.И. Федоров о Лоренце, – переоценить значение открытых им новых путей в исследовании природы человека и человеческой культуры... В наше время, когда дальнейшее существование человеческой культуры оказалось под угрозой в результате процессов, к которым привело ее собственное развитие, такие пути особенно актуальны»¹⁸¹. По глубокому убеждению Лоренца, в развитии культуры следует избегать крайностей.

Такая сравнительная перспектива основана, как видим, для Лоренца на сопоставлении по аналогии и гомологии. Аналогичное сравнение он проводит при описании ритуалов, формирования авторитета и подражания, гомологичное – при исследовании механизмов конвергенции и дивергенции культур. Аналогии и гомологии показывают культуру как систему.

В исследовании культуры Лоренц придерживается системного анализа. Как видим на основании проделанного в параграфе анализа он проясняет механизмы функционирования культуры на уровне включенного в нее человека (механизмов подражания, обучения), на уровне семьи, социальной группы (в изучении ритуалов), уровне культуры как традиции (проблема конвергенции и дивергенции культур). В этом плане закономерным для него оказывается обращение к современной ситуации культуры и общества.

2.4. Современная ситуация человека в культуре

На основании исследований животного мира Лоренц развивает своеобразную практическую философию. Этологические исследования помогают ему поставить диагноз современной культуре, современному миру, современному этапу развития человечества. Они позволяют вскрыть те механизмы, которые

¹⁸¹ Федоров, И.А. Послесловие Лоренц К. Так называемое зло / И.А. Фролов; Под ред. А.В. Гладкого. – М.: Культурная революция, 2008. – С. 607–611.

стоят за основными проблемами человечества и, возможно, предотвратить их дальнейшее усугубление.

Лоренц поддерживает характерную для всего XX века идею кризиса общества. Как пишет Н.В. Голик, «к культуре XX века произошел определенный неклассический “сдвиг”. Философы, писатели, ученые самых различных направлений не только увидели, но и достаточно четко сформулировали новый тип проблем и новую идею реальности. Исходной в этом плане стала идея кризиса (катастрофы) культуры и поиск выхода из него»¹⁸². В числе прочих критиков и теоретиков Н.В. Голик называет и Лоренца.

Для него, как уже отмечалось, культура всегда подчинена механизму равновесия: она находится в равновесии либо в состоянии дисбаланса. Для культуры, как и для жизни вида, характерно правильное равновесие или изменчивость, поэтому историки культуры должны учитывать механизмы филогенетического развития человека.

Лоренц и не единственный из этологов, кто обращает внимание на эту тенденцию. Приблизительно в то же самое время в своей нобелевской лекции Нико Тинберген говорит о том, что в условиях внешней окружающей среды и чрезвычайно быстрого становления культуры и общества адаптивные возможности человека очень ограничены, и что человечеству необходимо задуматься над этим фактом¹⁸³. Ту же идею развивает Лоренц.

Современное общество и особое положение в нём человека начинает интересоваться Лоренца в 1930-х – начале 1940-х годов. Однако сначала эта теория развивается в рамках концепции улучшения нации, поддерживаемой тогда официальной немецкой идеологией. Лоренц выдвигает идеи о том, что жизнь в больших мегаполисах ведёт к деградации человека, к нарушению адаптивных механизмов его поведения. Тогда он связывает эти процессы с теми явлениями, которые он наблюдает у животных: с domestикацией.

¹⁸² Голик, Н.В. Экологическая эстетика: предварительные итоги / Н.В. Голик // *Studia culturae*. – 2013. – № 15. – С. 13.

¹⁸³ Бутовская, М.Л. Этология человека: история возникновения и современные проблемы исследования / М.Л. Бутовская // *Этологии человека на пороге XXI века*. – Москва: Старый Сад, 1999. – С. 5-71.

Если для животных domestикация связана с одомашниванием, т.е. в результате одомашнивания животное утрачивает некоторые качества, которые развиваются под воздействием естественного отбора в естественной среде, и показывает другие поведенческие реакции, то в процессе городской жизни свои природные качества утрачивает и человек. «В результате domestикации, – отмечает Е.А. Гороховская, – многие сложные врожденные формы поведения могут исчезать, а другие, чаще всего более примитивные врожденные формы, напротив, гипертрофироваться»¹⁸⁴. Лоренц выдвигал свои идеи с тем, чтобы предупредить современников о возможных ужасающих масштабах domestикации человека и каким-то образом воздействовать на их поведение. Тогда эти идеи были восприняты научным сообществом в штыки.

Эти же идеи Лоренц развивает во время войны в так называемой русской рукописи, в частности в её машинописной версии. Он говорит о том, что человек имеет целую систему врождённых и специфичных форм поведения, которые функционируют как автоматизмы. Они представляют собой базис поведения и жизни человека. Конечно же, они не способствуют свободным поведенческим реакциям, но с другой стороны, служат опорой, которая может использоваться в стрессовых ситуациях.

При воздействии внешних условий, в частности современного общества, приспособительные врождённые формы поведения могут выпадать. Это способствует появлению свободных форм поведения: поскольку «скелет» становится более мягким, это может привести к растормаживанию не совсем нормальных реакций. «Жестокость врождённых форм поведения человека, подчеркивает Лоренц, – может также, независимо от обусловленных domestикацией, “ненормальных” изменений, т.е. при наличии всех свойственных виду типичных норм реакций, вызывать серьезные нарушения социального поведения и существенные помехи в развитии человеческого общества»¹⁸⁵. Организация человеческого общества безмерно изменилась и усложнилась за

¹⁸⁴ Гороховская, Е.А. Гусиный отец / Е.А. Гороховская // Природа. – 2004. – № 3. – С. 63.

¹⁸⁵ Лоренц, К. Что такое сравнительная этология? / К. Лоренц; пер. с англ. Е.А. Гороховской. Природа. – 2004. – № 3. – С. 66.

историческое время, мгновенное в сравнении с геологической историей, а развитие врожденных форм поведения, приспособление социальных «инстинктов» к новым условиям за это время, разумеется, было невозможно»¹⁸⁶.

За время такого стремительного изменения культуры и общества множество инстинктов, носящих приспособительный характер, превратились в ненужные. Они стали нецелесообразные и рудиментарны. Лоренц допускает, что все эти изменения с позиции развития человеческого общества и человеческой культуры закономерны. Культура, общество и человек постоянно отбрасывают ненужные структуры и обрастают новыми, но он желает подчеркнуть тот факт, что, возможно, растормаживание лабильных структур может привести к проявлению ненормальных, патологических форм поведения.

Когда-то ослабление биологических реакций, по мнению Лоренца, привело к развитию духовного мира человека и его духовной жизни. Однако в настоящий момент времени отход на второй план духовной жизни человека не сменится новым эволюционным достижением. Лоренц предостерегает человечество против того, что происходящее изменение могут привести не во благо, а во зло. О.В. Афонасьева и Ю.А. Завьялова, опираясь на идеи Лоренца, верно замечают, что стремление человечества к лучшему не всегда может обернуться ему во благо и только человек посредством собственных усилий может улучшить своё положение в мире. Они подчеркивают: «...“Экофильное”, нравственное отношение к природе, связанное с обузданием научно-технического и технологического бума; развитие экономики, базирующееся не на погоне за прибылью, а удовлетворяющее новые потребности людей. <...> Началом изменения человечества является сам человек, а развитие и самосовершенствование всех его качеств и способностей – гарант выживания человечества»¹⁸⁷.

¹⁸⁶ Там же. – С. 67.

¹⁸⁷ Афонасьева, О.В., Завьялова, Ю.А. Экологическое сознание и эволюция мировоззренческих аспектов взаимодействия общества и природы / О.В. Афонасьева // Экологизация жизни и проблемы формирования экологического сознания современного человека. ТюмГУ. – Ишим. Ч 1. – 2011. – С. 8–10.

Лоренц ставит своей задачей обычное информирование о происходящих процессах. В конце введения к русской рукописи он отмечает: «Мы даже совершенно определенно полагаем, что широчайшее и всеобщее распространение простого знания об этих явлениях само по себе уже было бы достаточно, чтобы обеспечить это естественное развитие компенсирующей морали!»¹⁸⁸. Задачу распространения знаний о современных реалиях он как раз и ставит позднее, в «Восьми смертных грехах цивилизованного человечества».

Лоренц напоминает, что человеческое общество представляет собой высоко структурированную систему, которая постоянно поддерживает свой гомеостаз. Как и все сложные живые системы, она работает на основании различных циклов регулирования, которые Лоренц разделяет на две группы: положительную обратную связь и отрицательную обратную связь.

В процессе регулирования посредством отрицательной обратной связи возникающих в системе отклонений, выравнивание идет путём противоположного отрицательного воздействия, т.е. система уравнивает всякую отходящую в сторону функцию. В процессе регулирования по механизму положительной обратной связи система постоянно находится в неустойчивом равновесии. Всякое воздействие на неё приводит к неконтролируемому нарастанию функций: малейшие изменения функций в отрицательную сторону могут вызывать полное угасание и исчезновение. Лоренц подчёркивает, что человеческое общество является системой, в которой чрезвычайно распространён механизм положительного регулирования, именно поэтому эту систему можно легко вывести из состояния равновесия. В этом состоянии неравновесия она сейчас находится.

Результатом неравновесного состояния человечества являются его современные проблемы, которые Лоренц называет смертными грехами цивилизации. Все они связаны с положительной обратной связью, т.е. с неконтролируемым усилением какой-либо функции. Среди них он выделяет:

¹⁸⁸ Лоренц, К. Что такое сравнительная этология?/ К. Лоренц; пер. с англ. Е.А. Гороховской. Природа. – 2004. – № 3. – С. 70.

перенаселение, опустошение жизненного пространства, бег наперегонки с самим собой, тепловую смерть чувства, генетическое вырождение, разрыв с традицией, индокринируемость и ядерное оружие.

Элементарным последствием положительной обратной связи является перенаселение планеты, т.е. безграничный рост численности населения человечества. «Как отмечал Дж. Лавлок, если бы мы прислушались к доводам Мальтуса и остановили свою репродукцию тогда, то нас не настигла бы проблема, решать которую приходится сегодня»¹⁸⁹, – пишет В.Н. Шаповал. Этот безграничный рост, по мнению Лоренца, вызван благами, которое человечество приобрело в результате нарастающего познания природы и технического развития. Оно сделало все для облегчения собственных страданий, для комфортной жизни и выработало различные технические приспособления для того, чтобы предотвратить свою гибель.

В результате того, что естественный отбор перестал действовать по отношению к человеку, его численность стала неконтролируемо расти. «Ему, – подчёркивает Лоренц, – угрожает то, что почти никогда не случается с другими системами, – опасность задохнуться в самом себе»¹⁹⁰. В результате роста численности человека будут уничтожены не только негативные функции человеческого общества, но и его позитивные достижения. Лоренц отмечает, что последствие перенаселения мы особенно видим в густонаселённых цивилизованных странах и больших городах, где утрачивается человеческая близость, а остаётся только безликая людская масса. В.Г. Горшков недвусмысленно заявляет: «Причина деградации биосферы одна. Всё остальное является ее следствием. Эта причина состоит в недопустимо высокой численности людей на земном шаре»¹⁹¹. Человек пытается держаться от всего на расстоянии, и основным принципом современного человечества становится принцип

¹⁸⁹ Шаповал, В.Н. Человек XXI века перед лицом глобальной экологической катастрофы / В.Н. Шаповал // Вестник Харьковского национального ун-та им. В.Н. Каразина. – 2012. – № 45. – С 57.

¹⁹⁰ Лоренц, К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества / К. Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – С. 9.

¹⁹¹ Цит. по: Полуянов, В.П. Проблемы экологии в контексте технологической эпохи / В.П. Полуянов // Культура народов Причерноморья. — 2012. — № 231. — С. 176–178.

эмоционального дистанцирования: он старается не вовлекаться ни во что. Это приводит к повсеместному равнодушию и упрощению.

У перенаселения есть ещё одно последствие: «Из множества опытов над животными известно, что скучность усиливает внутривидовую агрессию»¹⁹², – подчеркивает Лоренц. Перенаселённое общество – это общество агрессивных людей. Как подчёркивает Е.С. Черепанова, «перенаселённость Земли серьезно усугубляет внутривидовую агрессивность человека»¹⁹³. Точно так же, как в маленьких стаях животных, у человека накапливается раздражительность от малейшего пустяка, и он перестаёт отделять важное от второстепенного, демонстрируя неадекватные реакции. В больших городах густонаселённых местностях, как отмечает Лоренц, мы наблюдаем недружелюбие и агрессивность людей по отношению друг к другу, поэтому эта проблема, которая начинается со стремления человека побороть природу, приобретает в настоящий момент времени глобальный характер.

Перенаселение земли ведет по Лоренцу к следующей проблеме, которую он называет вторым смертным грехом современного человечества, – это опустошение жизненного пространства. Закономерно, что увеличение численности людей приводит к тому, что для расселения им становятся необходимы новые территории. Они осваивают новые земли, подчиняют их себе, приспособливают для собственного обитания и таким образом наносят непоправимый вред природе.

«Формирование городов-мегаполисов столкнуло современное человечество с проблемами, имеющими глобальный характер, что приводит к экстремальным сдвигам в экосреде, к нарушению сложившихся структур общественного бытия и

¹⁹² Лоренц, К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества / К. Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – С. 10.

¹⁹³ Черепанова, Е.С. Австрийская экологическая философия: К. Лоренц и Альтернберский кружок: автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Е.С. Черепанова. - Екатеринбург, 1993. – 13 с.

в целом – к нарушению его гомеостаза в реальной и духовной сферах...»¹⁹⁴, – пишет С.В. Андреева.

В исследовании этой проблемы Лоренц обращается к биологическому понятию «биоценоз», и говорит о том, что в животном мире многие группы живут так называемыми биоценозами, которые представляют собой симбиоз нескольких видов, т.е. те виды, которые входят в биоценоз, приспособлены друг к другу, они как бы «сконструированы» так, чтобы совместно жить. Лоренц подчёркивает: «...Все организмы одного жизненного пространства приспособлены друг к другу»¹⁹⁵.

В биоценозе виды, которые живут совместно и друг к другу приспособлены, заинтересованы друг в друге, т.е. даже вид хищников заинтересован в существовании того вида, которым он питается. Обращаясь к человеку как виду и современному человеческому обществу, Лоренц отмечает, что этот феномен биоценоза находится в настоящий момент времени в критической ситуации.

В связи с ростом численности населения, среда обитания человека изменяется чрезвычайно быстро: во много раз быстрее, чем у каких либо других видов. Вызывая глубочайшие изменения в своей среде обитания, человек наносит непоправимый урон своему биоценозу. Он уничтожает те виды, которые живут с ним в симбиозе.

Такое бездумное отношение к окружающей среде, как отмечает Лоренц, свойственно только человеку современной культуры. В традиционной культуре, например, в земледельческой, крестьянин прекрасно знает, какие организмы нужны для его благополучного существования. Он никогда не истребляет животных и растения окончательно, оставляя своеобразный задел, чтобы они могли восстановиться. Как пишет А.А. Свидерский, что: «Таким образом, уничтожение природы, понимаемой как внешнее, есть разрушение внутреннего

¹⁹⁴ Андреева, С.В. Феномен досуга: история и современность / С.В. Андреева // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 344. – С. 44.

¹⁹⁵ Лоренц, К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества / К. Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – С. 11.

мира человека. К. Лоренц отмечает, что прямым следствием разрушения природы является разрушение культуры, ценностей»¹⁹⁶.

В ситуации численного разрастания населения и спешки, люди перестают задумываться над последствиями своих действий и учитывать тот факт, что ресурсы биоценоза исчерпаемы. В этом отношении, как подчёркивает Лоренц, распространена «невероятная бездумность». «Цивилизованное человечество, – указывает он, – готовит себе экологическую катастрофу, слепо и варварски опустошая окружающую и кормящую его живую природу»¹⁹⁷.

Такие действия человека, которые, казалось бы, направленные на природу, имеют ряд последствий в этической, эстетической и психологической сфере. Во-первых, человек утрачивает чувство удовольствия от сделанных им самим же творений. Он больше не наслаждается продуктами своего творчества, как не наслаждается природой. Главная причина глубокого экологического кризиса, в котором мы оказались, – не в самой по себе хозяйственной деятельности людей, а в ее масштабах, рост которых является прямым коррелятом непрерывно возрастающей численности людей¹⁹⁸.

Человеческое местообитание превращается в уродливое поселение, и Лоренц говорит о том, что современные города и деревни становятся совершенно непригодными для жизни чувств. Это только безликие дома и коробки, которые не предполагают никакой эмоциональной составляющей жизни человека. Он отмечает, что если представить себе современный город таким словно бы он виделся нам под микроскопом, то мы заметим, что он представляет собой набор унифицированных клеток: дома не отличаются друг от друга. Этому способствует современная архитектура и современная мода, которые ведут к нивелированию построек и их унификации.

¹⁹⁶ Свидерский, А.А. Человек – природа: основания ценностного отчуждения / А.А. Свидерский // Проблемы современного антропосоциального познания. – 2009. – № 7. – С. 89.

¹⁹⁷ Лоренц, К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества / К. Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – С. 14.

¹⁹⁸ Шаповал, В.Н. Человек XXI века перед лицом глобальной экологической катастрофы / В.Н. Шаповал // Вестник Харьковского национального ун-та им. В.Н. Каразина. – 2012. – № 45. – С 57.

Завоёвывая природу, человек всячески утверждает свою индивидуальность, одновременно с этим он уничтожает индивидуальность окружающего его пространства, как отмечает Лоренц, «он опустошает его». Опустошение жизненного пространства – очень важная беда современного человека. Она приводит к тому, что атрофируется не только то, что окружает его, но и то, что находится внутри него. Опустошение приводит к нарушению духовного и душевного состояния человека, неспособности воспринимать этические ценности, невосприимчивости к красоте и прекрасному.

Человек, унифицируя, уничтожая, убивая окружающее его пространство, наносит удар по самому себе, убивая свои чувства и свою душу. Сравнение с животным миром, которое проводит Лоренц, рассматривая этот грех с помощью понятия биоценоза, здесь действительно справедливо. Он отмечает, что в животном мире в случае симбиотической связи двух видов, если хищник полностью уничтожает популяцию того вида которым он питается, он сам обречён на смерть. Хищник должен приспособливаться к своей жертве, он вынужден сохранять ей жизнь для того, чтобы сохранить жизнь самому себе.

Опустошая своё жизненное пространство, человек поступает гораздо бездумнее хищника. Он уничтожает то, с чем живёт в симбиотической связи: природу, свои города, свои творения, и это неизменно приводит к тому, что он наносит удар по самому себе. В такой ситуации бездумного опустошения своего жизненного мира человек, так или иначе, обречён на опустошение самого себя.

Ещё одним феноменом, который является следствием обострения положительной обратной связи в современном человеческом обществе, является феномен, который Лоренц называет бегом наперегонки самим с собой. Исходная ситуация его появления – это ситуация видовой отбора. Так или иначе, как отмечает Лоренц, особи одного вида, вынуждены конкурировать друг с другом. Это внутривидовой отбор, который широко описан в животном мире и распространён также у человека. Как отмечает Е.С. Черепанова Е.С.: «Современное человечество постоянно пребывает в состоянии лихорадочной

гонки. Оно непрерывно соревнуется, состязается, борется со всем, забыв о том, что состязательность – это средство для достижения цели, а не сама цель»¹⁹⁹.

Ускорение жизни, ускорение времени, увеличение расстояний – это последствия внутривидового отбора. Люди конкурируют друг с другом, они соперничают друг с другом за блага и денежное вознаграждение. Это вынуждает их больше работать, добиваться большего и закономерно убыстряет темп их жизни. Человечество в итоге соревнуется с человечеством, т.е. с самим собой. В конце концов, возникает критическая точка, в которой эта положительная обратная связь, внутривидовой отбор приводит к губительным последствиям: меняется структура ценностей и облик культуры. Ценным становится только то, что позволяет опередить соперника, т.е. то, что усиливает и так безудержное течение времени. Кроме того, в этой ситуации становятся крайне распространенными ценности утилитаризма, при которых средство становится целью. Примером этого можно назвать деньги, первоначально расценивающиеся как средство, но в настоящий момент времени ставшие высшей целью для многих людей.

Другая ценность, которая в настоящий момент времени становится самостоятельной, – это время. Поскольку время помогает многое успеть, оно способствует победе, опережению конкурентов, и средство становится самостоятельной ценностью. Постоянная спешка приводит к возникновению страха. Этот страх отстать от конкурентов и не проиграть во внутривидовом отборе, страх упустить время или страх что-то не успеть движет современным человеком. Страх точно так, как усиление темпа жизни, становится самостоятельным. Лоренц отмечает: «Человек спешит, конечно, не только из алчности, никакая приманка не могла бы побудить его столь энергично вредить

¹⁹⁹ Черепанова, Е.С. Австрийская экологическая философия: К. Лоренц и Альтернберский кружок: автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Е.С. Черепанова. – Екатеринбург, 1993. – 13 с.

самому себе; спешит он потому, что его что-то *подгоняет*, а подгонять его может только страх»²⁰⁰.

Сочетание страха и спешки приводит к губительным последствиям. Основным из них Лоренц называет утрату рефлексии. Человек, становится неспособен подолгу думать о себе и подолгу оставаться наедине самим с собой. Лоренц отмечает: «С пугливой старательностью люди избегают всякой возможности подумать о себе, как будто боятся, что размышление откроет им какой-то ужасный автопортрет ...»²⁰¹.

Отсутствие рефлексии, страх и спешка приводят к нервным и психическим расстройствам, и Лоренц напоминает, что люди, которые пытаются угнаться за временем, очень рано умирают от инфаркта. Здесь его утверждение справедливо, если вспомнить о том, что сердечнососудистые заболевания в настоящий момент времени являются одной из самых распространенных причин смертности.

Лоренц напоминает, что в животном мире каждый циклический процесс с положительной обратной связью всегда приводит к губительным последствиям и рано или поздно приводит к краху самой системы. Этот процесс подкрепляет нарастание человеческих потребностей, которые и без того хорошо подкрепляются изнеженностью современного человека. Эта спешка вписывается в цикл производства и потребления, достижение желаемого приводит к новым целям и из этого процесса, порочного круга, бега человека наперегонки с самим собой, сам он уже не может выбраться.

Опустошение жизненного пространства связано с ещё одним последствием, которое Лоренц выделяет в качестве ещё одного губительного смертного греха, – это тепловая смерть чувства. Он подчёркивает, что все организмы живут и обучаются по принципу положительного или отрицательного подкрепления, которое усиливает, либо ослабляет поведение. Такое двойное подкрепление, одновременно положительное и отрицательное, способствует большей

²⁰⁰ Лоренц, К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества / К. Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – С. 18.

²⁰¹ Там же. – С. 18.

эффективности в закреплении рефлексов, т.е. организм (животное или человек), может извлекать положительные выводы одновременно из неудач и из успеха.

Это положительное и отрицательное подкрепление приводит к тому, что организм, получающий подкрепление неудачей, приучается переживать её и мириться с неудовольствием. Он пытается преодолеть это неудовольствие для того, чтобы ощутить удовольствие. Механизмы наказания и поощрения, т.е. отрицательного и положительного подкрепления, как подчёркивает Лоренц, в животном мире действует совместно. Их совместная деятельность связана с некоторыми характеристиками. Повторяющиеся много раз подкрепления утрачивают свою силу и приводят к сдвигу пороговых значений поведенческой реакции. Например, сильный стимул, который вызывает неудовольствие у животного и человека сначала приводит к возникновению отрицательных реакций, но впоследствии организм пытается приспособиться к этой постоянной ситуации неудачи, и интенсивность отрицательной реакции снижается.

Как раз этот механизм лежит в основе изменения поведения и эмоций современного человека. В настоящий момент времени в человеческом обществе разрывается связь отрицательного и положительного подкрепления. В истории, на заре цивилизации человек всегда получал и то, и другое: охотник не всегда был успешен на охоте, человеку не всегда удалось вырастить достаточный урожай. Он сталкивался не только с успехами, но и с неудачами. Эти неудачи вызывали отрицательную эмоциональную реакцию, но одновременно способствовали продвижению вперёд и достижению человеком собственных целей. Поэтому удовольствие в истории человечества, особенно на заре цивилизации, всегда было сопряжено с неудовольствием. Лоренц говорит о сочетании удовольствия и неудовольствия как о правильной и жизненно необходимой стратегии выживания.

В настоящий момент времени человечество сталкивается с привыканием и инерцией и удовольствие берет верх над неудовольствием. В этом нет ничего удивительного, Лоренц указывает, что стремление к удовольствию является естественным инстинктивным стремлением любого животного существа. Однако нарастание технологического прогресса приводит человека к опасной

изнеженности, которая, на его взгляд, может привести к гибели культуры. Технологии в настоящий момент времени позволяют человеку избегать неудовольствия. Лоренц подчёркивает: «Современный “комфорт” стал для нас чем-то само собою разумеющимся до такой степени, что мы не сознаём уже, насколько от него зависим»²⁰².

Ссылаясь на работу Лоренца «Восемь смертных грехов цивилизованного человечества», А.Я. Чижов справедливо отмечает, что «в связи с этим глобальным комплексом негативных явлений, их масштабом, актуальностью и динамизмом возникает опасность перерастания экологического кризиса в экологическую катастрофу. Результатом развития индустриального общества явилась потеря человечеством инстинкта самосохранения»²⁰³. А.Я. Чижов говорит о том, что люди так привыкли к окружающему комфорту, что просто забыли о подстерегающих их опасностях, технические победы стали неким «бронезилетом», но, в конце концов, эти победы могут обернуться не самым лучшим образом для человечества.

Следствием изнеженности и постоянного стремления к удовольствию, является развитие обострённой чувствительности ко всякой ситуации, которая вызывает неудачу или отрицательную эмоциональную реакцию. Человек, таким образом, становится чрезмерно чувствительным ко всему плохому, требует немедленного удовлетворения своих потребностей и желает испытывать только положительные эмоции. Эта потребность активно подкрепляется современными технологиями и современной промышленностью, в особенности, культурой потребления. «С исчезновением больших неудобств и тягот жизни, - указывает Е.С. Черепанова, - исчезает и великая радость. Существование человека стало монотонным, скучным и чересчур благополучным»²⁰⁴.

²⁰² Лоренц, К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества / К. Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – С. 23.

²⁰³ Чижов, А.Я. Современные проблемы экологической патологии человека / А.Я. Чижов. – Москва: РУДН, 2008. – С. 56.

²⁰⁴ Черепанова, Е.С. Австрийская экологическая философия: К. Лоренц и Альтернберский кружок: автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 09.13.00 / Е.С. Черепанова. - Екатеринбург, 1993. – 13 с.

Производители всячески поощряют человека к потреблению, к удовольствию, к счастью, его потребности движутся модой и рекламой, в которой нет места неудовольствиям. Однако в этом нарастающем удовольствии необходимо учитывать вековой физиологический механизм, который акцентирует Лоренц, и о котором мы уже говорили, – это инерция. Лоренц разъясняет: «...Преувеличенное стремление любой ценой избежать малейшего неудовольствия неизбежно влечёт за собой исчезновение определённых форм удовольствия, в основе которых лежит именно контраст»²⁰⁵. Другими словами, современный человек, стремясь получить удовольствие, утрачивает его. Чем больше он стремится к удовлетворению своих потребностей, тем меньше он способен испытывать элементарную радость. Это приводит к уплощению его эмоциональной сферы, к уплощению реакций, к утрате полноты жизни. Это Лоренц и называет тепловой смертью чувства.

Тепловая смерть чувства приводит к серости в эмоциях и серости в окружающей жизни человека, её центральное последствие – скука. В этом утверждении Лоренц не одинок, многие антропологи, психотерапевты, психологи указывают, на то, что скука является одним из центральных недугов второй половины XX века, говорят даже о неврозе скуки. Утрата радости, положительных реакций и последующая скука, наиболее заметна в основополагающем пространстве социальной жизни человека – в семье. Лоренц подчеркивает, что в настоящий момент времени мы наблюдаем уплощение отношений между родителями и детьми, между супругами, родственниками.

Родственные чувства и элементарные эмоции уходят, уступая место потребительским наслаждениям. В этой ситуации скуки и уплощения человек начинает стремиться к новым раздражениям и к новым наслаждениям, однако они приносят ему облегчение лишь на короткий промежуток времени. Вследствие этого неконтролируемо нарастает потребление, человек гонится за вещами, меняя одежду или технику, однако и это не может дать ему радости.

²⁰⁵ Лоренц, К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества / К. Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998 – С. 24.

Лоренц подчёркивает, что эта ситуация трудно преодолима: с ней очень трудно работать как на психотерапевтическом так и на социальном уровне. Сущность этой ситуации он выражает следующими словами: «Не хватает, конечно, *естественных препятствий*, преодоление которых закаляет человека навязывая ему терпимость к неудовольствию, и в случае успеха доставляет ему радость»²⁰⁶. Он указывает, в частности, на любопытные примеры из медицинской практики, когда молодые люди, которые совершили попытки суицида, оказавшиеся неуспешными и приведшие их к инвалидности, как правило, редко повторяют эти попытки. Напротив, теперь они часто говорят о том, что после этого они начинали жить нормальной жизнью, в которой было преодоление, настоящие препятствия, настоящая радость. Лоренц указывает, что вряд ли можно поставить человечество в ситуацию неудовлетворения потребностей, чтобы оно могло осознать то, что в настоящий момент времени оно привыкает к радости. Поэтому человечество само должно осознать ту культурную ситуацию, в рамках которой оно живёт и попытаться выйти из неё.

Следующей важной опасностью для современного человека Лоренц называет генетическое вырождение, и он описывает его как отсутствие всяких факторов, которые могут прикреплять и сохранять нормы социального поведения и оказывать селекционное давление на формы отклоняющегося поведения. Л.А. Яшкова рассматривает проблему генетического вырождения как одну из угроз «гибели цивилизованного человечества» и пишет: «В условиях отчуждения от своего внутреннего мира, угроза, связанная с генетическим вырождением увеличивается, поскольку врожденное чувство в отношении этих ценностей (доброты и порядочности) остается не услышанным»²⁰⁷.

В человеческом обществе всегда имеется, как и в любом виде животных нормативные и отклоняющиеся способы поведения. Лоренц придерживается нормативной концепции культуры и говорит о том, что для успешного её

²⁰⁶ Лоренц, К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества / К. Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998– С. 25.

²⁰⁷ Яшкова, Л.А. Упрощение как сущностная характеристика современного человека и угроза гибели / Л.А. Яшкова // Омский научный вестник. – 2009. – № 6. – С. 108–111.

развития доминировать должны именно среднестатистические традиционные нормативные формы. Однако в современной культуре он видит множественные процессы нарушения передачи социальных норм. Истоки этой ситуации он находит в ранних годах жизни человека и в его семье.

Лоренц подчеркивает тот факт, что в настоящий момент времени, когда утрачиваются связи между матерью и ребёнком, он не получает образца для подражания, поэтому он не подчиняется традиции. Традиция в современной культуре становится чрезвычайно слаба, поэтому традиции начинают соперничать с личностным развитием. Лоренц прекрасно осознаёт опасность собственных утверждений. Он помнит, что совсем недавно человечество столкнулось с последствиями такой нормативной концепции, и говорит о том, что всякая крайняя точка в колебании маятника «нормативность / индивидуальность», приводит к губительным следствиям для человечества. Он пишет: «На противоположном конце, где маятник находился, не так уж давно, были Эйхман и Освенцим, эвтаназия, расовая ненависть, уничтожение народов и суд Линча. Мы должны понять, что по обе стороны точки, где остановился бы маятник, если бы когда-нибудь пришёл в равновесие, *стоят подлинные ценности*: “слева” – ценность свободного развития личности, “справа” – ценность общественного и культурного здоровья»²⁰⁸.

Лоренц указывает, что любая сторона этого маятника не несёт для человечества пользы, и описывает эту ситуацию как порочный круг. Он подчёркивает: «Один из многих парадоксов, в которых запуталось цивилизованное человечество, состоит в том, что требование человечности по отношению к личности опять вступило здесь в противоречие с интересами человечества»²⁰⁹. Таким образом, в настоящий момент времени, по мнению Лоренца, человечество стало перед выбором либо терпимого отношения к личности и признания полного равноправия, либо пути разумной нормативности,

²⁰⁸ Лоренц, К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества / К. Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998.– С. 30.

²⁰⁹ Лоренц, К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества / К. Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998.– С. 31 .

а не отсеивания ненормативных форм поведения. Лоренц же описывает современное общество как общество абсолютной терпимости, в котором нет места естественному правовому чувству.

Это естественное правовое чувство, или чувство естественной нормативности, Лоренц называет «человеческим инстинктом» и говорит о том, что в любом виде, все особи которого так или иначе демонстрируют агрессивное или ненормативное поведение к представителям своего же вида или своей же группы, вытесняются за её пределы. Истоки этой ситуации Лоренц описывает, прибегая к сравнению человека и животного. Он говорит о том, что в животном мире, в ситуации одомашнивания, т.е. когда дикие животные становятся домашними, часто наступает разложение форм группового нормативного поведения и прекращается видовой отбор. У человека он это явление связывает с тем, что в психологии и социологии описывается термином «госпитализм», т.е. с отлучением ребёнка от матери и разрывом традиционных культурных семейных связей.

Всякое выпадение унаследованного инстинкта, даже если мы говорим о человеке, по Лоренцу, очень опасно, и может привести к гибели социальной группы, в которую он включён. Эта проблема называется Лоренцем одной из самых сложных проблем. Он говорит о том, что мы должны сохранить терпимость и одновременно с этим сохранить культуру: «Мы должны научиться соединять пронизательную гуманность по отношению к индивиду с учётом того, что нужно человеческому сообществу. Отдельный человек, у которого выпали некоторые способы социального поведения и вместе с тем нарушена способность к сопровождающим их чувствам, вполне заслуживает нашего сострадания; это и в самом деле несчастный больной. Но само по себе выпадение – *просто зло*»²¹⁰. Таким образом, Лоренц говорит о сострадании к человеку при одновременном осознании губительности его недуга. Только при осознании этой ситуации, как

²¹⁰ Лоренц, К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества / К. Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – С. 35.

подчёркивает Лоренц, человечество может нащупать необходимую форму отношения к отклонению.

Седьмой проблемой человечества Лоренц называет разрыв с традицией. Он связывает его с особенностями культуры, в частности с её чрезвычайно быстрым развитием, т.е. связывает эту проблему со всеми остальными. Развитие культуры, на его взгляд, невозможно без её обновления, но если общество и культура развиваются стремительно, то это обновление происходит чрезвычайно быстро, и поколение родителей и детей, внуков и дедов оказываются слишком оторванными друг от друга. Процессы, посредством которых культура обновляется, так или иначе, несут потенциальную угрозу. Культура сохраняется только путём традиции, т.е. путём постепенного накопления и поддержания норм и знаний. Если же она быстро обновляется, то может погибнуть.

Лоренц отмечает, что мы не можем понять, какие именно элементы культуры окажутся важными для следующих поколений, а какие из них уйдут в прошлое. Без комплексных специальных исследований, без пристального исследования самой структуры культуры мы не можем сказать, что культура должна сейчас отбросить, а что должна сохранить, поэтому мы и не можем оценить, насколько правомерен бунт нынешней молодёжи, а Лоренц подчёркивает, что бунт этот имеет место: «Революцией современной молодёжи движет *ненависть*, и притом ненависть особого рода, ближе всего стоящая к *национальной ненависти*, опаснейшему и упорнейшему из всех ненавистнических чувств. Иными словами, бунтующая молодёжь реагирует на старшее поколение так же, как некоторая культурная или “этническая” группа реагирует на чужую группу, враждебную ей»²¹¹.

Нормы культуры, которые закрепляются в ходе традиции, одновременно и сохраняют культуру, и, в случае молодёжного бунта, разделяют целые поколения, поскольку новое поколение выступает против старого, отрицая эти устоявшиеся нормы. Это отрицание выражаются в различных внешних признаках: в частности,

²¹¹ ²¹¹ Лоренц, К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества / К. Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998.– С. 38.

в другой одежде, интересах, нормах поведения: молодёжь одевается по-другому, она слушает другую музыку и ведёт себя совершенно иначе, чем старшее поколение.

Старшее поколение при этом понимает, что молодёжный бунт является необходимым этапом взросления, однако в настоящий момент времени, по мнению Лоренца, он принимает затяжной характер: «Тот факт, что нынешнее младшее поколение, несомненно, начинает рассматривать старшее как чужой псевдовид, вызывает глубокое беспокойство»²¹². Старшее поколение воспринимает этот протест как направленный на их личные качества, но Лоренц предлагает видеть в нём культурное явление: не просто признак обновления культуры, но признак именно разрыва традиции. При обычном культурном обновлении молодёжный бунт просто делает традицию менее жёсткой, он смягчает закреплённые формы поведения. В современной ситуации он сопряжён с полным отрывом от этой традиции.

При обычном обновлении культуры протест сменяется вниманием и любовью к культурному наследию, на смену нему приходит усвоение тех культурных норм, против которых протестовали, в настоящий же момент времени этого не наблюдается, и отрицание ценностей в молодёжной культуре существует только ради самого этого отрицания.

Лоренц видит этому явлению две причины. В качестве первой он называет изменение приспособительных изменений культурного наследия. В настоящее время это изменение происходит чрезвычайно быстро, развитие техники стимулирует постоянное обновление стереотипов поведения и отрывает молодое поколение от старшего. Второй причиной он называет трансформацию семьи и её структуры, которая, опять-таки, связана с развитием техники. Рассматривая проблему технической цивилизации у Лоренца, Н.Д. Лепская пишет, что «началом изменения человечества является сам человек, а развитие и самосовершенствование всех его качеств и способностей – условие выживания человечества. Самое важное для перехода к такому развитию – решение

²¹² Там же. – С. 39.

проблемы изменения человеческих ценностей. Восстановить нарушенный баланс между обществом и природой возможно при изменении самого образа жизни человека»²¹³. С этим нельзя не согласиться.

Связи между родителями и детьми в современном мире ослабляются, поскольку мать не может посвятить много времени ребёнку, следовательно, она не формирует с ним тёплые отношения, и он отделяется от неё на этапе младенчества и раннего детства. Кроме того, вследствие этого не формируется ранговая структура семьи, ранговые отношения к старшему поколению, и оно перестаёт восприниматься как ценность и идеал. У молодёжи отсутствует образец матери и образец отца, а без образца усвоение культурной традиции невозможно.

Второй причиной Лоренц называет этическое уплощение культуры. Культура становится массовой, она опустошает природу, способствует невниманию к ценностям, погоне за деньгами, и таким образом традиционные ценности оказываются под угрозой. Молодёжь объединяется, и основной характеристикой этой группы становится агрессивность по отношению к старой группе, несущей традиционную культуру. Здесь Лоренц вспоминает свои этолого-психологические исследования агрессии: он говорит о том, что ненависть не продуктивна, она ослепляет, оглушает и отделяет поколение молодёжи от старшего поколения. Поэтому он предлагает переоценить современную культуру с целью установления более прочных связей между поколениями, с целью обращения к ранговой структуре семьи и восстановления её традиционной функции.

С бунтом современной молодёжи Лоренц связывает ещё одну очень важную черту современного общества – индокринируемость. Индокринируемость – это увлечённость доктриной, подчиненность человека ложным идеям, ложным ценностям, которые диктуются обществу массовой культурой или каким-либо политическим лидером. Лоренц подчёркивает, что современный человек

²¹³ Лепская, Н.Д. Проблема трансформации современных представлений о взаимоотношениях человека и среды в информационном обществе / Н.Д. Лепская // Экологический вестник. – 2013. – №4 (26). – С. 72.

становится уязвленным по отношению к завоёвывающей его масштабной культуре.

В обычной жизни, в науке, в обществе человек склонен проверять ту информацию, которая поступает к нему извне. В жизни мы проверяем утверждения на практике, в науке – в ходе экспериментов, однако индокринируемость характеризует такое поведение человека, когда он полностью полагается на то, что ему говорят, воспринимает всю внешнюю информацию некритично и следует ей. Индокринируемости способствует развитие массовой культуры, многочисленных газет, радио, телевидения. «Доктрину, – подчёркивает Лоренц, – защищают с тем же упорством, с той же горячностью, какие были бы уместны, если бы надо было спасти от гибели испытанную мудрость, просветлённое отбором знание старой культуры»²¹⁴.

Лоренц указывает на примеры индокринируемости в науке (в частности, на увлечённость различными теориями), а также в обычной жизни людей. В индокринируемой культуре ценится только массовость, индивидуальность оказывается за рамками того, что одобряется и приветствуется. Этот феномен мы можем увидеть на примере моды, в рамках которой возникает универсальный стиль одежды, культуры, который формирует массовые предпочтения.

Несомненно, эти процессы оказывают, как отмечает Лоренц, консервативное влияние на культуру и поддерживает её укрепление. В противоположность предыдущей проблеме, разрыву с традицией, индокринируемость способствует сохранению культуры, но одновременно она уничтожает индивидуальность, таким образом, являясь вторым фактором, который может нанести культуре непоправимый ущерб.

В качестве примера этого явления в науке Лоренц называет увлечённость физикой, и говорит о том, что в настоящий момент времени все науки начинают ориентироваться на физику, использовать её методы, прибегать к её понятиям, физика становится идеалом научного знания. Таким образом, на второй план

²¹⁴ Лоренц, К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества / К. Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – С. 49.

уходят все другие науки, и из науки уходит многообразие методов и концептуального аппарата. Он не желает принижать авторитет физики, но при этом, указывает на тот факт, что её принципы неприменимы к исследованию человека. Он подчёркивает: «Наиболее вредное воздействие нынешней научной моды происходит однако, оттого, что она, точь-в-точь как мода на одежду или автомобили, создаёт символы статуса...»²¹⁵. Это стремление к статусу приводит и к развитию обобщённых теорий, поскольку общепринятым становится мнение о том, что научное исследование тем ценнее, чем больше обобщений оно содержит. Исследование на низшем уровне функционирования организма или системы считается слишком мелким.

Это способствует тому, что науки уходят от познания человека, они не способствуют его самопознанию. Он гонится за измерением, экспериментом, но не может познать себя в своей целостности. Как пишет С.Е. Салова: «Человечеству, считал К. Лоренц, необходимо вырваться из цепей демагогии и потребительства, но это невозможно, если не сделать следующий шаг – перейти к самопознанию, свободных от ложных догм; сделать это знание нормой жизни познающего субъекта»²¹⁶.

Индокринируемость не способствует гуманизации науки и общества. Лоренц заключает, что индокринируемость может выбить у человека опору из-под ног, может расшатать и так без того расшатанную культуру, и усугубить все приобретённые проблемы. Перенаселение и так не способствует индивидуализации, отчуждение природы приводит к потере корней, бег человека наперегонки с самим собой способствует утрате его связей со своим внутренним миром. Индокринируемость становится критической точкой в этом губительном процессе.

В последнюю очередь Лоренц рассматривает самый опасный и одновременно легко преодолимый грех цивилизованного человечества –

²¹⁵ Лоренц, К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества / К. Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – С. 56.

²¹⁶ Салова, С.Е. Эволюционная эпистемология Конрада Лоренца: автореф. дисс. ... к. филос. наук: 09.00.01 / С.Е. Салова. – М., 2007. – 10 с.

использование ядерного оружия. Он подчёркивает: «В отношении несбрасывания атомной бомбы я настроен более оптимистично, чем относительно семи других смертных грехов»²¹⁷. Этой беды, по его мнению, легче всего избежать: нужно просто прекратить гонку вооружений и контролировать имеющееся оружие. Эта ситуация, в отличие от семи других, не настолько противоречива. Она имеет весьма однозначные ответы и поэтому, по мнению Лоренца, может быть очень легко решаемая. Единственное последствие, к которому она приводит, – страх перед скорым концом света, который, как считает Лоренц, создаёт специфическое настроение конца света, способствующее развитию у человека инфантильности, стремления к чрезмерному удовлетворению своих потребностей.

Таким образом, Лоренц не предлагает каких-то чётких мер по решению наиболее насущных проблем человечества, он подробно разъясняет их, вскрывает их истоки и указывает на тот факт, что исследования животного мира помогают понять, каким образом этих проблем можно будет избежать в дальнейшем. Человек должен не предотвратить эти проблемы, он должен решить их. По мнению Лоренца, человек должен иметь своё собственное сознание, он должен понять, что является частью животного мира, но отличающимся от животного царства видом, и, поняв это, он начнёт строить жизнь по-другому. Эта жизнь будет жизнью в гармонии с природой, жизнью в гармонии человека с человеком, и все проблемы, которые описывает Лоренц, по его мнению, постепенно потеряют свою актуальность.

Реализация стратегий системного анализа, междисциплинарного подхода, и сравнительного исследования помогает Лоренцу выстроить такую перспективу, в которой можно увидеть истоки современных проблем человечества и описать современную ситуацию человека в культуре. Возникающие на современном этапе проблемы оказываются следствием нарушения функционирования общества как системы, ее гомеостаза и ослабления приспособительных реакций человека: в последнее столетие среда настолько быстро изменяется, что человек не в

²¹⁷ Лоренц, К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества / К. Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – С. 58.

состоянии приспособиться к этим трансформациям. Это Лоренц и обозначает понятием «отрицательная обратная связь»: чем больше человек пытается совладать с ситуацией, в которой оказался, тем больше усугубляет свое положение. Выходом, как показывает Лоренц, здесь может быть только вдумчивая переоценка целей, анализ возможных путей компенсации и постепенное приспособление.

На основании сравнительного анализа Лоренц показывает, что многие разрушительные для современного человека и современной культуры феномены являются следствием нарушения естественных механизмов приспособления к среде. Следовательно, переоценка целей и ценностей и выработка путей компенсации кризиса человека, культуры и общества, по его убеждению, возможно лишь в сотрудничестве гуманитариев и естественников, на основании комплексного междисциплинарного исследования истоков проблем и путей приспособления в сложившейся ситуации.

Заключение

Антропология Конрада Лоренца, как показала наша работа, является выражением развития свойственных науке XX века междисциплинарных тенденций. Системный анализ и сравнительная перспектива способствует связыванию дисциплинарных пространств биологии (этологи) и философии (философской антропологии). Лоренц развивает полноценную теорию человека.

Этот основной вывод диссертации раскрывается в *полученных результатах*:

1. Проведено контекстное исследование критической литературы, затрагивающей антропологию Лоренца. На основании изученной критической литературы, касающейся как непосредственно самой мысли Лоренца, так и использующей его работы для исследования разнообразной философской проблематики, можно сказать, что работы и идеи Лоренца привлекаются в основном благодаря тому, что они выстраивают ту междисциплинарную, сравнительную перспективу, которую мы назвали основной характеристикой его теории.

2. Показана преемственность идей Лоренца в контексте немецкой антропологической и культурфилософской рефлексии. Обосновано утверждение о том, что проблема сравнения человека и животного является одной из центральных проблем немецкой философской антропологии начала XX века. Представители антропологии – М. Шелер, А. Гелен, Х. Плеснер – сформулировали свои варианты ее осмысления, но для всех них само сопоставление становится продуктивной стратегией антропологического исследования. Такой же продуктивной стратегией, как мы показали, оно является и для культурфилософских поисков О. Шпенглера и К. Ясперса.

3. Продемонстрировано, что антропология Лоренца является одновременно этологической программой и философской теорией. Выделены те черты, которые объединяют идеи Лоренца с этологией (объективизм, описательная установка, сравнительный метод, структурно-динамический подход), однако отмечено, что в своих основных проблемных пространствах Лоренц выходит далеко за её границы и ставит философский по своей направленности вопрос о человеке.

4. Выделены основные методологические установки сравнительной антропологии Лоренца, в качестве которых названы: эволюционизм, детерминизм, объективизм. Установлено, что в различных антропологических пространствах эти установки получают реализацию, определяя исследовательские приемы. Определены центральные методологические стратегии Лоренца: системный анализ, междисциплинарный подход, сравнительный анализ по гомологии и аналогии.

5. Проанализированы идеи Лоренца, касающиеся природы человеческого познания и сознания, отличительных особенностей человека в его сопоставлении с животными, идеи об особенностях природы человека как агрессивного существа и механизмах его агрессивного поведения, формообразующих основаниях культуры, особенностях функционирования общества и его современных проблемах.

Лоренц рассматривает проблему человека, следуя *стратегии системного анализа*. Приоритетные для него проблемные пространства соответствуют различным уровням антропологического анализа: 1) пространство исследования познания и его особенностей – уровню установлению предпосылок, 2) изучения агрессии – уровню рефлексии внутриличностной организации человека, 3) анализ культуры – интра-личностному уровню исследования оснований существования человека в группе, 4) изучение современных проблем человечества – уровню определения его актуальной ситуации и будущих возможностей. Тем самым, мысль Лоренца охватывает перспективу от прошлого к будущему человечества, от предпосылок до будущих альтернатив, т.е. сравнительную антропологическую перспективу.

Каждый из уровней антропологического исследования так же выстраивается, исходя из системного анализа. При обращении к человеческому сознанию и познанию Лоренц представляет их как систему обладания и передачи информации, а саму способность хранить информацию вне носителя называет основным отличительным свойством человека. Оно, по его мнению, формирует основания для появления у человека духовного мира и духовной культуры.

Исследуя феномен агрессивности, Лоренц определяет его как отрицательное системное качество человека, которое определяет все его поведение. Он изучает разные уровни и формы агрессивного поведения, связывая их с иерархической структурой социальной группы.

Системный анализ культуры Лоренц развивает на уровне человека и его положения в семье, взросления, воспитания и обучения. За ним идет уровень социальной группы, на котором культура рассматривается как совокупность социальных ритуалов. Далее особое внимание Лоренц уделяет культуре как традиции, исследуя взаимодействие культур. Завершает анализ культур уровень общества как целостной системы. Общество, по мнению Лоренца, обладает системным качеством гомеостаза, воздействуя на все негативные изменения по принципу положительной и отрицательной обратной связи. Современные проблемы человечества – это следствие нарушения функционирования общества как системы.

Междисциплинарный подход обеспечивает основания анализа когнитивной и эмоциональной сферы, культурной и социальной организации. Антропологические идеи Лоренца реализуют принцип единства природы и культуры, и построены на возможности перенесения законов эволюции на мир человека и культуры. Первоначальной основой идей Лоренца является описание поведения животных. Это метод, характерный для этологии. Многие его работы содержат многочисленные примеры этологических описаний. Однако он не останавливается на этом этапе и посредством философского обобщения восходит к антропологической теории.

В исследовании сознания и познания человека междисциплинарный подход реализуется в исследовании эволюционных предпосылок духовной жизни. Духовная жизнь и духовная культура оцениваются Лоренцем как эволюционные достижения человека. Они развиваются в процессе приспособления к условиям обитания. С эволюционной точки зрения Лоренц понимает и эмоциональную жизнь человека, которая определяется инстинктом агрессии. Только он представляет этот инстинкт как основание социального поведения человека.

В изучении культуры и обществ Лоренц подчеркивает, что культура рядоположна природе, и даже высокая культура является фульгурацией, системным эволюционным событием. Параллелизм культуры и природы позволяет ему даже говорить о филогенезе животных и культур. Нарушением филогенеза являются для него современные проблемы человечества.

Лоренц не просто трактует человека и культуру с биологизаторских позиций, но пытается совместить этологический подход с философско-антропологическим. В этом междисциплинарность его теории. Антропологические идеи Лоренца перестают быть разрозненными идеями ученого-биолога и складываются в целостную философско-антропологическую теорию, основным вопросом которой становится вопрос о статусе человека и перспективах его дальнейшего развития – центральный вопрос всей антропологической мысли.

Стратегия сравнительного анализа по аналогии и гомологии просматривается как в самом методе сравнения сознания и поведения человека с таковыми у животных, так и в используемых Лоренцом понятиях. Во всех пространствах своей антропологической мысли Лоренц использует метод сравнения.

Сравнение по аналогии приводит к установлению параллелей в жизни животных и человека (сравнение игры у человека и животных, форм агрессивного поведения, механизмов развития культуры и формирования видов, роли скученности в нарастании агрессивности у животных и в современном обществе и т.д., ситуации видového отбора со стремлением успеть все у современного человека). Оно способствует подтверждению эволюционных идей Лоренца и отражает характерных для его идей принцип эволюционизма.

Сравнение по гомологии, направленное на вскрытие общего основания поведения, заставляет Лоренца использовать понятия из биологии для толкования явления человеческой жизни. Это такие понятия, как «гомеостаз», «псевдотаксис», «доместификация» и проч.

Активное использование сравнительного анализа способствует формированию сравнительной перспективы антропологических идей Лоренца, поэтому их и можно назвать сравнительной антропологией.

Проделанный анализ позволяет сформулировать *перспективные направления дальнейшего исследования* сравнительной антропологии Лоренца:

- исследование его гносеологической программы и её сопоставление с современными нейропсихологическими исследованиями;
- контекстуальный анализ влияния работ Лоренца на развитие философско-антропологической мысли XX века;
- сравнительные исследования методологических стратегий Лоренца и потенциала их использования в философии, психологии, антропологии;
- анализ культурфилософских и социально-философских представлений Лоренца в контексте современной социальной теории.

Намеченные направления помогают сделать вывод о междисциплинарной значимости антропологии Лоренца. Его выводы играют важную роль в осмыслении природы человека, особенностей его познания, для исследования статуса современных культурных феноменов, для прояснения механизмов функционирования современного общества и анализа его структуры.

Работы Лоренца дают широкую перспективу, которая может быть использована в философско-антропологических, философско-культурных, гносеологических, социально-философских исследованиях и др. Эта широкая перспектива связана, таким образом, с теми методологическими установками, которые лежат в основе его исследований.

Таким образом, акцентированный аспект антропологических идей Лоренца позволяет не только понять сущность его теории, но и прояснить её прогностическую ценность. Такая попытка была предпринята в данной работе.

Библиография

1. Агапов, П.В. Агрессия: историко-теоретические традиции / П.В. Агапов // Социология. – 2008. – №1. С. 74–83.
2. Агапов, П. В. Социальная агрессия: традиции исследования проблемы: (от К. Лоренца к Э. Фромму) / П. В. Агапов // Личность. Культура. Общество. – 2008. – Т. 10. вып. 5–6. – С. 418–425.
3. Агапов, П.В. Философская традиция социокультурного психоанализа исследования агрессии человека / П.В. Агапов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2013. № 1. – С. 62–68.
4. Алексеенкова, Е.С. О когнитивной природе власти (или о том, как соотносятся власть и демократия) / Е.С. Алексеенкова // Полития. – 2007. – № 4 (43). – С. 6–21.
5. Андреева, С.В. Феномен досуга: история и современность / С.В. Андреева // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 344. – С. 42-45.
6. Афонасьева, О.В., Завьялова, Ю.А. Экологическое сознание и эволюция мировоззренческих аспектов взаимодействия общества и природы / О.В. Афонасьева // Экологизация жизни и проблемы формирования экологического сознания современного человека. ТюмГУ. – Ишим. Ч 1. – 2011. – 278 с.
7. Басс, А.Г. Психология агрессии / А.Г. Басс // Вопросы психологии. – 1967. – № 3. – С. 60–67.
8. Белоус, Н.А. К вопросу о структурной организации конфликтного дискурса / Н.А. Белоус // Вестник Московского государственного областного университета. – 2008. – №2. Т 2. – С. 19–26.
9. Берковиц, Л. Агрессия: причины, последствия и контроль / Л. Берковиц. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2001. – 512 с.
10. Бутовская, М.Л. Этология человека: история возникновения и современные проблемы исследования / М.Л. Бутовская // Этологии человека на пороге XXI века. – М., Старый Сад, 1999. – С. 5–71.
11. Вульф, К. Антропология: История, культура, философия / К. Вульф; Пер. Г. Хайдаровой. – СПб.: СПбГУ, 2007. – 269 с.

12. Гаджикурбанов, А.Г. Философская антропология Хельмута Плеснера / А.Г. Гаджикурбанов // Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 315–346.
13. Гелен, А. О систематике антропологии / А. Гелен // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. И послеслов. П.С. Гуревича; Общ. Ред. Ю.Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988.– С.152–201.
14. Гелен, А. Образ человека в свете современной антропологии / А. Гелен; пер. с нем. А.Н. Портнова. – 2007. – Вып. 3 (37). – С. 37–51.
15. Гишинский, Я.И. Социальное насилие: монография / Я.И. Гишинский. – СПб.: Алеф-Пресс, 2013. – 185 с.
16. Гирц, К. Интерпретация культур / К. Гирц; пер.с англ. – М.: РОССПЭН, 2004. – 560 с.
17. Голик, Н.В. Экологическая эстетика: предварительные итоги / Н.В. Голик // *Studia culturae*. – 2013. – № 15. – С. 12–16.
18. Горохов, С.А. Концепция когнитивной эволюции К. Лоренца: основные положения и мировоззренческое значение / С.А. Горохов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 3 (53). – С. 35–39.
19. Горохов, С.А. Философский анализ этологии Конрада Лоренца: автореф. дис. ...канд. филос. наук: 09.00.08 / С.А. Горохов. – М.: 2003. – 16 с.
20. Гороховская, Е.А. И.П. Павлов и К. Лоренц / Е.А. Гороховская // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. – 2000. – Т. 50. – № 1. – С. 158–162.
21. Гороховская, Е.А. Гусиный отец / Е.А. Гороховская // *Природа*. – 2004. – № 3. – С. 63–100.
22. Гороховская, Е.А. Жизнь в Советском плену и две версии «Русской рукописи» Конрада Лоренца / Е.А. Гороховская // Вопросы истории естествознания и техники. – 2001. – № 3. – С. 529–559.

23. Гороховская, Е.А. К. Лоренц о проблеме души и тела в «Русской рукописи» / Е.А. Гороховская // Труды XX годичной конференции Института естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – С. 422–425.
24. Гороховская, Е.А. «Гусиный отец»: (К 100- летию со дня рождения основателя этологии Конрад Лоренц) / Е.А. Гороховская // Природа. – 2004. – № 3. – С. 60–67.
25. Гороховская, Е.А. Споры вокруг этологии человека: конфликт и взаимодействие биологического и гуманитарного подходов / Е.А. Гороховская; Общ. Ред. М.Л. Бутовской. – Москва: Старый сад, 1999. – С. 72–96 .
26. Гороховская, Е.А. Субъективный мир животных и объективная этология Конрада Лоренца / Е.А. Гороховская // Зоологический журнал. – 2005. – № 1. – Т. 84. – С. 124–133.
27. Гороховская, Е.А. Этология: рождение научной дисциплины / Е.А. Гороховская. – СПб.: Алетейя, 2001. – 223 с.
28. Губин, В.Д. Некрасова, Е.Н. Философская антропология / В.Д. Губин. – М.: Университетская книга, 2000. – 227 с.
29. Дарвин, Ч. Происхождение человека и половой отбор / Ч. Дарвин. – М.: АН СССР, 1953. – 1040 с.
30. Денисов, С.Ф., Денисова, Л.В. Человеческое и животное в человеке / С.Ф. Денисов. – Омск: Омск. гос. пед. ун-т, 1995. – 184 с.
31. Дерягина, М.А, Бутовская М.Л. Этология приматов / М.А. Дерягина. – М.: МГУ, 1992. – 192 с.
32. Дерягина, М.А. Эволюционная антропология: биологические и культурные аспекты / М.А. Дерягина. – М.: УРАО, – 1999. – 208 с.
33. Дольник, В.Р. Этологические экскурсии по запретным садам гуманитариев / В.Р. Дольник // Природа. – 1993. – № 1. – С. 32–40.
34. Дольник, В.Р. Непослушное дитя биосферы: Беседы о человеке в компании птиц и зверей / В.Р. Дольник. – СПб.: Петроглиф, 2009. – 352 с.

35. Дьюсбери, Д. Поведение животных. Сравнительные аспекты / Д. Дьюсбери. – М.: Мир, 1981. – 480 с.
36. Зорина, З.А., И.И. Полетаева, Ж.И. Резникова. Основы этологии и генетики поведения. / З.А. Зорина. – М.: Высшая школа, 2002. – 377 с.
37. Игамбердиев, А.У. Логика организации живых систем / У.А. Игамбердиев // Воронеж. гос. ун-т, 1995. – 152 с.
38. Игнатъев, В.А. История и философии биологии: Познание организации и эволюции форм жизни / В.А. Игнатъев // Рязань: Ряз. гос.ун-т им. С.А.Есенина, 2009. – 476 с.
39. Кавтарадзе, С.Д. Архетипы войны: насилие, бессознательное и борьба за базовые потребности / С.Д. Кавтарадзе // Историческая психология и социология истории. – 2012. – № 1.– Т. 5 – С. 8–24.
40. Каменев, А.С. Синергетические аспекты эволюционной эпистемологии (Биоэпистемология Конрада Лоренца в контексте дисциплин «Концепция современного естествознания» и «История и методология естествознания») / А.С. Каменев // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Естественные науки. – 2014. – № 4 (16). – С. 64–75.
41. Карпинская, Р.С., Никольский С.А. Социобиология: Критический анализ / Р.С. Карпинская. – М.: Просвет, 1988. – 195 с.
42. Кезин, А.В. Натуралистические подходы в эпистемологии XX века / А.В. Кезин. М.: ИНИОН, 2006. – 100 с.
43. Клопыжникова, А.А Ритуал как кодификация обряда / А.А. Клопыжникова // Аналитика культурологии. – 2008. – № 2 – (11).
44. Князева, Е.Н. Eco-Evo-Devo-Perspective: Новые возможности междисциплинарного синтеза знания / Е.Н. Князева // Сложные системы. – 2014. – № 3 (12). – С. 13–32.
45. Козырев, Г.И «Враг», (образ врага) в общественных и политических отношениях / Г.И. Козырев // Социологические исследования. – 2008. – № 1. – С. 112–121.

46. Копцева, Н.П., Сертакова, Е.А.К вопросу о методологической стратегии современной урбанистической антропологии / Н.П. Копцева // Гуманитарные и социальные науки. – 2015. № 1. С.103-120.
47. Крушинский, Л.В. Записки московского биолога. Загадки поведения животных / Л.В. Крушинский. М.: Языки славянской культуры, 2006. – 500с.
48. Кузнецов, Н.А., Баксаковский О.Е., Гречишкина Н.А. Происхождение знания: истоки и основания. / Н.А. Кузнецов// Информационные процессы. – 2007. – Том 7. – № 1. – С. 72–92.
49. Ларионова, А.С. Основные компоненты реальной и нереальной коммуникации / А.С. Ларионова // Вестник Московского государственного областного университета. – 2008. – № 3. – С. 8–13.
50. Левитов, Н.Д. Психическое состояние агрессии / Н.Д. Левитов // Вопросы психологии. – 1972. – № 6. – С. 168–173.
51. Лепская, Н.Д. Проблема трансформации современных представлений о взаимоотношениях человека и среды в информационном обществе / Н.Д. Лепская // Экологический вестник. – 2013. – № 4 (26). – С. 69–74.
52. Линден, Ю. Обезьяны, человек и язык / Ю. Линден; пер. с англ. Е.П. Кирюковой. – М.: Мир, 1981. – 272 с.
53. Лоренц, К. Агрессия (Так называемое «зло») / К. Лоренц; пер. с нем. Г.Ф. Швейника. – М.: Амфора, 2001. – 349 с.
54. Лоренц, К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества / К. Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – 493 с.
55. Лоренц, К. Врожденный запрет братоубийства / К. Лоренц // Диалоги продолжаются. – М.: 1989. – С. 99–106.
56. Лоренц, К. Кольцо царя Соломона / К. Лоренц; пер. с англ. Е.Н. Панов. – М.: Знание, 1978. – 208 с.
57. Лоренц, К. Нобелевская речь / К. Лоренц // Деловая слава России. – 2013. – № 1 (39). – С. 54–58.
58. Лоренц, К. Обратная сторона зеркала. / К.Лоренц; пер. с англ. А.В. Гладкого. – М.: Республика, 1998. – 493 с.

59. Лоренц, К. Преодоление зла / К. Лоренц // Знание и сила. – 1990. – № 8. – С. 59–67.
60. Лоренц, К. Что такое сравнительная этология? / К. Лоренц; пер. с англ. Е.А. Гороховской. Природа. – 2004. – № 3. – С. 67–70.
61. Лоренц, К. Эволюция и априори / К. Лоренц // Вестник Московского гос. ун-та. – Серия 7. – Философия. – 1994. – № 5. – С. 11–17.
62. Лоренц К. Кантовская доктрина априори в свете современной биологии / К. Лоренц // Человек – 1997. – № 5. – С. 19–37.
63. Малькова, Т.П., Богомолова, Т.В. Человек. Общество. Культура. (Введение в историю мировых цивилизаций) / Т.П. Мальковой. – М.: Ин-тут инфраструктуры предпринимательства, 2012. – С. 127.
64. Марков, Б.В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры / Б.В. Марков. – СПб.: Алетейя, 1999. С. 229–234.
65. Марков, Б.В. Философская антропология. Очерки истории и теории / Б.В. Марков. – СПб.: Лань, 1997. – 384 с.
66. Марфенин, Н.Н. Экология и этика / Н.Н. Марфенин // Россия в окружающем мире (аналитический ежегодник). М.: МНЭПУ, АВАНТ, 2008. – С. 166–185.
67. Мельник, Н.Б., Чернявина, Н.А. От «импринтинга» к «естественному родителству»: Конрад Лоренц и его влияние на идеологии материнства в XX в. / Н.Б. Мельник // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3 «Общественные науки». – 2015. Т. 137. – № 1. – С. 44–59.
68. Меннинг, О. Поведение животных. Вводный курс. / О. Меннинг; пер. с англ. З.А Зориной., И.И Полетаевой. – М.: Мир, 1982. – 360 с.
69. Меркулов, И.П. Взаимосвязь биологической и культурной эволюции / И.П. Меркулов // Биология и культура. – М.: Канон + , 2004. – С. 288– 317.
70. Меркулов, И.П. Когнитивная революция / И.П. Меркулов. М.: РОССПЭН, 1999. – 309 с.
71. Меркулов, И.П. Эволюционная эпистемология: проблемы, перспективы / И.П. Меркулов. – М.: РОССПЭН, 1996. – 194 с.

72. Назаретян, А.П. Нелинейное будущее / А.П. Назаретян. – М.: МБА, 2013. – 440 с.
73. Назаретян, А.П. От будущего – к прошлому (Размышление о методе) / А.П. Назаретян // Общественные науки и современность. – 2000. – № 3. – С. 142–150.
74. Назаретян, А.П. Антропогенные кризисы и эволюция ненасилия / А.П. Назаретян // Философские науки. – 2004. – № 7. – С. 5–33.
75. Никитина, В. Д. Онтологические основания научного знания в контексте эволюционной эпистемологии / В. Д. Никитина // Молодой ученый. – 2014. – № 9. – С. 444–446.
76. Никольский, С.А. Социология – биосоциология человека / С.А. Никольский. М.: Наука, 1986. – 182 с.
77. Никулина, О.В. Философская антропология в Германии: И. Кант, А. Шопенгауэр, Л. Фейербах, М. Шелер / О.В. Никулина. – Нижневартовск: НГПИ, 2000. – 83 с.
78. Палмер, Д. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens / Д. Палмер – СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. – 103 с.
79. Панов, Е.Н. Этология – ее истоки, становление и место в исследовании поведения / Е.Н. Панов. – М.: Знание, 1975. – 64 с.
80. Панов, Е.Н. Этология человека: история и перспективы // Поведение животных и человека: сходства и различия. Сборник научных трудов. – Пушкино, 1989. С. 28–62.
81. Панов, Е.Н. Общение в мире животных. Эволюционные и популяционные аспекты поведения животных / Е.Н. Панов. – М.: Знание, 1970. – 46 с.
82. Пашина, Л.А. Феномен человеческой агрессивности как предмет рассмотрения биологических наук / Л.А. Пашина // Новый университет. – 2013. – № 5 (26). – С. 10.
83. Перцев, А.В. Нужно различать философию и мудрость / А.В. Перцев // Хора. – 2008. – № 4. – С. 139–150.

84. Пилецкий, С.Г. Мировоззренческая значимость концепции Конрада Лоренца об агрессивности / С.Г. Пилецкий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 8–1. – С. 160–164.
85. Пилецкий, С.Г. О сути импульс-разрядной модели человеческой агрессивности / С.Г. Пилецкий // Вопросы культурологии. – 2013. – № 5. – С. 31–36.
86. Пилецкий, С.Г. Философский анализ предпосылок агрессивности человека в свете современной науки: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / С.Г. Пилецкий. – Ярославль., 2014. – 140 с.
87. Пилецкий, С.Г. Этологическое видение человеческой агрессивности / С.Г. Пилецкий // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. – № 6. – С. 20–25.
88. Плеснер, Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию / Х. Плеснер; пер. с нем. А.Г. Гарджикурбанова. М.: РОССПЭН, 2004. – С. 268-293.
89. Полуянов, В.П. Проблемы экологии в контексте технологической эпохи / В.П. Полуянов // Культура народов Причерноморья. – 2012. – № 231. – С. 176-178.
90. Ребещенкова, И.Г. Эволюция познания. Австро-германская традиция исследования в научно-философском контексте / И.Г. Ребещенкова. – СПб.: Роза мира, 2004. – 227 с.
91. Редько, В. Моделирование когнитивной эволюции: Взгляд из искусственного интеллекта / В. Редько // Логос. – 2014. – № 1. – С. 109–140.
92. Румянцева, Т.Г. Понятие агрессивности в современной зарубежной психологии / Т.Г. Румянцева // Вопросы психологии. – 1991. – № 1. – С. 81–87.
93. Руткевич, А.М. Теория институтов А. Гелена / А.М. Руткевич // Социологическое обозрение. – 2001. – Т. 1.– № 2. – С. 4–25.

94. Салов, Е.И., Салова, С.Е. Коэволюция науки и нравственности – новая парадигма культуры / Е.И Салов // Философия и общество. – 2006. – № 1. – С. 132-144 .
95. Салов, Е.И., Салова, С.Е. Этологический императив Конрада Лоренца в фокусе глобальной экологической проблемы / Е.И Салов // Проблемы окружающей среды и природных ресурсов. – 2005. – № 8. – С. 87–98.
96. Салова, С.Е. Взаимосвязь этологического императива Конрада Лоренца с восточной традицией целостного восприятия мира / С.Е. Салова // Исторические источники Евразийских и Северо-Африканских цивилизаций. Тезисы VI Международной конференции. – М.: ИВ РАН, 2005. – С. 131-133.
97. Салова, С.Е. Эволюционная эпистемология Конрада Лоренца: автореф. дисс. ... к. филос. наук: 09.00.01 / С.Е. Салова. – М., 2007. – 12 с.
98. Свидерский, А.А. Человек – природа: основания ценностного отчуждения / А.А. Свидерский // Проблемы современного антропосоциального познания. – 2009. – № 7. – С. 81–91.
99. Сериков, А.Е. Подражание, стереотипное поведение и новизна. / А.Е. Сериков // – Самара: Самар. гуманитар. акад., 2011. – С. 44–83.
100. Скрипник, А. П. Моральное зло в истории этики и культуры. / А.П. Скрипник. – М.: Политиздат, 1992. – 351 с.
101. Соколов, В.Е., Баскин, Л.М. К. Лоренц в советском плену / В.Е. Соколов // Природа. – 1992. – № 7 (923). – С. 125–128.
102. Соколова, Р.И. Теория фантазии А. Гелена / Р.И. Соколова // Философия человека: традиции и современность. – 1991. – Вып. 2. – С. 173–195.
103. Стевенсон, Л. Десять теорий о природе человека / Л. Стевенсон. – М.: Слово, 2004. – 240 с.
104. Сурнина, Ю.А. Природно-биологическая сущность человека в эволюционной эпистемологии К.Лоренца // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 2.

105. Тинберген, Н. Социальное поведение животных / Н. Тинберген; пер. с англ. Ю.Л. Амченкова. – М.: Мир, 1993. – 82 с.
106. Тинберген, Н. Поведение животных / Н. Тинберген; пер. с англ. О. Орлова и Е. Панова. – М.: Мир, 1978. — 192 с.
107. Федоров, И.А. Послесловие Лоренц К. Так называемое зло / И.А. Фролов; Под ред. А.В. Гладкого. – М.: Культурная революция, 2008. – С. 607–611.
108. Флиер, А.Я. Принадлежит ли культура только человеку? / А.Я. Флиер // Общественные науки и современность – 2006. – № 3 – С. 155–161.
109. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – М.: Республика, 1994. – 447 с.
110. Хекхаузен, Х. Из истории психологических исследований агрессии / Х. Хекхаузен // Мотивация и деятельность. – М.: 1986. – Т. 1. – С. 365–405.
111. Холличер, В. Природа в научной картине мира/ В. Холличер; пер. И.А. Акчурина.– М.: Прогресс, 1966. – 567 с.
112. Холличер, В. Человек и агрессия: (З. Фрейд и К. Лоренц в свете марксизма) / В. Холличер; пер. С. Черновой. – М.: Прогресс, 1975. – 132 с.
113. Черепанова, Е.С. Австрийская экологическая философия: К. Лоренц и Альтернберский кружок: автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.13 / Е.С. Черепанова. – Екатеринбург, 1993 – 17 с.
114. Черепанова, Е.С. Перспективы философской антропологии: классическая методология Х. Плеснера, постклассическая интерпретация И. Фишера / Е.С. Черепанова // Известия Уральского федерального университета. – 2004. – № 3. – С. 149–157.
115. Черепанова, Е.С. Суэта человечества на фоне биологической эволюции. Конрад Лоренц – «Деградация человечества» / Е.С. Черепанова // Сумма философий: Филос. ежегодник. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1991.
116. Чижов, А.Я. Современные проблемы экологической патологии человека / А.Я. Чижов. – М.: РУДН, 2008. – 611 с.

117. Шаповал, В.Н. Человек XXI века перед лицом глобальной экологической катастрофы / В.Н. Шаповал // Вестник Харьковского национального ун-та им. В.Н. Каразина. – 2012. – № 45. – С. 53–60.
118. Шелер, М. Положение человека в космосе / М.Шелер // Проблема человека в западной философии: Переводы / Сост. И послеслов. П.С. Гуревича; Общ. Ред. Ю.Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988.– С.31–96.
119. Шеманов, А.Ю. Самоидентификация человека как антропологическое самоотличение: подход к пониманию процессов глобализации в современном мире / А.Ю. Шеманов // Личность. Культура. Общество. – 2006. – №. 2 (30). – С. 107–131.
120. Шмерлина, И.А. Социология и этология человека / И.А. Шмерлина // Социологический журнал. – 2001. – № 1. – С. 33–44.
121. Шпенглер, О. Человек и техника / О. Шпенглер; пер. с нем. А.М. Руткевича. Культурология. XX век: Антология. М.: Юрист, 1995. – С. 454–492.
122. Элден, С. Животные Хайдеггера / С. Элден; пер. с англ. О.А. Власовой. Хора. – 2008. – № 3. – С. 98–112.
123. Ясперс, К. Истоки истории и ее цель / К. Ясперс; пер. с нем. М.И. Левиной. 2-е изд. М.: Республика, 1994. – 527 с.
124. Яшкова, Л.А. Упрощение как сущностная характеристика современного человека и угроза гибели / Л.А. Яшкова // Омский научный вестник. – 2009. – № 6. С. – 108–111.
125. Brigandt, I. Gestalt experiments and inductive observations: Konrad Lorenz's early epistemological writings and the methods of classical ethology / I. Brigant // Evolution and Cognition. – 2003. Vol. 9. P. 157–170.
126. Burkhardt, R. Patterns of Behavior: Konrad Lorenz, Niko Tinbergen, and the Founding of Ethology / R. Burkhardt. – Chicago: University of Chicago Press, 2005. – 636 p.
127. Campbell, D.T. On the conflicts between biological and social evolution and between psychology and moral tradition / D.T. Campbell // American Psychologist. – 1975. – Vol 30 (12). – P. 1103–1126.

128. Crist, E. The Ethological Constitution of Animals as Natural Objects: The Technical Writings of Konrad Lorenz and Nikolaas Tinbergen / E. Crist // *Biology and Philosophy*. – 1998. – Vol. 13. – № 1. – P. 61–102.
129. Evans, R.I. Konrad Lorenz: The Man and His Ideas / R.I. Evans. – Harcourt Brace Jovanovich, 1975. – 302 p.
130. Garvey, B. *Philosophy of Biology* / B. Garvey. – L.: Routledge, 2014. – 320 p.
131. Hardcastle, V.G. *Where Biology Meets Psychology: Philosophical Essays* / V.G. Hardcastle. – Massachusetts: MIT Press, 1999. – 391 p.
132. Kalikow, T.J. History of Konrad Lorenz's ethological theory, 1927–1939 The role of meta-theory, theory, anomaly and new discoveries in a scientific «evolution» / T.J. Kalikow // *Studies in History and Philosophy of Science. Part A*. – 1975. – Vol. 6. – № 4. – P. 331–341
133. Kalikow, T.J. Konrad Lorenz's Ethological Theory, 1939-1943: «Explanations» of Human Thinking, Feeling and Behaviour / T.J. Kalikow // *Philosophy of the Social Science. An International Journal*. – 1976. – Vol. 6. – № 1. – P. 15–34.
134. Lorenz, K. *Die Rückseite des Spiegels* / K. Lorenz – Print (Hardcover), 1973. – 261 p.
135. Lorenz, K. *Motivation of Human and Animal Behavior: An Ethological View* / K. Lorenz, Paul Leyhausen. New York, 1973. – 423 p.
136. Lorenz, K. *Studien im Tier und Menschlichen Verhalten: in 2 Volumina*. München, 1973. – 338 p.
137. Sarkar, S., Plutynski A. *A Companion to the Philosophy of Biology* / S. Sarkar, A. Plutynski. – Oxford: Wiley, 2010. – 616 p.
138. Shimony, A., Nails D. *Naturalistic Epistemology: A Symposium of Two Decades* / A. Shimony, D. Nails. – Dordrecht: Springer Science & Business Media, 2012. – 388 p.
139. Wieck, D.T. The Violence of Man Remarks on Konrad Lorenz: On Aggression / D.T. Wieck // *Diogenes*. 1968. – Vol. 16. – № 62. – P. 103–123.